

ОЛЬГА КОБЗЕВА

ВЫЖИТЬ
ОСТАТЬСЯ СОБОЙ

Все, о чем мечтала Олеся, — ребенок. Ради него она готова была пожертвовать многим, если не всем. Однако у Богов причудливое чувство юмора. Олеся попадает в место, где ее мечта вполне может исполниться, только вот какой ценой?

Выжить. Остаться собой

Глава 1

— Олесь, это была уже шестая попытка, — неловко начал Вадим. — Может, пора остановиться?

— Остановиться? — повернулась к мужу, смотря непонимающе, с недоумением. — Что значит остановиться? Ты больше не хочешь ребенка?

— Хочу. Как и прежде. Но... наша жизнь больше не похожа на ту, о которой мы мечтали. Вспомни, как мы любили гулять вечерами и на выходных, вспомни наши уютные посиделки за просмотром телевизора, вспомни наши походы... Теперь ничего этого нет. Иногда мне кажется, что и нас уже нет. Одни анализы, УЗИ, гормоны, врачи, клиники эти все время!

— Вадим, но ведь все это для нас. Для нашей семьи. Чтобы у нас появился ребенок.

Мои губы задрожали. Неудачный момент муж выбрал для разговора. Только час назад я узнала, что очередная попытка оплодотворения провалилась, яйцеклетка снова не прижилась. Мне и так, честно говоря, плохо, а тут еще такие разговоры.

— Олесья, — Вадим съехал на обочину и включил аварийку. Муж повернулся ко мне и взял ладошки в свои руки. — Олесья, я тоже хочу ребенка, но я устал. Очень устал от врачей, клиник и бесконечных анализов. Да у нас секс только в положенные дни! Я так больше не могу.

— А я не устала? — выдернула руки, тут же заводясь. — Это меня, вообще-то, пичкают гормонами. Меня тыкают иглками, мне подсаживают яйцеклетку за яйцеклеткой.

Вадим отвернулся, я видела, что муж старается сдерживаться, но меня уже несло. Последние три года выдались очень сложными, а этот месяц, полный изматывающего ожидания и подавно. И у меня не осталось сил, и у меня опускаются руки, но ведь все это не просто так. Ведь все, чтобы у нас появился малыш.

Почувствовала, как по щекам потекла соленая влага. Смахнула слезы и упрямо сжала губы. Я не отступлюсь, не сдамся!

— Думаю, нам стоит пожить какое-то время отдельно, — глухо выдал Вадим, глядя в окно.

Он сказал это так тихо, что я не сразу поняла смысл его слов. А когда поняла... меня словно током прошило. Пожить отдельно?

— Что? Я... не услышала. Что ты сказал?

— Все ты услышала, — Вадим повернулся. Муж выглядел уставшим, осунувшимся и каким-то потерянным. — Я хочу пожить отдельно. Устал. Прости, Олесья, я старался, честно старался, но больше так не могу. Три года я живу только работой и клиниками. Мы почти не общаемся, никуда не ходим, не встречаемся с друзьями. Все деньги уходят на ЭКО. Мы даже в отпуск съездить не можем.

— В отпуск? — переспросила оторопело. — Вадим, какой отпуск, если мы так хотели ребенка?

— Хотели. Но, видимо, не пришло еще время. Можно было взять малыша из приюта...

— Но я не хочу из приюта! — перебила, не веря, что этот разговор вообще состоялся. И когда? Именно сейчас, в тот момент, когда мне и так плохо! — Я хочу своего ребенка! Понимаешь, своего!

— Завтра я перееду к отцу, — Вадим снова завел машину и включил поворотник. —

Нам стоит отдохнуть друг от друга хоть немного.

— Но так нельзя! — выдохнула, не веря тому, что слышу. — Мы же семья, Вадим. Ты не можешь уехать.

— Уже три года мы не семья, а бракованный инкубатор! — слова мужа хлестали наотмашь. — А я так больше не могу! Хочу встречаться с друзьями, хочу пить пиво, хочу вспомнить, что все еще молод!

— Пиво? Так в этом дело? Но ты ведь знаешь, что алкоголь плохо влияет на сперматозоиды...

— Знаю. И больше не хочу об этом думать. Мне нужен перерыв.

— Я, мне... а мне? Что нужно мне ты не подумал? — я заводилась все сильнее. Уже просто кричала, не стараясь сдерживаться.

Вадим на меня даже не смотрел, полностью сосредоточившись на дороге. Вся его реакция заключалась только в сомкнутых плотно губах.

— Вадим, да посмотри же на меня! — в истерике дернула за руку, которой он держал руль.

— Спятила? — муж кое-как выровнял вильнувшую машину и все же повернулся ко мне. — Разбиться хочешь?

В этот момент нас обоих оглушил мощный гудок и уже в следующую секунду — сильнейший удар. Последнее, что успела заметить — огромный оранжевый грузовик, в бок которого мы влетели со всего маху.

Как ни странно, я помнила удар, помнила ссору с Вадимом, но вот что дальше — нет. Ничего, пустота. В себя пришла раньше, чем смогла открыть глаза. Поначалу тело ощущалось словно деревянным, непослушным, будто чужим. Я слышала голоса, разговоры, смысл которых от меня ускользал. Странные звуки, шум. То приходила в себя, то снова ускользала в забытие. Иногда мне давали попить. Голову приподнимали не слишком бережно и сквозь потрескавшиеся губы в рот текла теплая противная жидкость.

Не знаю, сколько провела в таком состоянии. День, два, неделю? Сначала удалось пошевелить пальцами на ногах. Долгие часы это было все мое развлечение — ленивые движения то одним пальцем, то другим. Потом открыла глаза. Моргнула пару раз, веки поддавались тяжело, натужно. На этом подвиги этого дня завершились. Сознание снова поглотила черная воронка. Но уже в следующий раз я смогла сжать кулак, в ладонь впились какие-то веточки. Удивление этого открытия и заставило пошире распахнуть глаза. Взгляд уперся в потемневшие неструганые доски.

А еще запах. Дым. Это был дым. Вонючий, едкий, не дающий вдохнуть полной грудью. Отмахнулась бы, да руки пока не хотят слушаться.

Нахмурилась, пытаюсь понять, где же я? Вращать шейю все еще не могла, только позднее поняла, что дело не в переломе или травме, чего подспудно боялась, а в банальном бессилии. Как ни странно, вокруг было тихо. Голоса слышались, но в отдалении. Снова сжала и разжала кулак, убеждаясь, что лежу на куче соломы. Поднять руку и рассмотреть добычу пока не могла, но дышала уже легче, если не считать навязчивого дыма. Словно рядом со мной жгут сухую траву. Вонючую сухую траву. Понемногу осматривалась. Скопив глаза, могла видеть только низкий, потемневший потолок из деревянных балок. Откуда проникает свет не поняла, но света было достаточно.

— Асана, ты пришла в себя? — услышала вдруг совсем рядом. Не сразу поняла, что

обращаются ко мне. Асана? Почему Асана? Я — Олеся! Видимо, меня приняли за кого-то другого, а документы не нашли. — Великая Мать, никто уже не верил! — продолжил голос надрывно.

Надо мной склонилась молодая девушка, на вид совсем еще ребенок. Черные кудри обрамляют по-детски пухлое личико. В глаза бросается очень темная, смуглая кожа. Нахмурилась, рассматривая почти черные губы, при этом у девушки обнаружились ровные белые зубы, стоило ей радостно улыбнуться.

— Где я? — просипела, и сама не услышав своего голоса. Какое-то шипение и все. Даже не хрип.

— Пить хочешь? — по-своему поняла меня девушка. — Сейчас принесу. И ледяшку только раздавать начали, — обрадованно заявила она, кивая. Бодро подскочила на ноги и куда-то умчалась.

Вернулась, однако, довольно скоро. Села рядом, прямо на пол. Подтянула меня чуть повыше, отчего у меня непроизвольно вырвался стон. Все тело болело. Ломило каждую косточку, силы в мышцах не было вовсе. Но девушку мои стоны не смутили. Сначала она помогла мне напиться, а после приставила ко рту миску с каким-то варевом. По-другому и не назовешь. Нечто склизкое, безвкусное, пахнущее... неприятно, в общем.

Сделав пару глотков, попыталась отстраниться, но девушка не дала, заставляя допить неприятное варево. Живот почти сразу скрутило сильнейшим спазмом, боль оказалась настолько резкой, что тело выгнуло дугой, снова застонала.

— Ой, ты так долго ничего не ела, — спохватилась кормилица. — Наверное, не стоило тебе столько ледяшки давать.

Это точно, не стоило, — промычала про себя, пережидая очередной спазм.

Девушка уложила меня на спину и принялась массировать живот. Мягкие движения по часовой стрелке сумели унять боль. Благодарно посмотрела на девушку, рассматривая ее чуть пристальнее. Только сейчас, когда она сидела, натянув платье, стал заметен округлившийся живот. Неужели беременна? Сколько же ей лет? И где я, все-таки?

Мысли текли вяло, веки потяжелели, глаза закрылись словно сами собой. От мягких, успокаивающих движений вскоре уснула.

Разбудили голоса. Мягкий, умоляющий, узнала свою кормилицу и резкий, гортанный, грубый. Мужской.

— Халишер, нельзя ей! — мягко настаивала знакомая мне девушка. — Нельзя, к Великой Матери отправится, если трогать!

— Пошла вон! — отвечал ей грубый голос. — Глаза, говоришь, открывала? — уточнил он, судя по звуку подходя ко мне вплотную. — Белая вся, тьфу! — сплюнул он рядом со мной. — Точно не сдохла?

— Нет, халишер, жива. Только слаба сильно. Лекарь нужен, халишер.

— Какой лекарь? — расхохотался грубый мужской голос. — Подохнет — мне и лучше. Спалю, и всех делов! Ладно, очухается — зови, поговорить мне с ней нужно.

— Как скажете, халишер, — я как раз открыла глаза, чтобы увидеть спину удаляющегося мужчины и непрестанно кланяющуюся ему вслед девушку, что ухаживала за мной.

— Кто это? — привлекла к себе внимание. Голос все еще не слушался, но шипение вышло вполне различимым.

Девушка резко обернулась, бросила на меня внимательный взгляд.

— Тише ты! — шикнула, оглядываясь. — Или хочешь, чтобы вернулся?

— Так кто это? Что ему нужно?

— Халишер Аравий, — ответила девушка, хмурясь. — Это он тебя привез, не помнишь?

— Куда привез?

— Сюда, в Жахжену. Совсем плоха, — покачала головой девушка. Теплая ладошка легла мне на лоб.

— Поможешь сесть? — постаралась приподняться на руках. — Как тебя зовут? — спросила, после того как девушка помогла мне опереться на стену позади.

— Айшас, — настороженно представилась она. — А ты не помнишь?

— Нет, прости, — мотнула головой, отчего перед глазами заплясали разноцветные мушки. — Жахжена, что это за место? Где мы?

— Жахжена — лагерь бравинов, — пояснила Айшас, только понятнее не стало.

— А где мой муж? И почему я не в больнице?

— Муж? — не поняла Айшас.

— Да, муж. Мужчина, который был со мной.

— То есть ты связана? — отпрянула Айшас. — У тебя разве есть покровитель? — взгляд девушки стал крайне недоверчивым.

— Покровитель? — удивило странное определение, но решила на заострять, сейчас есть вопросы поважнее. — Есть. Почему тебя это удивляет? У тебя разве нет? — кивнула на ее живот.

Лицо Айшас исказилось болью, она резко поднялась и вышла, напоследок одарив меня нечитаемым взглядом.

Глава 2

Если честно, не очень поняла, чем я ее так обидела. А ведь точно обидела, реакция говорит сама за себя. Раз уж я сижу, осмотреться не помешает. Ничего не понимаю! Что это за место? Какая-то лачуга, потолок очень низкий, еще когда в спину тому мужчине смотрела, обратила внимание, что ему приходилось пригибаться, когда он шел. Айшас ниже, но и она едва не касалась макушкой деревянных балок. Вокруг меня множество грязных тюфяков, весь пол усыпан сухой травой. Тронула колючие веточки, чуть сдвигая, под ними утрамбованная земля.

Никаких окон, вместо этого одна стена просто отсутствует, открывая вид на сочную зелень. С моего места не слишком хорошо видно, но сейчас точно день, за пределами убогого прибежища светло.

Поискала источник непроходящей вони. Неподалеку от меня и правда курился дымок. В крупной глиняной чаше лежали какие-то листья, они едва тлели, распространяя по скромной лачуге сводящий с ума запах и дым, мешающий нормально дышать.

Больше всего мне сейчас хотелось вдохнуть полной грудью, прочистить легкие от этого сводящего с ума запаха!

На то, чтобы подняться ушли все силы. Руки, ноги попросту отказывались слушаться, слабость ощущалась невыносимая, такой беззащитной, пожалуй, я себя еще не чувствовала. И вот только сейчас обратила внимание на наряд на себе. С неверием потрогала грубую ткань, отметила кривоватые швы ручной работы. Убогий наряд спускался ниже колен, бахромясь неопрятными нитками по нижнему краю.

Взгляд сам собой опустился к ногам. Грязным, с огрубевшей кожей и обильными трещинами. Не поняла, а где мой педикюр? Где мои аккуратные пальчики, где пяточки, за которыми я ухаживала не меньше, чем за ладонями?

Потрясла головой, ничего не понимая. Поднесла руки к лицу и окончательно обомлела. Руки... они тоже словно не мои. Длинные пальцы вроде похожи, но... где маникюр? Откуда эти мозоли? Судорожно стала рассматривать всю себя, ощупывать руки, ноги, тело... Довольно быстро убедилась, что все это какое-то чужое. И боюсь, это не тот случай, когда после долгой болезни ощущаешь себя другим человеком, я вдруг и стала другим человеком. Буквально другим!

Взгляд заметался по стенам в поисках зеркала. Погасила панику, не обнаружив искомого предмета.

Забыв про невероятную усталость, путаясь в заплетающихся ногах, рванула к пролому в стене. В ушах шумело все сильнее, зажмурилась от яркого солнца. Сделала всего около двух десятков шагов, а устала, словно пробежала марафон. Оперевшись на край стены, с ужасом оглядывала место, в котором вдруг оказалась.

Джунгли? Буйная незнакомая растительность вокруг. Что-то вроде полевого лагеря. Люди, все как один темнокожие, очень-очень темнокожие. Девушки, очень много молодых девушек. Почти у всех угадывается животик. Столько беременных в одном месте? Несмотря на свое состояние, девушки не сидели сложа руки. Собравшись стайками, они либо перебирали какие-то бобы, громко переговариваясь между собой, другие чистили рыбу, еще несколько плели сети, кто-то сутился у огромного чана, подвешенного над костром...

— Очухалась все же! — не заметила, как сбоку ко мне приблизился высокий, не

слишком опрятный мужчина.

Не настолько темнокожий, как девушки, скорее метис. Грубый ежик черных волос на голове, темные глаза, неопрятная многодневная щетина, какая-то палочка во рту, которую он жевал и то и дело перебрасывал с одной стороны рта на другую.

— Где я? — подняла на него глаза.

— Не смей пялиться! — одновременно со словами последовал удар. От мощной оплеухи я упала на землю, чувствуя, как рот наполняется солоноватой жидкостью.

Глаза опустились сами собой. Накатила невыносимая обида. Да что я сделала-то? Как я сюда попала? Что это за место? Однако задавать все эти вопросы поостереглась. Исполдволь поглядывая на девушек, заметила их интерес. Некоторые смотрели сочувственно, но большинство — равнодушно или с интересом, словно перед ними кино, а не действительность, в которой мужик бьет ни в чем неповинную женщину.

— Если очухалась, — сплюнул рядом со мной этот урод, — значит займись полезным делом! А то жрать все горазды... — выплюнул он напоследок, отходя.

Ко мне никто не подошел. Айшас я чем-то обидела, а больше до меня дела никому не было. С трудом поднялась, по стеночке доковыляла до ближайшей лежанки и опустилась на нее, сворачиваясь клубочком. Грудь разрывали рыдания. Позволила слезам покатиться по щекам, надеясь хоть на небольшое облегчение. Совершенно сбитая с толку, дезориентированная, я ничего не понимала. Ни где я, ни почему вдруг так изменилась, ни откуда эта жестокость от незнакомого человека.

Плакала долго, пока силы не закончились окончательно. Успокоиться заставила жажда. В поисках воды пришлось снова подниматься и идти к выходу, стараясь не поднимать глаз. Странно, девушки не выглядели такими уж запуганными, они спокойно общались между собой, но при моем приближении замолкали, провожали заинтересованными взглядами.

Вода нашлась в большой бочке, тут же висел деревянный черпак. Тяжеленный. Но ничего, зачерпнула воды и стала жадно пить. Прохладные струйки стекали по подбородку на шею, даря небольшое облегчение.

Утолив жажду, немного пришла в себя, словно сил набралась, пусть и немного.

— Идем со мной, — как оказалось, поблизости терпеливо ждала, пока напыюсь молоденькая девушка. Она и позвала меня за собой.

Покорно последовала за ней, краем глаза замечая того мужчину, что ударил. Он смотрел прямо на нас, словно ждал моей реакции. Не стала открыто на него смотреть. Шум в голове, слабость и мушки перед глазами подсказывали, что еще одной оплеухи я могу и не пережить.

Мы пришли к небольшому навесу, под которым стояли две плетеные корзины, наполненные серыми крупными стручками. Тут же сидели еще две девушки. Они споро раскалывали сухие стручки, вытряхивая из них ярко-желтые круглые бобы. Для бобов был приготовлен мешок, а мусор просто бросали рядом.

Присела, понимая, чего от меня ждут. Потихоньку вовлеклась в работу, стараясь хоть немного осмыслить происходящее. Девушки при моем появлении поначалу замолчали, но вскоре вновь завязался разговор, поначалу робкий, но спустя короткое время, они уже задорно смеялись.

— Зачем ты его злишь? — не сразу поняла, что вопрос адресуется мне.

Подняла глаза на ту, кто его задал. Красивая. Очень молодая, но уже глубоко беременная девушка в таком же тряпье, что и на мне, ноги босые, как и у всех тут. Огромные карие глаза в обрамлении длинных черных ресниц, крупные темные губы, высокие скулы.

Девушка смотрела на меня пылливо, ожидая ответа на свой вопрос.

— Кого?

— Халишера, — охотно кивнула девушка. — Он ведь и так тебя досуха выкачал.

Радуйся, что выжила.

— За что он так со мной?

— Не знаю, — пожалала она плечами. — Так-то халишер Аравий неплохой. Никого без дела не бьет, а тебя сразу, как привез, дергать стал. Но и ты огрызаешься постоянно, вот он и распаляется еще больше.

— Как тебя зовут? — выдавила, не в силах понять смысл того, что рассказала собеседница. По ее словам выходит, что я здесь уже давно... — Я ничего не помню, — выдавила чистую правду, с мольбой глядя на девушку.

— Ильшари, — с жалостью глядя на меня, представилась она. — А это Драха и Рольшен, — представила и остальных.

— Что это за место? — спрашивая, невольно втянула голову в плечи, со страхом ожидая ответа.

Ильшари посмотрела на меня со смесью жалости и непонимания.

— Жажжена, — тем не менее ответила она.

— Мне это название ни о чем не говорит, — призналась чуть смелее. — Как я сюда попала?

— Тебя привез халишер Аравий, — повторила Драха. — Как и многих из нас, — добавила она. — А ты откуда? Можно потрогать? — девушка протянула руку, спрашивая разрешения коснуться меня.

— Можно, — кивнула, смущаясь такого внимания.

— Первый раз вижу такую белую кожу, — призналась Драха, осторожно проводя ладонью по моей руке. — Тебе не больно?

— Нет.

— Такая тонкая, — восхитилась Драха. — Даже циниш видно.

— Циниш? — не поняла я.

— Ты, наверное, жила за большой водой? — предположила Ильшари. Третья девушка, Рольшен, молча слушала наш разговор, но сама молчала, потрогать мою, сильно отличную от их, кожу тоже не стремилась.

— Что это за страна? — вместо ответа спросила я, осторожно отнимая руку и возвращаясь к работе.

— Страна?

— Жажжена — это поселок, верно? На территории какой страны он находится? Ведь не России же?

Девушки переглянулись между собой.

— У тебя выкачали слишком много циниш, Асана, — с жалостью покачала головой Рольшен, впервые обращаясь ко мне.

Асана? Нахмурилась, не понимая, почему она называет меня таким странным именем.

— Я видела таких девушек, многие сходили с ума, а некоторые даже умирали, — заметила Ильшари.

— Жажжена входит в Верхний предел, — робко пояснила Драха. — Его еще называют Острожьем.

— А какие города поблизости? — не унималась я. — Крупные есть какие-нибудь?

— Эришат — самый большой, но далеко, полдня на шэрхе лететь или три восхода на баракаре. Есть еще Лаора, она ближе к большой воде.

— И Дрисс, — подсказала Рольшен. — Я из Дрисса, — грустно пояснила она.

У меня снова закружилась голова. Верхний предел, Эришат, Дрисс... Странные имена, странные названия. Что происходит? Может я вообще в коме, а все это мне только кажется? Это было бы самым логичным объяснением... если бы не привкус крови во рту после приветствия одного из местных. Слишком уж натурально это чувствовалось.

Поежилась, передергивая плечами.

— Тебе нужно больше есть, — заметила мое состояние Ильшари. — После большой потери циниш всегда нужно больше есть, а ты пять дней спала. Мы думали, уже не проснешься, уйдешь к Великой Матери, только Айшас верила, что очнешься.

Следующие пару часов я провела в компании этих девушек. Молча луцила местные бобы, слушала их разговоры и пыталась принять окружающую действительность.

Меня девушки называли Асаной, это имя им было известно, они его не спрашивали. Не сразу я стала на него откликаться, просто не понимая, что зовут именно меня. Асана. Что же случилось после аварии? Сколько прошло времени и где Вадим?

Как ни странно, но тоски по мужу не было. Беспокойство, тревога и за него, и за себя, но и только. Может, он был прав. Я заиклилась на возможности иметь детей, всю себя посвящала этой мечте. Думала, что она общая, наша с ним. Оказалось, только моя.

Внимание привлек странный шум. Некоторые девушки, находящиеся сейчас ближе к центру лагеря повскакивали со своих мест, прытко отбегая в сторону, словно прячась под деревьями. Многие подошли ближе к нам, закрывая обзор, поэтому я не сразу поняла, что там происходит. Встала, чтобы лучше рассмотреть, даже вытянула шею. Ильшари дернула меня за край одежды.

— Не смотри! — шикнула она. — Асана, сядь на место и опусти глаза, — посоветовала девушка, но унять мое любопытство не смогла.

Я все же присела, но не полностью и продолжила вытягивать шею в попытках увидеть причину переполоха.

Глава 3

Все оказалось проще. Просто нужно было смотреть не на землю, а в небо. Там по направлению к центру лагеря подлетала огромная птица. Нет, — поправила сама себя, — не птица. Летающий зверь. Что-то вроде птеродактиля, каким я его помню из книжек. Длинная вытянутая морда — большущий хищный клюв, крепко перемотанный, не позволяющий животному раскрывать пасть. Мощные крылья с широченным размахом, узкое, вытянутое туловище. Задние лапы мощные, толстые, а вот передние — напротив, словно вспомогательные. Короткие и хрупкие. На спине неизвестного животного заметила наездника, он крепко держался за две дужки, что-то типа вожжей, закрепленные на шее зверя и цепко осматривал лагерь.

В тот момент, когда его взгляд остановился на мне, Ильшари дернула меня сильнее, заставляя все же опустить глаза и буквально рухнуть на землю.

— С ума сошла? — зашипела девушка. — Это же сам халишер Тарскони, владелец Жахжены. На него нельзя смотреть без разрешения.

Я быстро опустила глаза, но поздно, уже успела привлечь внимание прилетевшего мужчины.

Лагерь замер. С момента, как странный птеродактиль приземлился посреди лагеря, никто не произнес ни слова. Девушки продолжали свои дела, но молча, низко опустив головы. Я тоже вернулась было к прерванному занятию, но спустя буквально минуту почувствовала чужой давящий взгляд.

— Это она? — глаз я не поднимала, но думаю, к нам подошел тот самый халишер Тарскони.

— Да, халишер, — ответил знакомый мужской голос — Аравий. — Своенравная слишком. Да глупая. Ведет себя, что дикая хельша. Как привез, так и не знаю покоя с ней! — жаловался мужчина.

— Даже не верится, — усмехнулся Тарскони. — На вид так кроткая, что домашняя ореча. Она уже в тяжести?

— Нет, халишер, — в голосе Аравия то и дело проскакивали непривычные подобострастные нотки. — Поначалу ведь велено было не спешить, а после циниш скачали, да перестарались чуток. Пять дней она в беспамятстве пролежала, думал уж уйдет к Великой Матери. Оказалась живучей, выкарабкалась, — словно с сожалением заметил он.

— Поосторожнее с ней, — голос Тарскони приобрел жесткость. — Таких белокожих у нас больше нет, сам знаешь, какая это редкость. Подождем белого заказчика. Но недолго, — цокнул он. — Дней через десять если не найдется, сам ее обрюхатишь. Метис тоже дорого уйдет.

Я делала вид, что работаю, а сама жадно ловила каждое слово мужчин. Что говорят обо мне догадалась быстро. А после слов о цвете кожи сомнений и вовсе не осталось. Неимоверных усилий мне стоило сдержаться и не вскинуться после слов о заказнике и прочем. Потихоньку начало приходить понимание, куда меня занесло.

Только легче от такого знания не стало. Напротив, руки задрожали, накатила слабость, еще большая, чем раньше. Мужчины отошли, я ясно слышала удаляющиеся шаги. И только после этого позволила себе обессиленно откинуться на дерево за своей спиной. Девушки поглядывали на меня с интересом, но вопросов ни одна задавать не стала. Стоило хозяину

лагеря с Аравием скрыться в отдаленном, одиноко стоящем домике, только тогда лагерь вновь загудел. Но все равно приглушенно, в пол голоса.

— Потерпи, — шепотом обратилась Ильшари. — Скоро ужин. Поешь — сразу легче станет.

— А воды где можно попить? — протолкнула сквозь пересохшее горло, ища глазами бочку.

— Да вон она, — махнула девушка рукой на бочку, из которой и умывались, и руки мыли, и для мытья посуды воду брали.

Выбора у меня не было. Стараясь побороть брезгливость, напилась теплой стоячей воды и вернулась к девушкам под дерево. Жара стояла невообразимая. А вкупе с повышенной влажностью, дышать с каждым часом становилось все труднее.

— Ильшари, — решила я на вопрос. — Ты прости заранее, поверь, у меня и в мыслях нет никого здесь обидеть, — закусила губу, не зная, как верно сформулировать свой вопрос. — Что это за место? Почему все девушки вокруг беременны? Что все мы тут делаем?

Все трое прервали работу и пристально уставились на меня.

— Жажжена, Асана, это самый большой поселок, куда приезжают богатые халишеры со своими иттани, чтобы купить ребенка.

— Ккупить ребенка? — от неожиданности даже стала заикаться. — Как это купить? И вы так просто отдаете?

Ильшари нахмурилась, отвернулась.

— Да что ты понимаешь? — буркнула Драха. — Небось выросла в неге и комфорте. Знаю я таких! А мы только тут, может, и наелись досыта! Да крыша над головой у многих только в Жахжене появилась! Поговаривают, девушки через несколько лет даже свой домик купить могут, — не очень уверенно закончила она.

— То есть вы тут добровольно?

— Большинство, — буркнула Рольшен.

Мне хотелось узнать, от кого все они беременны, неужели это Аравий такой старательный? Или есть другие мужчины? Но этих вопросов задавать не стала, поостерегшись настроить девушек против себя. Теперь-то я понимаю, на что обиделась Айшас.

— Но ведь я не пришла сюда добровольно? — снова вернулась к расспросам. — Почему я здесь?

— А нам откуда знать? — повернулась Ильшари. — Аравий тебя привез. Ты и правда брыкалась все время, первые дни и вовсе на веревке ходила. Что, правда ничего не помнишь?

— Не помню, — качнула головой. — Будто жизнь началась, когда Айшас меня разбудила. Даже сама себя не узнаю. Руки даже словно не мои, — вытянула конечности перед собой. — Вся словно и не я.

— Аравий специально тебя выкачал досуха, — очень тихо заметила Ильшари, подавшись ко мне. — Избавиться хотел, очень уж не понравилось ему, что перечила с первого дня.

После нехитрого ужина некоторые вернулись к работе, но многие начали готовиться ко сну. Приготовления заключались лишь в ополаскивании ног, отчего они, впрочем, не становились чище, ведь все до единой девушки были босы. Кто-то переплетал волосы, разбирая пряди пальцами, другие вывешивали одежду на растянутые веревки. Не стиранную, а ту, в которой ходили весь день. Наверное, немного запах пота за ночь выветрится, но на

волшебный эффект я бы не рассчитывала.

Ильшари и другие мои новые знакомые тоже оставили работу и ушли в домик. На ночь странные травы не только не погасили, но и напротив, добавили новых. Дым, казалось, проник в каждую щелочку низкого строения и, несмотря на отсутствие одной стены, стоял плотной стеной.

Заметила Айшас. Девушка, как и многие вывешивала одежду на улицу. Сама она при этом была замотана в длинное полотно, один край которого перекинула через плечо. Решила подойти к ней первой. Не знаю, что здесь происходит, что со мной такое случилось, но в любой ситуации теми, кто отнесся к тебе с добротой разбрасываться не стоит.

— Прости меня, Айшас, — тронула девушку за руку. — Я словно разумом повредила. Ничего не помню, никого не узнаю, совершенно не понимаю, где нахожусь. Я не хотела тебя обидеть. Спасибо, что не бросила, выхаживала все это время. Прости меня за дурные слова.

Поначалу Айшас делала вид, что не замечает, но под конец искренней речи повернулась и даже немного улыбнулась.

— Ты с самого начала была не такой, как все здесь, — кивнула она. — Правда ничего не помнишь?

— Совсем ничего. У меня есть какие-то вещи, помимо этого платья? — указала на собственный наряд, чудовищно ему польстив, называя платьем.

— Идем, покажу, — кивнула Айшас. — Халишер Аравий тебя привез без мешка, но потом кое-что все же выделил.

Мы вернулись в лачугу. Айшас уверенно нашла ту лежанку, на которой мне не повезло прийти в себя. Со одной стороны подстилка топорщилась. Девушка достала из-под низу худой сверточек, передавая мне.

— Спасибо, — поблагодарила с улыбкой. — А зачем здесь все время жгут эти травы? Дышать ведь нечем.

— Халишер Аравий приказал, сказал, для нашего духа полезно, — пожала плечами Айшас. Ее дым, похоже, несколько не смущал.

Я же решила, что спать в таком смраде просто не смогу. Аккуратно свернула свою подстилку, захватила сверток с вещами и вынесла все на улицу. Девушки провожали меня недоуменными взглядами, но останавливать никто не спешил.

Найдя местечко неподалеку от того места, где провела сегодня много времени, раскатала снова свою подстилку и принялась рассматривать содержимое свертка. Такая же хламида, как на мне, даже цвет схож и странные короткие штаны, думаю, это нижнее белье — вот и все мое богатство. Да уж, негусто. Сверток засунула под голову, улеглась, рассматривая небо. Несмотря на то и дело донимающих насекомых, возвращаться в домик не собиралась. Тут меня могут сгрызть, там задохнусь, выбор невелик, на самом деле.

Сейчас, когда и поговорить было не с кем, и работой не занята, появилось время для размышлений. Не слишком веселых, будем честны. Выстраивать логическую цепочку я откровенно боялась. Точнее не этого, а тех выводов, к которым она неизменно приведет. Осторожно стала нанизывать бусины событий. Не спеша, давая себе время осознать и привыкнуть.

Итак, авария. Думаю, мы с Вадимом все же попали в аварию. Я отчетливо помню истощенный звук клаксона и оранжевый бок грузовика. Потом — ничего, темнота. Очнулась уже здесь. На «здесь» стоит остановиться подробнее. Место, о котором я никогда не слышала. Странные имена и названия, но самое необычное, пожалуй, все же средство передвижения местного владельца всего этого богатства.

И если эту фабрику по разведению людей, а что это, как не фабрика, еще можно как-то объяснить. Тем более, цвет кожи вполне подсказывает, где такое вполне могло бы существовать. Но тут появляется нестыковка первая — почему я понимаю местных, а они меня? Ладно, к этому еще вернусь. Но вот птеродактиль, привязанный сейчас в отдалении за домами точно в Африке не водится. Когда-то, возможно, и водился, но не в двадцать первом веке, это точно. Уж на это моих скромных познаний в зоологии точно хватит.

Теперь самое сложно и пугающее — мое тело. Зеркала или чего-то подобного я так и не нашла, в бочку с водой, конечно, смотрелась, да только ничего не разобрать было. Но вот длинные светлые волосы, коих у меня не было никогда, другие конечности, другая фигура, пальцы... все другое в общем, вот это уже серьезно. Тут два варианта — либо я сошла с ума и не помню, как выглядела раньше, то ли... то ли это не я. Ну или не совсем я. Сознание точно мое, тут сомнений никаких, а вот тело... тело чужое.

Да, я это сказала, пусть и в мыслях, и только самой себе. Я не в своем теле. Выдохнула, восстанавливая ясность мысли. Как это могло произойти? Переселение душ? Но тогда выходит, что та я, Олеся... умерла. Слезы навернулись на глаза, но и это не все открытия. Это место, эти женщины, а главное «птеродактиль», все это слишком для Земли двадцать первого века. Значит, это тело жило либо в другом времени, либо в другом месте.

Слезы покатались градом, уже даже не пыталась сдерживаться, лишь иногда утирая соленую влагу. Неужели такое бывает? Не знаю, к кому обращалась, задавая этот вопрос, возможно, что к небу. Неужели и правда моя прошлая жизнь окончена и началась новая? Эта девочка, Асана, умерла здесь, я там... а может, она сейчас на моем месте? Тогда мне еще повезло, ведь ее тело хотя бы целое, а после столкновения с тем грузовиком у *меня* шансов остаться невредимой не было вовсе.

Этой ночью я не спала. Смотрела на звезды, не пыталась найти различия, нет. Признаться, я никогда не была сильна в астрономии. Просто смотрела. Плакала. Много плакала, со слезами омывая скорбящую душу. Скорбящую по ушедшей жизни, по Вадиму, по привычному миру. Слезы помогали не сойти с ума, удержаться на грани. А то, что этой ночью я была на грани — совершенно точно. То и дело мелькали глупые мысли сделать что-нибудь с собой, покончить одним махом.

Останавливало осознание, что второй шанс мне дан не просто так. Отказаться от него всегда успею, теперь же стоит попытаться побороться.

Уже под утро, когда глаза жгло от слез и усталости мысли свернули к более насущным вопросам. Итак, меня, как и всех здесь собираются *оплодотворить*, чтобы после продать моего ребенка. Только женщина, прошедшая через то количество ЭКО, через которое прошла я с целью забеременеть поймет, насколько такой вариант событий для меня неприемлем. Ребенок, малыш — моя мечта! Самая большая и пока не сбывшаяся. На самом деле сейчас, когда рядом нет Вадима, я уже не так сильно хочу ребенка. Нет, хочу конечно,

но не прямо сейчас. Сначала нужно разобраться с собственной жизнью, хоть немного наладить быт. Сбежать из этого ужасного места!

Да, именно это и нужно сделать в первую очередь. Не знаю причин, по которым эти несчастные девочки согласились на такую жизнь, возможно, причины и довольно существенны. Только я на такую жизнь не согласна!

Насколько я поняла, почти все здесь добровольно, а вот меня Аравий привез насильно. Судя по значительному отличию в цвете кожи, Асана... я, нужно привыкать называться себя именно так, так вот я издалека. Вокруг нет никого настолько же светлогожего, как я. Да девочки, кажется, даже не видели такого цвета никогда, судя по их реакции. Что это мне дает? Немного, если учесть, что памяти прошлой владелицы этого тела у меня нет. Хотя бы понимаю речь, что уже немало. Думаю, Аравий меня выкрал. У родителей или... или мужа. Как проверить, была ли Асана замужем? Даже не представляю, если честно.

Мне бы найти хоть кого-то, кто был знаком с девушкой раньше. Версия про потерю памяти кажется мне вполне приемлемой, с местными вот сработала. Если удастся найти старых знакомых, возможно, они помогут вернуться домой, к родителям.

Думаю, сбежать я могла бы хоть прямо сейчас. Никакой охраны я так и не заметила, как ни вглядывалась в темноту вокруг. Только пара жутких птеродактилей, но они надежно привязаны. После прилета Тарскони заметила, что на окраине лагеря уже был такой же зверь, просто я его не замечала. Тоже со связанным клювом, оба теперь на цепи.

Вообще, в лагере было довольно мало мужчин. Кроме Аравия, я видела только двоих. Не знаю точно, какую функцию они выполняют, может и просто рабочие. Перед ужином заметила, как один рубит толстые ветки, напоминающие тростник-переросток, а другой наполнял водой заметно опустевшую бочку.

Рано утром, девушки еще не проснулись, а солнце только-только стало показываться из-за горизонта, в лагерь прибыла целая делегация на птеродактилях. Я с интересом разглядывала прибывших. Аравий выскочил их встречать, едва только послышались первые удары крыльями о землю. На одном крылатом звере сидел взрослый мужчина. Такой же темнокожий, как и все тут, но волосы и ухоженная борода пришельца были седые. На втором птеродактиле прилетели сразу двое. Тоже по виду уже не слишком молодой мужчина и совсем молоденькая хрупкая девушка. Наряд девушки словно был нарезан на полосы и развевался на ветру. Даже засмотрелась. Волосы она собрала в высокую прическу, накрыв сверху чем-то вроде тюрбана, мужчины головы не покрывали.

Приземлившись, убеленный сединами отвел зверей подальше от лагеря, надежно фиксируя. Клювы и у этих двоих были крепко перемотаны, не позволяя животным раскрыть пасть. Бедные, как же они пьют и едят?

Посмотреть на кормление хищных зверей мне удалось ближе к вечеру. Гости тогда уже улетели, а вот птеродактиль халишера Тарскони оставался в лагере, как и его хозяин. Халишер Тарскони сам лично понес зверю ведро с кусками сочащегося кровью мяса и другое — с водой. Разматывая пасть, мужчина все время был настороже. В руках держал острую зазубренную палку с металлическим наконечником, за поясом виднелся большой тесак. Зверь при этом оставался крепко привязанным за обе лапы толстой цепью.

Девушки на кормление не смотрели, каждая предпочла отойти как можно дальше, кто-то даже укрылся в домике. А вот меня снедало любопытство. Поначалу пряталась за деревом, но оттуда было совсем плохо видно, поэтому спустя пару минут все же решилась выглянуть и даже подойти ближе. Благодаря тому, что все отошли, меня никто не

останавливал.

Тарскони размотал удерживающую пасть перевязь полностью, ведра он еще раньше поставил поближе, сам не стал отбегать или отскакивать. Лишь достал тесак, расставив ноги пошире, всем своим видом демонстрируя готовность защищаться.

Птеродактиль первым делом, стоило его пасти освободиться, раззявил ее максимально широко и издал душераздирающий крик такой громкости, что после него еще с минуту звенело в ушах. После первого, самого громкого последовало еще несколько значительно тише, и уже после он принялся жадно пить. Лишь напившись, зверь обратил внимание на мясо.

Мне было невероятно интересно, как же Тарскони заставит зверя снова перевязать пасть. Вот птеродактиль доел и, еще жуя последний кусок, попятился от мужчины. Но и тот не зевал. Вытянул перед собой ту самую заостренную палку и слегка коснулся бока зверя. Я широко распахнула глаза, потому что в месте касания даже с моего места видна была голубоватая вспышка. Птеродактиль снова взвыл и забил крыльями. Тарскони снова продемонстрировал ему палку, и зверь покорно захлопнул пасть, позволяя мужчине себя связать.

Мне стало безумно жаль этого зверя. Что за жизнь он влечет? Не могла оторвать от него глаз даже тогда, когда все было кончено и начальник лагеря, забрав опустевшие ведра, направился к центру Жахжены. Мужчина не обратил на меня внимания, а вот птеродактиль словно почувствовал мой взгляд. Посмотрел прямо на меня. От его пристального внимания даже мурашки по коже побежали. Во взгляде крылатого животного была мука и мольба.

— Ты снова за свое? — одернула меня Ильшани, выводя из своеобразного транса, в который я невольно погрузилась, меряясь взглядами с птеродактилем. — Пошли, ужин скоро!

Я чувствовала себя такой же пленницей, как и этот несчастный зверь. И пусть я не связана по рукам и ногам, это лишь оттого, что не представляю физической опасности.

Во время еды я вспоминала ту пару, что прибыла днем. Мужчина, как мне кажется, просто их сопровождал. Убеленный не совсем еще старик явно приходился Тарскони родственником, ну или близким другом. Сужу по тому, как они здоровались и общались. С Аравием Тарскони держался хоть и накоротке, но все же высокомерно, по-хозяйски. А вот с тем мужчиной они обменялись хлопками по спине, а в конце даже обнялись.

Я так поняла, что роль мужчины заключалась как раз в том, чтобы привезти сюда высокородную пару. К мужчине все, включая Тарскони, обращались «халишер», а к девушке «иттани». Ильшари немного недоуменно пояснила, что таково обращение к высшим родам. Что за высшие рода она пояснить не успела, что-то нас прервало. Выходит, и Аравий, и Тарскони — тоже те самые «высшие», как и их гости.

Мужчина с девушкой расположились в одном из домиков. К ним туда попеременно ходили сначала молоденькие небеременные девушки. Заходили по одной, проводили некоторое время внутри и выходили с нечитаемым выражением лиц. После позвали нескольких, находящихся на поздних сроках беременности. Айшас тоже ходила.

Эти были внутри еще меньше. Выходя, отмалчивались, ничего не объясняя. Хотя, надо признать, с расспросами к ним никто и не приставал. Похоже, только мне одной было до жути интересно, что же происходило там, внутри домика. Для чего туда звали девушек. Конечно, предположения у меня появились, но все вокруг настолько дико для меня, что самые органичные предположения просто не укладываются у меня в голове. Мне нужно

было подтверждение кого-нибудь из тех, кто ходил «на смотрины». Так что после ужина я сама пошла к Айшас.

Отношение девушки потеплело после моих извинений, но держалась она все же чуть настороженно. Не знаю, было ли так и раньше или виной тому мои неосторожные слова. Айшас переплетала волосы, неловко разбирая спутанные пряди руками. Легко предложила свою помощь. Девушка глянула на меня с сомнением, но повернулась спиной, предоставляя мне продолжить распутывать ее волосы.

— У тебя нет гребня? — с сомнением осмотрела фронт работ.

— Есть, старенький.

Айшас достала нечто каменное, с частыми зубьями, половина из которых оказалась выломана. Но гребень Айшас так любовно прижимала к груди, что сразу становилось понятно, ей эта вещица действительно дорога.

— Я осторожно, — пообещала, протягивая руку.

Айшас передала мне хранимый предмет и снова повернулась спиной. Прочесать ее гриву, даже имея гребень, оказалось той еще задачей. Я старалась сильно не дергать, действовать как можно нежнее. Зато в ближайший час, не меньше, судя по объему работы, мы вполне можем поговорить.

— Ты давно здесь? — решила зайти издалека.

— Меньше одного оборота. В заревник пришла. Мать ушла к духам, отец еще раньше, — невесело рассказывала девушка. — Втроем мы остались — я, да Дишка с Ирасом, но они мелкие совсем еще. Отдала их соседке, а сама пообещала красчи передавать на содержание. Когда понесла, халишер Аравий мне щедро красчей отсыпал, я все их Тильшасе и отправила.

— Дишка с Ирасом — это твои брат и сестра?

— Угу, — Айшас только кивнула. — Отец циниш скачивал, чтобы красчей раздобыть, крышу нам залатать нужно было. Не рассчитал, выдоил себя досуха. Домой тогда так и не вернулся. После нашли его неподалеку от дома, только зря все, даже кошеля при нем не было. Мать раньше срока разродилась, да после уже не вставала.

— А сколько тебе лет?

— Лет? — не поняла Айшас.

— Как давно ты родилась? — переформулировала.

— Скоро будет четырнадцать оборотов. В эхор мать меня в мир привела. А ты не хочешь рассказать о родных? Как жила раньше? — чуть обернулась ко мне девушка.

— Прости, я и правда ничего не помню, — чуть слукавила я. Хотя о жизни прошлой владелицы этого тела я и правда ничего не знала. — Айшас, а зачем прилетали те двое? — когда девушка немного расслабилась, поинтересовалась я. — Халишер и иттани, — уточнила, хотя вряд ли это требовалось.

— За тем же, зачем и другие прилетают, — пожала плечами Айшас. — Гольш им нужен.

— Но ведь иттани совсем еще молода, почему сама родить не хочет?

— Ты что, и правда ничего не помнишь? — Айшас вскочила и повернулась ко мне. — Асана, неужели ты сама не понимаешь, зачем гольша покупают у таких, как мы?

Девушка разнервничалась, грудь ее тяжело вздымалась, глаза гневно посверкивали. Я даже отступила на шаг, и правда не понимая, что такого спросила.

— Прости, я... не понимаю, что сказала, — опустила руку с гребнем, виновато глядя на

девушку перед собой.

— Что тут у вас снова? — со спины незаметно подошла Ильшари.

Айшас с силой вырвала у меня гребень и повернулась к Ильшари.

— А вот объясни нашей новенькой, зачем высокородные сюда за мальками прилетают! — зло выпалила она. Развернулась и опрометью бросилась к домику.

— Ильшари, я и правда не понимаю, почему та иттани сама родить не может, — пожалала плечами, глядя вслед удаляющейся девушки. — Зачем им чужой ребенок?

— Тут память не нужна, Асана, чтобы ответ верный найти! — тоже не слишком добро заметила Ильшари. — Судя по тому, что они пустых девок звали на смотр, не только грузных, голыш им не один нужен. Такие, кто пустых смотрит, выбирают по силе и по внешности. Бывает, что иттани не хочет рожать, ну или не может, кто знает, а халишеру наследник нужен. Вот он и подыскивает себе в таком вот лагере ту, что родит. Девок такие не забирают, только мальчиков.

— Но ведь они и беременных девушек звали, — напомнила я.

Ильшари цокнула, покачала головой.

— Циниш с голышей качать, в прислугу, а кто и для обрядов, — тяжело вздохнув выдала она.

— Для обрядов? — переспросила оторопело.

— Для обрядов! — выкрикнула девушка. Разговор ей явно был неприятен, но мне нужно было хоть немного понимать, куда же я попала. — Жертву приносить! Или кровь невинную! Все, хватит болтать, отдыхать пора.

И тоже ушла, оставляя меня наедине со своими мыслями. Говорили мы на повышенных тонах, так что теперь многие косились в мою сторону. С неодобрением. Девушки заметно посмурнели, голоса и смех стихли. Своим разговором с Ильшари мы словно напомнили всем здесь, для чего они носят ребенка, какая судьба его ждет.

Господи, я ведь думала, детей продают бездетным парам. Это, конечно, ужасно, но все же не так, как то, что рассказала Ильшари. Каково это, знать всем этим девушкам, что их младенца, возможно, принесут в жертву. Или станут выкачивать у него кровь, или циниш...

Про циниш я вообще, если честно, пока ничего не поняла. Поначалу думала, что так местные кровь называют, но теперь понимаю, что нет, это не так. Что же это тогда такое? Ведь и бывшей владелице этого тела пришлось пройти через процедуру донорства неизвестной мне циниш, после чего она умерла.

Да, пора наконец перестать прятать голову в песок. Асана умерла, а ее тело каким-то непостижимым образом досталось мне. Жаль только, что вместе с телом мне не достались хоть какие-нибудь знания девушки. Ее воспоминания мне сейчас совсем бы не помешали.

Эту ночь я тоже решила спать на улице. Вчера меня никто не трогал, не одергивал в этом моем желании. Ночью очень донимали насекомые — мелкие пакостники. Но лучше уж я буду чесаться днем, чем задыхаться ночью. Сегодня мне очень нужно поспать, восстановить силы, а вот завтра я планирую выбраться из этого места. Не похоже, что за девушками слишком уж пристально следят, думаю, должно получиться.

Уже устраиваясь на ночь, услышала тихий, приглушенный звук, что-то вроде стоны, только довольно глухого. Прислушавшись, постаралась определить, откуда исходит звук. Поднялась, осторожно шагая по примолкшему лагерю.

Глухие стоны издавал птеродактиль Аравия. Тарскони улетел вслед за гостями, зверь Аравия остался один. Птеродактиль выглядел не слишком здорово, бока ввалились,

серебряные глаза казались тусклыми, будто потухшими. Он мотал головой из стороны в сторону, явно стремясь освободиться. За прошедшее время я ни разу не видела, чтобы Аравий его кормил или поил. Не то, чтобы я следила за мужчиной, но кормление крылатого зверя, думаю, не пропустила бы.

Подойдя ближе, но все же оставаясь на значительном расстоянии, с интересом наблюдала за метаниями птеродактиля. Он же, словно почувствовав мой взгляд, замер и медленно обернулся в мою сторону. Зверь снова попытался издать какой-то звук, но у него, ожидаемо, ничего не вышло. Тогда наклонил морду вперед, вытягивая ее в мою сторону. Шагнул раз, другой, но замер, остановленный цепью.

Перевела взгляд на цепь, проследила ее по всей длине, начиная от щиколотки зверя и до металлического кольца, вбитого в землю, где цепь и была закреплена. Замка никакого я не увидела. Мне кажется, там что-то вроде защелки. Но подходить ближе, чтобы удостовериться не стала.

Птеродактиль расправил крылья, в очередной раз поражая меня их размером, взмахнул, поднимая ветер и пыль. Снова выгнул шею, будто пытаюсь издать какой-то звук.

Стало безумно жаль мощного зверя, укрощенного волей человека. Неужели нельзя обходиться с ним как-нибудь помягче? Неужели обязательно держать на жаре без воды и еды? Со связанной пастью...

— Прости, я ничем не могу тебе помочь, — обратилась к птеродактилю тихонько, стоя на значительном удалении. Не знаю, понял ли зверь или я выдаю желаемое за действительное, только мне показалось, что он прикрыл глаза, глядя на меня довольно осознанно. Словно соглашался.

Постояла еще немного, с сожалением глядя на такого же заложника, как и я, и побрела обратно в лагерь.

Спала я дергано, вздрагивая от каждого шороха, постоянно хлопая по себе, ощущая жалящие укусы. Но все же спала. Наутро чувствовала себя намного бодрее, чем накануне, а еще в груди стало нарастать незнакомое чувство. Я бы назвала его жжением, только это не совсем верное определение. Беспокойство, томление, словно царапало что-то изнутри, в районе солнечного сплетения. Было и еще кое-что — глядя на свои руки, рядом с венами отчетливо стали видны другие прожилки — ярко-желтого, почти золотого цвета. Ставя пальцы на запястье, в то место, где пульс чувствуется особенно ярко, я слышала, кроме знакомых толчков, еще и звенящую вибрацию. Едва уловимую, но вполне отчетливую. Кажется, я нашла ту самую циниш.

— Вертуха, обманка, пустышка! — утро началось с жутких криков. Разодрала глаза, с трудом понимая, где я и что происходит.

Кричал Аравий. Во сне я пропустила прибытие еще одного мужчины на птеродактиле. Он сейчас стоял у входа в дом Аравия, тогда как сам хозяин строения кричал на молоденькую девочку. Та сжалась вся, по щекам бедняжки текли слезы. Когда Аравий отвесил девочке мощную пощечину, от которой она рухнула на землю, я едва сумела удержаться от того, чтобы не подбежать. Только понимание, что ничем не помогу, лишь себе наврежу, удержало от такого шага.

Девчонка и не пыталась подняться, напротив, сжалась на земле комочком, закрывая голову и живот. Думаю, с ней такая ситуация не впервые, ведь следующее, что стал делать Аравий — пинать несчастную ногами. Не сильно, было видно, что мужчина сдерживается, но все же. Смотреть на это было очень тяжело, сама не заметила, что плачу. От бессилия, от жалости, от невозможности изменить ситуацию...

И тут Аравий будто почувствовал мой ненавидящий взгляд. Мужчина медленно поднял глаза и встретился взглядом с моим. Вот тут его и накрыло бешенство. В несколько широких шагов он достиг дерева, за которым я укрывалась.

— А ты что здесь делаешь? — взревел мужчина, хватая меня за волосы. От боли зашипела, выгнулась, забила ногами, ведь он стал поднимать меня над землей, удерживая за растрепавшуюся косу. — Ты что, здесь спала? — последовал новый вопрос. — Ну-ка пошла в барак! — приказал он, подталкивая ко входу в лачугу. — Шевелись! — и придал мне ускорения ногам.

До лачуги буквально доволоч и швырнул на пол. Девушки только-только стали просыпаться, многие смотрели на нас непонимающими взглядами, разбуженные криками и шумом.

— Сатиша! — позвал Аравий кого-то. С дальнего топчана, расположенного у проема в стене, поднялась молодая женщина, думаю, одна из самых старших здесь.

— Слушаюсь, халишер Аравий, — склонилась она, несмотря на огромный, выпирающий живот. Глаз не поднимала, смотря исключительно в пол.

— Эту на цепь, — сплюнул рядом со мной. — Сегодня не кормить, вечером выкачать циниш. И не жалей ее! Будет меньше филара — с тебя скачаю, поняла?

— Поняла, халишер, — бесстрастный голос.

Аравий ушел, все еще пыхтя праведным негодованием, а я попыталась подняться с пола. Никто ко мне не подошел, чтобы помочь, словно я прокаженная. Та самая Сатиша, поковырявшись в углу, достала длинную тонкую цепочку и двинулась ко мне.

— Не дергайся, — предупредила она, застегивая у меня на щиколотке «украшение». Что хорошо — я в деталях рассмотрела принцип застежки, думаю, сумею расстегнуть.

Как мне кажется, никто всерьез не рассчитывал, что я попытаюсь самостоятельно освободиться и сбежать, все же девушки были здесь не по принуждению. Всем им нужны были деньги, ради этого и терпели подобное обращение.

Сатиша же, закончив со мной, занялась травами, что к утру практически перестали чадить, добавляя новые веточки и снова разгоняя дым по лачуге.

— Зачем ты их зажигаешь? — спросила, с интересом следя за действиями женщины.

— Халишер Аравий велел, — последовал короткий ответ.

— Но для чего все время дышать дымом? — не унималась я.

Сатиша посмотрела на меня, нахмурившись.

— Вот поэтому ты и сидишь на цепи, словно дикий шэрх, — беззлобно заметила женщина. — Раз халишер Аравий велел, значит так нужно.

И ушла заниматься своими делами. Логика потрясающая! Только рабская какая-то... Эти девушки, видимо, с детства растят с мыслью, что нужно повиноваться, а вот я воспитана иначе.

Постаралась устроиться поудобнее. Мои вещи, оставленные на улице, вскоре принесла Ильшари. На меня смотрела с жалостью, но близко не подходила. Через несколько часов, таясь и постоянно оглядываясь, Ильшари принесла мне попить и тайком сунула круглый вареный овощ. Резковатый на вкус, но это лучше, чем ничего. Поблагодарила девушку и тут же вгрызлась в подношение, пока никто не увидел, что распоряжение Аравия посмели нарушить.

День прошел уныло. От постоянного дыма кружилась голова и накатывала слабость. Планы, что лелеяла вчера стали казаться глупыми. Ну куда я пойду одна? Кто меня ждет за пределами Жахжены? А тут, если следовать правилам, вполне можно жить... Дернула головой, прогоняя навязанные мысли. Нет, я не могу так думать! Жить в месте, где меня станут заставлять рожать, чтобы после отдать ребенка неизвестно кому, а возможно и вовсе обречь на мучительную смерть? Нет, я точно не могу думать, что мне это подходит.

А еще заметила, что те золотые полоски рядом с венами поблекли и больше не ощущались как вчера. Интересные свойства у чадящих травок. А в том, что мое состояние связано именно с ними я не сомневалась.

Насколько позволяла длина цепи, подошла к проему в стене, чтобы дышать максимально чистым в предложенных условиях воздухом. Вдыхала полной грудью, стоя у самого проема, пока не почувствовала, что в голове немного прояснилось. Думаю, травки помогают Аравию удерживать здесь девушек, заставлять смириться с подобной участью, не задумываться о собственном будущем и будущем малышей, что они носят.

Пока стояла у проема заметила движение в центре лагеря. Появление в небе птеродактиля пропустила, стояла, закрыв глаза. А вот приземление сложно было заметить. С крылатого зверя соскочил взрослый мужчина, которого встречал Аравий. Мужчины раскланялись друг с другом, как равные, подобострастного отношения не заметила ни с одной стороны. Аравий увел мужчину в свой дом, а после туда же направилась молодая девушка.

С моего места невозможно было рассмотреть большего, но и того, что я видела, оказалось достаточно, чтобы догадаться, что происходит. Удивило, что вскоре после того, как девушка вышла из домика, как ни в чем не бывало вернувшись к своей работе, туда же зашла еще одна. И первую, и вторую едва ли не за руку привел Аравий.

Мужчина снова почувствовал мой прожигающий взгляд. Оглянулся, заметил мой интерес. Я не стала опускать глаза. Это не бунтарский дух, нет. Это — не готовность подчиняться жестокости и несправедливости! За что и поплатилась довольно скоро.

Отведя девушку в дом, Аравий прямиком направился в мою сторону. Шел он уверенно, чуть наклонив голову вперед, словно набычившись. Думаю, он хотел подавить мою волю, сломить одним взглядом, только не на ту напал! Поборов воздействие вонючей травы, я не собиралась подчиняться. Правда, мысль, что Аравий может меня избить и даже покалечить

все же мелькнула, но понуриться, опустить глаза не заставила.

Мужчина приблизился довольно скоро. Прошел мимо меня, оглядывая мою скромную персону со всех сторон. Заставила себя не шевелиться, не следить за ним взглядом. Боковым зрением заметила, как он довольно бесцеремонно меня оглядывает. Поддел босой ногой цепочку, наступил на нее, заставляя меня дернуться в его сторону.

— Осталось всего несколько темных, и Тарскони отдаст тебя мне! — выдохнул мужчина мне прямо в лицо.

Почувствовала, как его потная рука легла мне на бедро и поползла выше, задирая платье. И сейчас я стояла недвижно, представляя, как вырвусь из этого места уже сегодня ночью. Ничто меня не удержит! И этот козел больше не будет надо мной властен.

Аравий меж тем осмелел, одна его рука расположилась на моих ягодицах, другая шарил по груди. Он разорвал и без того свободный ворот моего одеяния, оголяя грудь.

— А ты ничего, хоть и бледная, — противно облизываясь, одобрительно заметил Аравий.

Прикосновения его губ к груди уже просто не смогла стерпеть. Дернулась, одновременно с тем запахивая порванное платье.

— С норовом, — хмыкнул мужчина. — Ничего, скоро по-другому запоешь! Раздевайся! — резко приказал он. — Сегодня будешь прислуживать мне лично, — добавил, мерзко ухмыляясь.

Не двинулась, даже не подумав выполнять его распоряжение.

— Раздевайся, я сказал! — рыкнул Аравий, с силой дергая мое платье, отчего оно разошлось посередине. Белья здесь никто не носил, так что я оказалась перед ним практически голой. Взгляд мужчины тут же стал еще более сальным. Он окинул всю мою фигурку плотоядным взглядом, то и дело облизывая пухлые губы. — Скидывай эту тряпку и пошли!

Открепил цепь от стены и потянул на себя. Мне не оставалось ничего иного, как послушно следовать за ним, гадая, что он придумал. Платье, пусть и порванное, снимать не стала, плотнее запахивая на груди. Выходило откровенно плохо, но хоть не голая.

Когда шли по двору Ильшари незаметно сунула мне тонкую веревку, которой я быстро обвязала пояс, теперь грудь хоть и оголялась чрезмерно, но наряд хотя бы держался. Улыбнулась девушке благодарно, надеюсь, у нее не будет из-за этого проблем.

— Заходи! — дернул за цепь Аравий, втаскивая меня внутрь своего дома.

С любопытством стала оглядываться по сторонам. Небольшой, всего одна комната. Топчан, накрытый матрасом, едва ли лучше наших с девушками. Небольшой столик, возле которого на пол брошена подушка. В углу таз с водой и кувшин. У Аравия в доме было большое окно, даже не окно, скорее дверь от пола до потолка, сейчас настежь распахнутая. Что с той стороны рассмотреть не успела, мужчина наклонился и открепил цепочку от моей щиколотки. Но не успела я порадоваться, как цепочка уже обвивала мою шею.

— Сделай одолжение, — мерзко ухмыльнулся Аравий мне прямо в лицо. — Дергайся почаще.

Кроме шеи «украшение» защелкнулось еще и на моем запястье — тоже довольно тонкая цепочка из белого металла. Стоило мне ее чуть дернуть — меня тут же пронзило разрядом тока.

— Ай! — вскричала от неожиданности.

— А-ха-ха! — мерзко расхохотался Аравий. — Давай, подергай араншер еще, — гадко

предложил он. — Поверь, к нашей первой темной я достану еще парочку, — максимально сократил он расстояние между нами. — Один надену тебе на пояс так, чтобы длинная полоска спускалась между ног, — выдохнул, касаясь мочки уха губами. — Будешь дергаться — и обеспечишь себе незабываемые ощущения! Хотя, обещаю, нашу темную ты и так не забудешь. Приберись здесь! — неожиданно со всей силы шлепнул меня пониже спины. — А после накроешь обед, я еще не ел. И, кажется, я сказал снять эту тряпку!

Рывок — и я стою перед негодяем полностью голая. Он снова окинул меня плотоядным взглядом. И как только пол слюной не закапал? Потом прошел к топчану, улегся на него, закидывая руки за голову и явно приготовился к представлению.

Стоило мне наклониться, чтобы поднять порванное платье — запястье тут же пронзило болью.

— Я думал, ты умнее, — снова расхохотался заметно повеселевший мужчина. — Но давай, повесели меня, — почти попросил он. — Давненько я ни на кого араншер не надевал.

Как выдержала до вечера, и сама не знаю. Аравий оторвался по полной. Заставлял меня выметать самые дальние углы его дома, наклоняясь к нему спиной. Извращенец нисколько не стеснялся разглядывать меня все это время. По лагерю мне также пришлось расхаживать обнаженной. Работники — мужчины также не отказывали себе в удовольствии поглазеть на меня. Девушки подбадривающе кивали, отводя взгляды, им явно было неловко, хоть и не настолько, насколько мне.

Ильшари даже подошла один раз, когда я набирала еду для Аравия.

— Тебе нужно быть сдержанней, Асана, — шепнула она. — Не зли халишера Аравия, не стоит. Сама ведь видишь, только себе хуже делаешь.

На слова Ильшари я, конечно, покивала, но осталась при своем мнении. Если бы у меня была возможность убить Аравия — не задумываясь вонзила бы нож ему в сердце. Весь день я старалась погасить гнев и вызов во взгляде, притупить бдительность мужчины. Ночью мне нужно, чтобы никто за мной не следил. С него станет придумать еще какую-нибудь пакость, которая помешает моим планам. Нет уж, я потерплю. Что значит один день в сравнении с будущими перспективами?

Куда пойду, сбежав? Не знаю. Об этом я даже не задумывалась. Цель номер один — покинуть Жажжену. А там уже разберусь. Почему-то у меня даже не мелькнула мысль, что за пределами лагеря может ждать участь более худшая, нежели здесь. Все дело в том, что то, что происходит на моих глазах, да и со мной настолько дико, что ситуация хуже у меня просто не укладывается в голове. Особенно после сегодняшних выкрутасов Аравия.

Несмотря на попытки показать смирение, «током» меня било не один десяток раз. Никаких следов после «воспитания» не осталось, лишь воспоминания и злость.

Вечера дождалась с огромным трудом. После ужина, которого я также была лишена, Аравий заставил вымыть его ноги. Для этого пришлось встать перед мужчиной на колени, а он не отказал себе в удовольствии еще и пнуть меня в грудь в конце процедуры, отчего я неловко завалилась на спину в позе морской звезды.

— Всего несколько дней, Алисана, — часто сглатывая, протянул Аравий. — Всего несколько дней.

Алисана? Получается, Асана — это сокращение от этого имени? Вот так и узнаешь, как тебя зовут, лежа обнаженной у ног чокнутого извращенца.

Стоило вылить грязную воду, в дом без стука вошла Сатиша.

— Халишер Аравий, — поклонилась она, — вы велели у Асаны циниш забрать.

— Не сегодня, — милостиво кивнул мужчина, глядя на меня сальным взглядом. Невольно выдохнула. Хотя и не знала, чего именно избежала, но понимание, что чего-то не самого приятного присутствовало.

Я уж думала, Аравий заставит ему колыбельную петь, так долго он меня не отпускал. Последнее его задание — отгонять насекомых, обмахивая его широким листом, привязанным к длинной палке. Как ни жаль, но ни цепь, ни араншер — бьющееся током украшение с запястья, с меня так и не сняли.

Лагерь медленно стал затихать, пока полностью не погрузился в тишину. Наконец и Аравий уснул. Перед сном он достал из объемного мешка какую-то скрутку, отдаленно напоминающую сигару и с дрожью в руках раскурил ее. По домику тут же поплыл

сладковатый, удушающий дым. Взгляд надсмотрщика расфокусировался, довольно быстро он «поплыл». Мне от этого дыма тоже стало нехорошо. Сначала заломило в висках, после появилась какая-то легкость, неестественная, а от того опасная. То, что курил Аравий — наверняка наркотик. Как ни старалась я держаться от мужчины как можно дальше, он неизменно дергал цепь, заставляя меня подходить к нему вплотную. Боясь, что он меня задушит, не рассчитав силы, старалась его не злить. Однако шум в голове не мог меня радовать. Спустя короткое время во рту пересохло, уши заложило, а перед глазами и вовсе стали мелькать цветные блики.

— Хочешь? — вдруг щедро предложил мужчина, протягивая мне скрутку.

— Я не смею, — со всей почтительностью, на какую только была способна ответила я, вдавливая ногти в ладони, чтобы не выдать себя ни взглядом, ни голосом.

— А-ха-ха, — мерзко расхохотался Аравий. — Я бы и не дал! Дайнешс слишком дорог, чтобы делиться им с такими, как ты.

Заснув, цепь Аравий продолжал крепко держать в руке. Другой ее конец так и был обмотан вокруг моей шеи, что неимоверно затрудняло поиски застёжки и попытки снять ненавистное «украшение». Араншер на запястье трогать я и вовсе поостереглась, помня, как меня потрянуло в первый раз, стоило его коснуться.

Цепь тихонько позвякивала все время, что я пыталась нащупать крепление. С ужасом следила за Аравием, ожидая, что он может проснуться в любой момент. Но, накурившись, спал мужчина крепко и безмятежно.

Наконец-то цепь поддалась. Замочек оказался совсем простым, совершенно не рассчитанным на то, что кто-то посмеет освободиться самостоятельно. Стоит признать, девушки в Жахжене покорно принимают свою судьбу и сносят любые наказания и грубое обращение смиренно и едва ли не с благодарностью.

Осторожно, стараясь не потревожить мужчину, опустила цепь на землю и сделала шаг в сторону выхода. Еще один, и еще. Выглянула наружу, убеждаясь, что поблизости никого нет, лагерь спит. Перед тем, как уйти, неплохо бы одеться. Возвращаться в барак для этого слишком рискованно. Пришлось красться к вещевому мешку Аравия. Практически не дыша, осторожно развязала тесемки и нащупала какие-то тряпки.

Мне попались короткие штаны. Отлично, тут же натянула их на себя, подпоясавшись той самой веревкой, что еще днем дала Ильшари. Рубашка тоже нашлась, заправила ее в штаны и, более не мешкая, покинула опостылевшее строение.

Несмотря на горячее желание как можно скорее покинуть лагерь, прекрасно понимала, что без еды долго не протяну. Пришлось завернуть в кухонный уголок. Нашла какую-то тряпку, понадеявшись, что она не слишком грязная. Завязала в нее все съестные припасы, что смогла найти. Не так уж и много, но на первое время хватит. В последний момент заметила бурдюк с водой, его тоже прихватила. Вот теперь можно уходить.

Я шла по прямой. Прошла мимо нервно дернувшегося птеродактиля. Прости, но тебе я помочь не могу, — мысленно повинулась перед зверем.

Поначалу деревья вокруг росли не слишком густо, но чем дальше я удалялась, тем непроходимее становилась чаща. Шла я довольно быстро и уже не меньше часа. Замерла, прислушиваясь. Такой знакомый звук. Что это?

Уже буквально через сто метров ответ нашелся сам собой и не сказать, чтобы он мне понравился. Деревья словно по волшебству расступились, и я оказалась на краю высоченного обрыва. Внизу бушевало море, именно его звук я и слышала. От воды шло

небольшое свечение, позволившее мне рассмотреть окрестности. Скала, на которой стояла, до того отвесная, что спустить нечего и думать. Подойдя максимально близко к краю, посмотрела во все стороны. Все, что я могла видеть — отвесные скалы и бушующее море внизу. Вот почему меня никто не караулил — похоже, мы на острове.

Мне показалось, что вдали, на воде я заметила суденышко, но утверждать бы не стала, все же слишком далеко, а ночью толком ничего не видно.

И что же делать? Возвращаться? Попытаться обойти это место по кругу? Скрепя сердце все же решила, что сегодня разумнее всего будет вернуться, а уже завтра попытаться счастья, обойдя лагерь с другой стороны.

Если сюда я шла довольно бодро, обратный путь дался труднее. Ноги не хотели слушаться, осознание, что возвращаюсь добровольно в Жахжену не радовало. Что еще придумает Аравий, чтобы унижить меня? Этот день я пережила только потому, что верила, уже сегодня ночью выберусь из этого жуткого места. Теперь же...

Добредя до лагеря, услышала странный шум, женские крики, возню. Испугалась, думая, что это обнаружилась моя пропажа. Но подойдя ближе выдохнула. Судя по звукам, кто-то из женщин рождает, вот из-за чего переполошился лагерь.

Проходя мимо птеродактиля, не смогла не подойти поближе. При моем приближении он поднялся на задние лапы, вытягивая шею в мою сторону. Не в первый раз мне показалось, что зверь меня зовет. Сейчас, ночью, его глаза светились серебром, зрачок словно стал больше, затапливая, поглощая радужку. Взгляд птеродактиля гипнотизировал, манил, притягивал.

Подойти к крылатому зверю было откровенно страшно. Сначала мы словно приглядывались друг к другу. Зверь косил на меня серебряным глазом, иногда моргая. Словно оценивал, но не с гастрономической точки зрения... надеюсь.

Наконец, решилась. Шагнула ближе к зверю, настороженно отслеживая его реакцию. Птеродактиль пригнул голову, сложил крылья за спиной, махнул хвостом раз, другой. Шипастый кончик мощного хвоста взрыхлил землю, отпугивая. Но отступать я не собиралась, вдруг наполнившись странной решимостью. Еще один шаг, и еще. Полный контакт, глаза в глаза. Зверь еще больше пригнул голову, с интересом следя за мной. Прикрыл глаза, а я услышала приближающиеся голоса. Замерла, прислушиваясь.

Стоило мне остановиться, зверь тут же распахнул глаза, снова ловя мой взгляд, гипнотизируя, притягивая. Воровато огляделась, с облегчением отмечая, что вокруг по-прежнему никого нет. Даже не знаю, радоваться или печалиться, что свидетелей моего самоубийственного поступка не нашлось. Нас с птеродактилем разделяло всего несколько метров. Мощная цепь не позволяла зверю сократить это расстояние, хотя он был бы не прочь. Об этом свидетельствовала максимально вытянутая в мою сторону мощная шея. Решившись, оставшееся расстояние преодолела едва ли не бегом. Ящер удивился, даже снова привстал, выпрямляя задние лапы.

Метнулась первым делом к его лапе, скованной цепью. Замочек на ней был хоть и мощнее, чем тот, что уже открыла сегодня, но принцип схожий. Несколько уверенных движений — и птеродактиль свободен. Он протянул мне морду, прося, видимо, снять перевязь. Замешкалась, помня предосторожности, с какими подходил к зверю Тарскони.

Эх, была не была! Добрые дела нельзя делать наполовину! Рывком сорвала перевязь с клюва и отступила на шаг.

Все, вот она я, жри, если собирался! Закрывать глаза и жмуриться не стала...

К счастью, зверь кричать не стал. Медленно раззявил пасть, демонстрируя два ряда длинных острых клыков. Высунул язык, словно пробуя воздух на вкус. Зажмурился от удовольствия. Шагнул ближе, наклоняя морду ко мне. Изо всех сил надеясь, что его интерес носит не гастрономический характер, осталась стоять на месте. Позволила себя обнюхать, птеродактиль даже ткнулся в меня, опустив острый клюв вниз, боднув верхней частью головы.

Жутко нервничая, подняла руку и тронула мягкие перья. Скажете, с ума сошла? Зачем было так рисковать? Даже не знаю, как объяснить. Это существо передо мной... оно манило, притягивало. Страх, да я испытывала страх, но интерес оказался сильнее. Зверь не шелохнулся. Тогда, осмелев, положила руку ему на лоб, опустила всю ладонь, полностью. В тот же момент между нами словно искра проскочила. Но крылатый зверь не испугался, он будто был готов к этому. А я... обомлела от того, что вдруг испытала. Руку я не отдернула, как ни странно, и сейчас между нами явно устанавливался какой-то контакт.

В голове зашумело, накатила небольшая слабость, но вместе с тем я стала чувствовать тепло, исходящее от птеродактиля. Не от его тела, а от его сознания. Понимала я это каким-то внутренним чутьем, объяснить бы точно никому не смогла, но что-то между нами возникло. Что-то теплое, близкое, согревающее изнутри. Я буквально наслаждалась этими ощущениями, они дарили спокойствие, у меня словно появился кто-то близкий, как бы бредово это ни звучало по отношению к громадному доисторическому зверю.

Вдруг птеродактиль встрепенулся, поднял голову, глядя мне за спину и в тот же момент руку с араншером пронзило острой болью. Обернувшись, увидела спешащего ко мне Аравия. Двигался мужчина неловко, пошатываясь, явно нетвердо стоя на ногах, но зверского выражения лица это нисколько не умаляло.

Не удержалась от вскрика, боль в руке нарастала толчками, терпеть становилось невозможно. Рухнула на колени, прижимая конечность к себе, догадываясь, что совсем скоро меня не ждет ничего хорошего.

Птеродактиль удивил. Толкнул меня, заставляя освободить запястье с араншером, раззявил пасть и выпустил тонкую струю зеленоватой слизи, попав точно на «украшение». Араншер на глазах стал расползаться, пока не свалился на землю, капелька слизи попала на кожу, опаливая, но это меньшее, что меня сейчас заботило. Аравий был уже близко. Вскочила на ноги, намереваясь податься в бега, как крылатый зверь поддел меня головой, цепляя клювом, явно предлагая...

— Нет, на спину к тебе я точно не полезу! — попятилась теперь и от него.

Птеродактиль снова пригнулся, недвусмысленно намекая на способ спасения. Оглянулась на Аравия. Мужчина, скорее всего, меня изобьет и снова посадит на цепь, неприятно, но не смертельно. А вот падение с этой птички может закончиться куда как плачевнее. Зверю явно надоели мои метания, он легко подхватил меня клювом за шиворот и одним слитным движением забросил себе на спину. Я даже пикнуть не успела. Теперь мне оставалось лишь поскорее хвататься хоть за что-нибудь, потому что «спаситель» поднялся, выпрямился во весь рост, расправил крылья и, издав душераздирающий крик, взмыл в воздух.

— Ааааа! — нет, это он, это кричала я. Зажмурилась изо всех сил, вцепилась в шкуру бедного зверя, нещадно сжимая ее в кулаках и молилась умереть быстро и безболезненно,

желательно рухнув в море.

Однако минуты сменяли одна другую, а в море я так и не рухнула. В итоге, все же даже осмелела достаточно, чтобы приоткрыть глаза. Ночь была уже на исходе, вдаль, на линии горизонта стали появляться первые солнечные блики. Гигантская птичка легко преодолевала метр за метром, словно лениво взмахивая мощными крыльями. Ветер шевелил частые перышки, а после ударял мне в грудь.

Держалась я изо всех сил, так что уже почти не чувствовала побелевших от напряжения пальцев. Помнится, все кто прилетал в лагерь на таких вот птичках сидели в неких подобиях кресел, закрепленных на спине птеродактиля. Аравий своего давно расседлал, он вообще не улетал из Жажжены ни разу.

Все это время мы летели над морем. Несколько часов, хотя по моим ощущениям, неделю, но едва занявшийся рассвет говорил о другом. Вскоре после того, как я рискнула открыть глаза, внизу показалась земля. Отсюда, сверху ясно было видно, что это остров, довольно большой, густо покрытый зеленой растительностью.

По мере снижения крылатого транспорта стали вполне различимы постройки. Город, на острове и правда был целый город!

Птеродактиль снижался постепенно, пока, наконец, не приземлился неподалеку от побережья. Опустившись на землю, еще немного пробежался вперед, углубляясь в зеленую чащу. Только теперь остановился и опустился на землю, поджимая лапы под себя.

С трудом разжала сведенные от напряжения пальцы и выпрямила спину. Голова закружилась. Переждала немного, птеродактиль не дергался. Перекинув ноги на одну сторону, кулем свалилась вниз.

Планы птички на себя я все еще не знала, а потому справедливо опасалась, что он вполне мог принести меня сюда, чтобы схарчить вдаль от Аравия. Как только почувствовала, что могу встать на ноги, поднялась, отходя от опасного соседа. Птеродактиль повел головой в мою сторону, словно интересуясь, куда это я собралась. Отошла еще дальше, тогда мой спаситель поднялся и шагнул следом. Никакой угрозы его поведение не несло, скорее, это было похоже на то, что он собирается меня сопровождать.

— Нужно найти что-нибудь поесть, — сообщила я, глядя прямо в серебряные глаза.

Свой куль, что собирала в лагере, там же и уронила, так что сейчас все мое богатство составляли лишь вещи Аравия, что на мне надеты и все.

Птеродактиль пригнул голову, протягивая ее ко мне. Глаз с меня не сводил, у этого животного явно есть гипнотические способности. Как замороженная, я подошла ближе и опустила раскрытую ладонь ему на голову — на местечко в районе лба, прямо между завораживающих серебряных глаз. И снова это ощущение! Тепло, сопричастность... кончики пальцев стало покалывать.

Я ничего не говорила, птичка тоже молчала, но... я отчетливо слышала возмущение по поводу обращения «птичка», пусть и мысленного.

— Как же мне к тебе обращаться? Выходит, ты мальчик?

В ответ пришла волна одобрения. Удивительно! Просто невероятно! Мы общались!

— У тебя уже есть имя или я могу выбрать сама? Как насчет Штех? Скай? Рошшех? Орхис?

На последнем варианте отчетливо ощутила согласие.

— Орхис? Что ж, приятно познакомиться, а я Олеся. Но все меня называют Асана, думаю, пора привыкать к новому имени. Я видела, ты мясо сырое ешь, так? — тараторила,

не в силах скрыть нервозность. — А добывать сам умеешь? Тут есть на кого поохотиться? — обернулась, оглядывая заросли вокруг.

Орхис прикрыл глаза, будто прислушиваясь, а после разорвал контакт и отошел на пару шагов. Издал легкий крик, негромкий совсем и толкнул меня к зарослям. Послушно шагнула в ту сторону. Птеродактиль снова что-то крякнул, указывая на дерево у меня за спиной.

— Что? Ждать здесь?

Согласный тихий кряк в ответ.

— Ладно, как скажешь, — развела руками, хоть и не слишком мне понравилась эта идея.

Орхис вышел из гущи деревьев и расправил крылья. Словно замороженная наблюдала за полетом невероятного создания. Разумного создания, в этом никаких сомнений! И как только люди научились их приручать?

Орхис тем временем взлетел, в несколько взмахов достиг морской глади и, сделав небольшой кружок, клином врезался в воду, скрываясь из поля зрения полностью. Затаив дыхание, с волнением следила за тем местом, где скрылся под водой мой друг. Прошло несколько секунд, как он вынырнул чуть поодаль, держа в пасти очень крупную рыбу. Перья птеродактиля совсем не намокли. Стоило ему расправить крылья, вода с него просто стекла. Орхис возвращался ко мне.

Рыба весом килограмм десять, может, и больше вскоре оказалась у моих ног. Кормилец, явно довольный собой, косил на меня серебряным глазом, ожидая похвалы.

Не стала его разочаровывать. Погладила по чуть влажным перьям, прошлась рукой по голове.

— Ты молодец! — сообщила другу. — Ешь сам рыбку. Я не настолько голодна, чтобы жевать ее сырой, а костер развести мне не по силам. Совершенно не представляю, как это можно сделать без бумаги и зажигалки. Ой!

Пришлось отскочить, потому что рыба все еще была жива и резво била хвостом. Кроме того, заметила у нее вполне себе острые зубы. Тут еще неизвестно, кто кого, пусть мы и на суше, — усмехнулась собственным мыслям.

Орхис молниеносным движением метнулся в сторону рыбищи, в мгновение раззявил пасть и, не успела я и моргнуть, как откусил несчастной голову. Оторопело переводила взгляд с обезглавленной тушки на птеродактиля и обратно. Добытчик и защитник голову рыбы жевать не стал, проглотив целиком. Для этого он вытянул шею, будто удлиняя, и несколькими движениями протолкнул оторванную часть рыбы внутрь. Это действие напоминало кормление крупной змеи, только намного быстрее и беспощаднее.

Я и до того отдавала себе отчет в опасности крылатого зверя, теперь получив еще одно подтверждение. Уверена, Орхис почувствовал мое состояние. Птеродактиль каркнул что-то негромко, склонил голову на бок. Смотрел на меня вопросительно, а после сам, первый подsunул голову под мою руку. И снова меня накрыло волной тепла. Страх ушел совсем.

— Это потому что я тебя освободила? — перебирая мягкие перышки, спросила у единственного в этом мире друга. — Ты поэтому считаешь себя обязанным мне помогать?

В ответ пришла волна возмущения вперемешку с негодованием. Даже улыбнулась. Я так отчетливо понимала, что хочет сказать Орхис! Это просто невероятно! Ментальное общение, самое настоящее ментальное общение!

В следующую секунду Орхис показал, что совсем не безобиден. Что-то произошло, глаза мгновение назад расслабленного птеродактиля сузились, а после и вовсе вытянулись в

вертикальный зрачок. Он резко отдернул голову, отвел ее в сторону и одним слитным движением толкнул меня к деревьям. Удар был такой силы, что я пролетела больше метра, со всего маху ударяясь о толстый ствол. От удара дыхание сбилось, в глазах потемнело, а уши словно заложило. И тут я услышала громкий, рвущий барабанные перепонки крик. Глаза сами собой широко распахнулись, а волосы встали дыбом...

Думаю, на несколько минут я все же отключилась. А придя в себя с ужасом наблюдала за схваткой двух хищников. Орхис, знатно потрепанный, со множеством кровавых подтеков отчаянно дрался с крупным зверем. Толстая шкура, длинные лапы, огромные выступающие клыки, да еще и рога на голове. Орхис пускал в ход и лапы, и клыки, рвал зверя клювом. Но и противник не был слаб.

А ведь я собиралась путешествовать в одиночестве. Думаю, не продержалась бы и дня. Повстречай я такого вот саблезуба, встретиться с ним один на один. Теперь понимаю, почему Орхис так сильно меня оттолкнул, он меня спасал. Постанывая, но стараясь при этом не привлекать к себе внимания, чтобы не помешать моему птеродактилю победить, осторожно поднялась на ноги. Надеюсь, сотрясения я не заработала. Зашарила глазами вокруг, судорожно подыскивая хоть что-то, способное помочь в схватке.

Был бы у меня огонь, можно было попытаться отогнать зверя горячей палкой... но что уж теперь об этом говорить.

Противник не уступал Орхису в силе, а может и превосходил. Мой защитник, также как и его оппонент был уже с ног до головы покрыт кровью. Рваные раны виднелись и на шкуре саблезуба. И тут Орхис словно послал мне ментальный сигнал. Моргнула, силясь понять, не показалось ли. Все верно, друг просил отвлечь саблезуба ненадолго. Он что-то придумал, что-то для чего требуется немного времени.

Понимая, что победа Орхиса — это и моя победа, метнулась к рыбине и рывком схватила ее на руки. Дальше все слилось в один миг. Вот саблезуб поворачивается ко мне, угрожающе скалясь, Орхис приседает на задние лапы, открывает широко пасть, я бросаю рыбину в саблезуба. Он хватает ее на полете прямо разъявленной пастью и тут же срабатывает инстинкт, а может, зверь был очень голоден. Как бы то ни было, саблезуб не удерживается, в два укуса справляется с рыбой. Два укуса, несколько секунд, но этого времени Орхису хватило, чтобы подготовиться. С угрожающим клекотом, из его пасти под напором вырывается струя зеленоватой слизи. Попадая на шкуру саблезуба, слизь начинает прожигать ее насквозь. Следующий залп — и вот уже голова саблезуба покрыта жуткой слизью.

Зверь истошно зарычал, забил лапами, стараясь избавиться от прожигающей, словно кислота, субстанции. Только ничто уже не могло ему помочь. Как бы ни катался саблезуб по земле, как бы ни метался среди деревьев, его смерть была страшной. Думаю, не скоро я смогу спать спокойно, не просыпаясь от этой картины.

Саблезуб еще бился в предсмертных судорогах, когда меня вывернуло наизнанку. Ела я слишком давно, организм исторг лишь желчь, при виде которой меня накрыл новый спазм.

Крики и рев саблезуба стихли, а я так и сидела на коленях, упершись в землю руками. Когда Орхис снял с моего запястья араншер, тогда, в лагере, я как-то не придавала значения этой слизи. Теперь же, видя, насколько грозное это оружие, вполне понимаю Аравия и прочих, крепко перематывающих клювы своих питомцев. Огромный саблезуб, мощный, с толстой шкурой, ему хватило всего пары плевков, чтобы погибнуть невероятно мучительной смертью.

Помотала головой, отгоняя видение погибающего саблезуба. Неуверенно поднялась на ноги. Поискала глазами Орхиса. Мой спаситель распластался неподалеку. Крылья расстелил

на земле, глаза закрыты, перья обильно залиты кровью. На саблезуба старалась не смотреть. Хищник мертв, это точно, значит, угрозы не представляет. Доковыляла кое-как до Орхиса, опустилась рядом на землю.

Коснувшись раскрытой ладонью лба, тут же почувствовала боль крылатого друга. Боль пульсировала в районе передней лапы. Сдвинуть крупную тушу самостоятельно не смогла бы, хорошо, что Орхис поврежденную лапу чуть отставил в сторону. Обошла его с другой стороны. Бережно ощупала конечность. Нашла глубокую рану, но хуже, что лапа явно сломана. Перелом закрытый, но он точно есть. В момент осмотра Орхис издавал тихий клекот, глаза открывал, но ненадолго.

— Потерпи, родной, — погладила перышки на голове птеродактиля. — Я скоро.

Все, что я знаю о переломах — так это то, что сломанную кость нужно зафиксировать, а конечность обездвижить. Палка достаточной толщины и длины нашлась довольно скоро. Для фиксации решила использовать лишнюю ткань со своих штанов. Довольно длинные, они вполне переживут, если я с каждой штанины оторву по несколько полос. Так и поступила. Рвать плотную ткань было непросто, но справилась.

Теперь самое сложно — сложить кость. Стараясь касаться максимально легко, снова ощупала поврежденную лапу, как могла, максимально ровно сложила кость, приложила найденную палку и крепко перемотала все это импровизированными бинтами. Конструкция вышла вполне устойчивой.

«Бинты» еще остались, поэтому принялась за более детальное обследование птеродактиля. Нашла еще одну крупную рану, перетянула, чтобы остановить кровь. Закончив, устало привалилась к боку Орхиса. Боюсь, что на запах крови сюда может прийти еще кто-нибудь.

Снова опустила раскрытую ладонь на лоб друга. Постаралась уловить его состояние... усталость. Орхис хотел спать.

— Нам нужно уйти отсюда, — тихонько попросила я, стараясь не поддаваться панике. — Давай вернемся к воде. Боюсь, здесь не слишком безопасно оставаться.

В ответ пришла волна образов, из которой я уловила главное — слизь Орхиса распространяет резкий запах, хорошо ощутимый всеми хищниками. Никто не рискнет сюда сунуться как минимум до завтрашнего рассвета.

Что ж, тогда ладно, можно расслабиться. Нарвала крупных листьев с ближайших деревьев и кустарников и легла, приваливаясь к здоровому боку Орхиса. Несмотря на пережитое волнение, заснула практически мгновенно.

Проснулась от тихого клекота и легких поглаживай по голове. Открыла глаза и сразу же наткнулась на изуродованную тушу саблезуба. Только теперь она еще и стала издавать ужасающий запах. Проглотив ставшую вязкой слюну, перевела взгляд на Орхиса. Друг выглядел намного лучше. Проспала я, судя по всему, почти весь день, если судить по солнцу, клонящемуся к закату.

— Ты как? Лапа болит? — ласково тронула склоненную ко мне голову питомца.

В ответ Орхис слегка меня боднул, побуждая подняться. Послушно встала и отошла на несколько шагов. Птеродактиль не очень уверенно выпрямил задние лапы, поврежденную переднюю держал перед собой, взмахнул крыльями, расправляя, а после склонил шею, будто предлагая взобраться на него.

— С ума сошел? — ахнула от удивления. — Выздоровливай давай, герой! Лучше поищем безопасное местечко, где ты сможешь отлежаться, а я постараюсь раздобыть какие-нибудь

припасы, а может даже и рыбу поймаю. Не факт, конечно, что такую же крупную, как ты, но ничего, прорвемся!

От туши саблезуба отошли подальше, найдя довольно уютный уголок, укрытый тонкими ветвями сразу нескольких деревьев. Орхис, едва дотопал, сразу же улегся. Да уж, потрепал саблезуб моего друга знатно. Поахала еще немного над птеродактилем, но, как известно, голод не тетка, голод — дядька. В общем, что-нибудь поесть неплохо бы найти.

Не скрою, отходить от Орхиса и тем более углубляться в лес было очень страшно. А ну как тот саблезуб не один тут бродил, или он и вовсе не самый страшный представитель местной фауны! Прошла к воде, размышляя, как бы мне рыбку поймать. А то, что море кишело живностью, видно было и невооруженным взглядом.

Не придумала ничего лучше, как отодрать от дерева длинную гибкую ветвь, наподобие нашей ивовой, очистила от листьев, оставив только на одном конце парочку в качестве приманки. После поковырялась в земле, отыскивая червяков. Нашла. Толстые, жирные... упс! Едва успела отдернуть палец — зубастые. Червяка со всеми предосторожностями привязала к концу палки и пошла на рыбалку. Нашла каменюку покрупнее, забралась и забросила импровизированную удочку.

Клевать стало молниеносно, но первая рыбка оказалась мне не по зубам. Палочка ее веса просто не выдержала. Очень обидно было наблюдать, как добыча срывается и уплывает, довольная тем, что сожрала моего зубастого червяка. Пришлось копать нового. На всякий случай отыскала сразу десяток, прикопала немного, выложив ямку камешками, чтобы не сбежали и снова полезла на каменюку...

— Вот, Орхис, а ты в меня не верил! — довольная собой, принесла к нашему убежищу сразу три рыбешки. Две совсем крошечные, что-то вроде земных карасиков, а одна ничего, приличных размеров. На килограмм точно потянет.

Заставила друга съесть две самые крупные рыбки, а на оставшуюся долго смотрела с тоской. Ну вот как мне ее приготовить? Сырой есть я пока еще не готова. В итоге отдала и третью птеродактилю, хотя он и сопротивлялся.

— Ладно, ты отдыхай, а я все же в лес наведаюсь. Плоды поищу или ягоды какие-нибудь. Далеко отходить не буду, обещаю.

Потрепала мягкие перышки, покрытые засохшей, заскорузлой кровью и снова оставила Орхиса отдыхать и восстанавливать силы.

Ощутимо потряхивало, когда я направлялась в чащу. Оглядывалась раз десять, не меньше, замирая от каждого скрипа или шороха, до рези в глазах всматриваясь вдаль, готовая в любой момент сорваться и бежать обратно. Я настолько увлеклась высматриванием хищников, что ягоды просто пропустила бы, не наткнись на колючий куст буквально. Уткнулась в низкий кустарник, едва не свалившись. Кустик весь был усыпан светло-желтыми мелкими шариками. А еще в ветках наша гнездо какой-то птички. В гнезде повезло обнаружить четыре яйца размером ненамного меньше куриных. Чуть ли не трясущимися руками взяла первое яичко, потрясла, прислушиваясь, принялась, на свет посмотрела. Неужели свежее? — не поверила собственной удаче.

Яйцо осторожно разбила и выпила залпом, только сейчас поняв, насколько голодна. Вкуса яйца даже не почувствовала. Три оставшихся выпила также торопливо, чувствуя приятную наполненность в желудке. Утолив первый голод, принялась торопливо собирать ягоды. Кроме подола собирать было некуда, так что пришлось одной рукой придерживать край рубашки, а второй заполнять получившийся карман.

Спешила. Измазалась вся в соке, в запарке сминая нежные ягоды. Набрал достаточно, не мешкая отправилась обратно. Уже выходила из леса, как позади услышала хруст ветки. Оглянулась, уверенная, что снова никого не увижу, пугаю сама себя, однако обернувшись с ужасом поняла, что на сей раз не повезло...

— И верно, девка! — выпалил мужчина, с недоумением меня разглядывая. — А я думал, уж на старости глаза подводить стали. В чащу зачем забралась? Да вырядилась так? — он окинул меня вполне очевидным жестом.

Молчала, не понимая, как реагировать на неожиданную встречу. Что говорить? Ищут ли меня или это просто случайный прохожий? Ага, — хмыкнула мысленно. Случайный, в лесу.

— Скудоумная, что ли? — мужик шагнул ближе. — Говорить-то умеешь?

Отступила невольно.

— Умею. Не ожидала никого тут встретить, вот и растерялась.

— Ты что же, ирашка, что ли?

— Кто? — и правда не поняла.

— Ирашка, — повторил мужчина. — Только они такие белые, — пояснил.

— Не знаю. Не помню ничего, — замотала головой.

— А тут как очутилась? Воршиков зачем столько набрала? — махнул на мой урожай. — Словно шэрха кормить собралась! — рассмеялся собственной шутке.

— А мне их есть можно? Не отравлюсь?

— Ну ты, девка, даешь! — даже смеяться перестал. — Разве ж можно в лесу не пойми что собирать? Человеку можно воршики есть, только животом маяться будешь после. Их альшарам дают, кто циниш потратил много, и шэрхам перед дальним перелетом.

— Извините, мне пора, — стала отступать энергичнее, вспоминая, где могла слышать слово «шэрх». А ведь точно слышала.

Мужчина не отставал.

— Как тебя зовут хоть? — мужчина не отставал.

— Асана. Зачем вы за мной идете?

— Как зачем? Одну тебя в лесу оставить, что ли? Бардарик мой с той стороны на берегу стоит, вдвоем уместимся. Отвезу тебя на землю, сходим в управу, опекуна тебе найдем. А нет, так у меня поживешь пока.

Остановилась, обдумывая.

— Я не одна, — призналась честно. — Меня друг ждет, он ранен.

— Что ж ты молчишь? Вот девки! — прицокнул. — Знахарь я, другу твоему помогу. Где он? Далеко?

— На берегу. За теми деревьями.

Какое-то время шли молча. Я немного заплутала и так вышло, что мы вышли к месту вчерашней схватки. Поверженный саблезуб так и лежал, издавая чудовищную вонь.

— Стой, девка! — мужчина меня даже за плечо схватил. Обошел, подходя ближе к поверженному зверю. Осмотрел его. — Шэрх, — издал с ужасом. — Никак дикий, неприрученный. Или вырвался у кого.

Мужчина выглядел испуганным не на шутку.

— Это шэрх? — кивнула на мертвого хищника.

Мужчина перевел на меня недоуменный взгляд.

— Это дшатр. Неужто не знаешь? Идем скорее к твоему другу. Коли не повезет нам шэрха встретить, то уж не спасемся.

Кажется, я начала догадываться, кого он шэрхом называет. Вскоре мы подошли к

укрытию. Орхис затаился, скрытый зарослями, напоминающими ивняк. Друг проснулся и теперь настороженно следил за нашим приближением. Мужчина, думаю, птеродактиля еще попросту не заметил, потому что шагал уверенно и бесстрашно.

— Стойте, — обернулась к нему. — Мой друг... он не человек. Бояться не стоит. Если вы не замышляете дурного, он вас не тронет.

— Не человек говоришь? Зверушка, что ль, какая? — усмехнулся знахарь. И тут Орхис поднялся на задние лапы, показываясь в полный рост.

— Орхис, спокойно, — подошла ближе, кладя раскрытую ладонь на опущенный лоб птеродактиля. — Этот мужчина знахарь, пусть он твою лапу посмотрит, — попросила, нежно поглаживая мягкие перышки одной рукой, вторая так и держала подол с ягодами. — Вы ведь его шэрхом назвали? — обернулась к белому как мел мужчине.

— Он у тебя прирученный, что ли? — едва слышно выдавил он. — А пасть почему не завязала?

— Вы себе сначала намордник наденьте! — рассердилась я. — Как же ему есть, пить с завязанной пастью, по-вашему?

— Так а если плюнет? Ты дшатра не видела, что ли?

— Видела. Орхис защищался, он ни на кого первым не нападал. Эти ягоды точно ему не навредят?

— Воршики-то? Да как же они навредят, если специально их для шэрхов выращивают?

— Будешь? — протянула другу, настороженно разглядывающему чужака, горсть ягод.

Съел, собирая с ладошки по одной, осторожно, не желая навредить. Сама проглотила с десяток ягодок, на вкус оказавшихся невероятно горькими. Скривилась, но съела. Не знаю, что за зверь эта их циниш, но ее с меня скачивали, это мне известно наверняка, так что восполнить не помешает. Остальные ягодки скормила Орхису.

— Посмотрите его лапу? Дшатр повредил вчера, я как смогла перевязала, но не уверена, что все правильно сделала.

— Я бы посмотрел, — мужчина так и стоял на одном месте, даже дыша через раз, как мне кажется. — Да только подпустит ли?

— Подходите к нам, — позвала, мысленно прося Орхиса довериться знахарю. — Вас как зовут-то?

— Эльсинор я, — мужчина приближался ну просто крохотными шажками.

— Да вы не бойтесь, Эльсинор, — попыталась подбодрить. — Орхис вас не тронет.

— Откуда знаешь, что не тронет? Сам сказал?

— Сам и сказал, — подтвердила ошарашенному мужчине. — Давай лапу, — попросила Орхиса, сама протягивая поврежденную конечность в сторону знахаря. — Это я ветку примотала, чтобы перелом не двигался. Размотать?

— Размотай, — кивнул он. — Глянуть надобно. Перелом сама сложила? — Эльсинор весь покрылся испариной, кожа мужчины побледнела едва ли не до синевы, но он все же нашел в себе мужество осмотреть лапу смиренно стоящего Орхиса.

— Сама.

— Молодец, верно кость собрала. У шэрхов быстро все зарастает, а после воршиков и того скорее должно. Но напрягать лапу нельзя. Покой еще несколько дней обязателен. В крови он весь, — заметил знахарь. — Еще раны серьезные имеются?

— Нет. Все, что нашла, я обработала. Это больше не его кровь, а того дшатра.

— Держи ветку, обратно примотаю, — попросил Эльсинор. — Воршиков еще бы

набрать. Взрослому шэрху их много нужно, а уж после кровопотери особенно. Жди тут, сам наберу схожу. Давно вы в лесу-то живете?

— Со вчерашнего дня, — ответила напрягшись, и Орхис это сразу почувствовал. Глаза птеродактиля сузились, он издал тихий, но тем не менее угрожающий клекот. Эльсинор аж отпрыгнул от нас.

— Эй, ты чего? Не хочешь рассказывать, так и не надо. Так просто спросил, мне ваши тайны неинтересны. Только не след девке в лесу сидеть. Дом у меня недалеко. Один живу, места хватит. Поспать где есть, да и на стол соберу. Во дворе загон большой, раньше оречи были, теперь пустой стоит, так что и шэрха твоего пристроим. Решайте пока, а я схожу за воршиками. Корзины, жалко, не взял, ну да наберу сколь унести сумею. Жди, девка, не вздумай убегать, дурного ничего не замышляю, не о чем переживать.

— Зачем я вам? — спросила уже в спину уходящего мужчины. — Еще и с шэрхом.

— Дочка у меня три оборота как сгнула, — буркнул Эльсинор. — А что с шэрхом... так прирученный же.

— Точно со мной на бардарике не хочешь?

— Вы, главное, дорогу показывайте, — еще раз попросила я. — А мы с Орхисом следом.

Эльсинор занял место в небольшой самоходной лодке, нагруженной какими-то мешками. С удивлением следила, как лодка, стоило мужчине занять свое место, поплыла сама собой, без каких-либо усилий с его стороны.

Мне снова пришлось усесться на спину своего друга. Переживала, как бы ему не навредить, но Орхис ни за что не хотел отпускать меня с Эльсинором, даже начал проявлять агрессию, стоило мужчине попытаться настоять.

— Никогда не видел такой преданности шэрхов, — удивленно заметил тогда Эльсинор, прежде чем в свой бардарик забраться.

Орхис летел тяжело, следуя за нашим новым знакомым. Мужчина обогнул берег, двигаясь на восток. Проплыл несколько километров и пристал в итоге у пологого склона небольшой возвышенности. Немного вдалеке отчетливо просматривались низкие постройки. Эльсинор выбрался из лодки, вытащил объемные мешки и махнул нам.

Орхис тяжело опустился на землю, стараясь не тревожить поврежденную лапу. Опустил шею, чтобы я могла спуститься.

— Ты как? — погладила шэрха по лбу. — Лапа болит?

В ответ получила волну тепла. Мне кажется, Орхису после желтых ягодок получше — сил прибавилось, взбодрился.

Эльсинор поднимался в гору, таща два, судя по натужному сопению, тяжелых мешка. Орхис поначалу шагал следом, изредка что-то побрякивая, но спустя пару минут в два широких шага догнал мужчину и клювом выхватил один из мешков, удерживая за горловину. Эльсинор от неожиданности остановился, обернулся, сглотнул при виде птеродактиля.

— Он просто хочет помочь, — вмешалась я в борьбу взглядов.

— Ладно, — настороженно кивнул мужчина, перехватывая оставшийся мешок.

Мы взобрались на пригорок, миновали несколько ветхих, полуразрушенных домов, скорее всего, пустующих и вскоре подошли к одноэтажному дому. Небольшому, вместо окон проемы, но стены все на месте. Как и дверь. За основным домом виднелась вытянутая постройка, крытая высохшими связками длинной травы. Постройка была не одна. За ней виднелись еще две, поменьше. Никакого забора вокруг. Деревьев и прочей растительности тоже почти нет, думаю, из-за почвы — темный песок и камни.

Эльсинор уверенно подошел к дому, оставляя мешок у стены. Распахнул незапертую дверь, приглашая меня внутрь.

— Шэрх твой в оречник может пройти. Там, за домом, — махнул на самый большой сарай. — Воды сейчас согрею — искупаешься хоть. Голодная, небось?

Стоило мне шагнуть к дому, путь преградило крыло Орхиса и тихий клекот.

— Что? — не поняла я. — Не хочешь, чтобы я туда шла? С тобой пойти? Эльсинор, я с Орхисом в оречнике устроюсь, — повернулась к хозяину.

— Как знаешь, — потемнел лицом мужчина, нахмурился, но спорить не стал. — Идем, провожу.

Оречник — длинный, плохо вычищенный темный сарай без окон, с местами прохудившейся крышей. Ну и запах... соответствующий. Пока шли по двору заметила

некрупных птичек с яркими длинными перьями, свободно шастающих от одного сарайчика к другому. Как ни странно, несмотря на отсутствие забора, птички не разбегались. Для них, прямо в песок было закопано что-то типа корыта с водой, вытянутой формы. Птички там с удовольствием плескались время от времени. Другие копались в песке, даже находили что-то съестное.

Одну Орхис сцапал. Эльсинор не видел, шел впереди, но словно почувствовал, а может услышал придушенный писк пожираемой птички. Но когда обернулся, Орхис на хозяина посмотрел честными глазами, разве что ресницами не похлопал и то, уверена, только потому что нет у него ресниц.

— Ты что творишь? — ткнула птеродактиля незаметно в бок. — Хочешь снова в лесу ночевать?

Друг сделал глотательное движение, отправляя несчастную в пищевод и пошел дальше, как ни в чем не бывало.

— Шэрху охотиться нужно, — отступая от входа в оречник, сообщил Эльсинор. — На голушках он долго не протянет. Да и что они ему? Так, на один зуб. Для тебя лидяшку сварю, приходи в дом, как освоишься. Да и... это, нечего тебе в оречнике делать. Приходи, в общем, — махнул и пошел к дому, оставляя нас с Орхисом вдвоем.

В первый день мы с Орхисом отсыпались. Нервное напряжение, не отпускающее в последнее время, наконец-то отступило, наступил откат, а вместе с ним и сонливость. С весельем смотрела, как высокий, крупный птеродактиль, пригнув шею и максимально сложив крылья буквально заползает в сарай. Пусть и большой, но все же малоподходящий для такого крупного зверя. Однако ни оставить меня одну, ни обоим остаться под открытым небом Орхис не позволил. Спали в обнимку. Друг принял максимально удобную в стесненных условиях позу, а я пристроилась к его мягкому боку.

В тот же вечер Эльсинор, не дождавшись моего прихода, принес густую овощную похлебку прямо в сарай. Для Орхиса у мужчины, кроме воды, ничего не было, лишь еще раз посоветовал отправить шэрха на охоту.

Эльсинор оказался так добр, что даже нашел для меня кое-какие вещи, принадлежавшие раньше его дочери, среди которых, к сожалению, не было обуви. Все еще босая, бросила тоскливый взгляд на ступни. Кожа на них загрубела, местами потрескалась. Никогда прежде мне не приходилось столько ходить босиком. Счастье уже, что не наступила ни на что достаточно острое или ядовитое!

О своей семье Эльсинор не распространялся, а я и не спрашивала. Своих проблем хватает, к чему мне еще и его?

Орхис выздоравливал стремительно, с каждым часом ему становилось лучше, сил прибавлялось. Отоспавшись, выбрались наружу. Я, жмурясь от яркого солнца, Орхис — с удовольствием расправляя крылья. Птеродактиль выглядел очень счастливым, что больше не нужно гнуть шею и складываться пополам. Даже рассмеялась, глядя на его довольную морду и слушая тихий клекот.

Неожиданно Орхис схватил меня за шиворот и забросил на спину, даже ойкнуть не успела! Друг, уже размявшийся немного, широко расправил крылья и стремительно взлетел. Мелькнула мысль, что неплохо бы предупредить Эльсинора, мелькнула и пропала, снесенная порывом ветра, бьющего в лицо. Схватила покрепче, прижимая голову вниз и просто отдалась полету. Думаю, со временем такой способ передвижения мне может даже

понравиться.

Шэрх отправился к морю. Поняв, что задумал этот... птиц, отчаянно закричала и застучала по мягкому боку ступнями.

— Нет, нет, Орхис, я не хочу! Только не со мной!

В момент, когда птеродактиль приближался с большой скоростью к воде мне оставалось лишь зажмуриться и вдохнуть поглубже. Издав громкий крик, от которого мои глаза сами собой распахнулись, Орхис мягко вошел в воду. Успела заметить косяк пестрых рыбок, который мы буквально разрезали собой. Птеродактиль проплыл немного, схватил прямо под водой довольно крупную рыбку и тут же вынырнул. Стала судорожно хватать воздух открытым ртом, не в силах надыхаться. И пусть погружение было кратковременным, от страха и неожиданности руки свело судорогой, так крепко я их сжала, а горло сдавило спазмом.

Я, в отличие от птеродактиля, очень даже промокала. Но не это меня волновало в данный момент, а то, что Орхис, очевидно, готовился к еще одному погружению. Рыбку он проглотил, я даже не уловила жевательных движений, просто целиком заглотив.

Кричать не стала, делая глубокие вдохи, готовясь снова оказаться под водой.

Круг над водой — и новое погружение. Глаза не закрывала, хотя и было страшновато. За последние дни я научилась доверять своему новому другу. Не сделает он ничего, что мне навредит, но все же такая вот рыбалка без предупреждения — не то, чем я хотела бы заняться с утра. Да и держаться за шею птеродактиля под водой было непросто, боялась, что руки соскользнут, а пальцы ослабнут. Как только Орхис схватил следующую рыбку, еще крупнее предыдущей, тут же вынырнул.

— Йу-ху! — позволила себе победный клич, настолько меня переполняли эмоции.

Эту рыбу есть не стал, неся трепыхающуюся тушку в пасти. Шэрх широкими взмахами возвращался к дому Эльсинора.

Друг уже снижался, когда заметила внизу людей. Несколько мужчин неспешно шли по берегу, но стоило им завидеть нас с Орхисом, тут же бросились врассыпную в поисках укрытия. Мысленно попросила прощения у неизвестных за то, что напугала. Надеюсь, среди них нет сердечников.

Хозяин ждал у сарая. Следил за нашим приближением, стоя недвижно. Орхис за что-то невзлюбил Эльсинора, это было для меня очевидно. Перед приземлением птеродактиль сделал широкий круг, словно демонстрируя себя во всей красе. Рыбу швырнул под ноги мужчины, издав сразу после громкий крик.

Опустился на землю, не опуская при этом шею, не позволяя мне спуститься, лишь сверлил Эльсинора пристальным взглядом.

Дотянувшись, опустила раскрытую ладонь на лоб друга. От него явственно исходила угроза. Угроза, направленная в сторону Эльсинора.

Орхис расправил крылья, забил ими, снова издавая жуткий крик. Разъявил пасть, демонстрируя ряды острых зубов. Мужчина продолжал стоять недвижно, не желая провоцировать шэрха на атаку. Я, со своей стороны, тоже старалась погасить вспышку агрессии, успокаивающе поглаживая Орхиса по голове.

Наконец, птеродактиль отступил на несколько шагов и снова взлетел. Даже не представляю, чем вызвана такая реакция друга, ведь Эльсинор не сделал ни ему, ни мне ничего плохого. Эта рыбка, что шэрх бросил к ногам мужчины, друг словно откупался за помощь, словно не хотел быть обязанным, не хотел оставаться в долгу.

— Давай посмотрим город, — предложила я, ухватываясь поудобнее.

Ветер растрепал мои волосы, практически высохшие за время полета, с одежды перестало течь. Я бы сейчас предпочла переодеться и поесть, но другу стоит остыть, не то быть беде.

Дом Эльсинора расположился на окраине, вокруг только заброшенные хижинки и пустырь. Думаю, бывают периоды, когда вода разливается, достигая домов, что и прогнало с этого места других жителей. Но не Эльсинора, он остался.

Сам город раскинулся чуть дальше. Никаких стен вокруг. Хаотично разбросанные строения, на окраине совсем низкие, чаще всего в окружении полевых культур, ближе к центру постройки теснятся, становясь где-то даже двухэтажными. Орхис летел довольно высоко, рассмотреть что-то подробно у меня не вышло. Решила прийти в город чуть позже. Прогуляюсь, осмотрюсь. В любом случае, нужно как-то устроиться.

А Орхис летел все дальше. Вскоре стало ясно, что мы на острове. Большом, густонаселенном, но все же острове. Пролетев весь город насквозь, с другой стороны заметила множество кораблей и лодок. Порт. Здесь сновало особенно много людей. Выючные животные, довольно странные, с длинными, вытянутыми шеями, повозки, мешки, крики, гомон, суета. При виде шэрха в небе люди начинали волноваться, искать укрытие. Думаю, меня на спине Орхиса попросту не видно, вот они и думают, что шэрх дикий, тем более что Орхис не стеснялся время от времени издавать жуткие крики. Но это лишь мои догадки, отчего местные на самом деле волнуются мне неизвестно.

Вернувшись обратно к Эльсинору, чувствовала себя немного виноватой. Даже решила провести с Орхисом воспитательную беседу на тему верного тона в общении с приютившим нас мужчиной.

Хозяин был во дворе, насыпал корм мелким птичкам. Те сбились стайкой вокруг него, самые наглые даже запрыгивали в мешок, из которого Эльсинор брал золотистое зерно.

Орхис важно прошествовал к сараю, позволив мне спуститься лишь у самого входа. Проходя мимо хозяина даже головы в его сторону не повернул, а вот я, спустившись, сразу же направилась к мужчине.

Он встретил вопросительным взглядом.

— Голодная? — поинтересовался коротко.

— Есть немного, — смущенно признала. — Эльсинор, я хотела извиниться за поведение Орхиса. Вы на него внимания не обращайтесь, не знаю я почему он вредничает, — виновато пожала плечами. — Думаю, привыкнет и перестанет. Я вам очень благодарна за приют, еду и доброе отношение.

— Пустое, — отмахнулся мужчина. Выражение его лица в этот момент меня насторожило, что-то мелькнуло на миг и пропало. Вина? Сожаление?

— Ты, девочка, даже не представляешь, какая редкость, что шэрх с тобой так дружелюбен, — отвлек мое внимание Эльсинор. — Шэрхов только сильнейшие альшары заводят, те, что с ними справиться могут. Только они. И то связь их на силе и страхе основывается. Тебя же шэрх, похоже, птенцом признал, вот и оберегает. А ко мне ревнует будто бы, но то только мои догадки, наверняка только зверь твой знает.

— Тебе бы руки прикрыть, — засмущавшись, добавил Эльсинор, указывая на мои предплечья. После полета золотистая нить рядом с венами стала особенно яркой, не заметить ее было просто невозможно. — АльшарИ, если узнают, что ничейная и выкрасть могут.

— Эльсинор, — прокашлялась. — Эльсинор, я... хочу вас попросить. Видите ли, я... совершенно не помню, ни кто я, ни откуда, да ничего не помню! Имя мне сообщили, приняла на веру, вот и вам сказала, — взмахнула руками в волнении.

Подбирать слова было непросто. Сообщать о себе правду я, конечно же, не планирую, но и помощь этого равнодушного мужчины совсем не помешает. Он — ценный источник знаний, грех таким не воспользоваться.

Эльсинор смотрел на меня со смесью жалости и непонимания.

— Идем в дом, девочка, — отставляя мешок в сторону, позвал он. — Не стоит тебе меня бояться, дочку ты мне напоминаешь, не соврал в том. Только моя Акана была живой, общительной, что ее и сгубило в итоге, — поджал мужчина губы.

— Что с ней... случилось? Где ваша дочь?

— Идем в дом, — с нажимом повторил Эльсинор.

Оглянулась. Орхис выглядывал из сарая, с неодобрением поглядывая на руку Эльсинора, которой он взял меня под локоток. Послала другу воздушный поцелуй и ободряющую улыбку, беззвучно прося не хулиганить. Нам с Эльсинором нужно поговорить, это не может ждать.

Дом мужчины внутри оказался таким же маленьким, каким и казался снаружи. Одна комната. Тут все — и тюфяк прямо на полу, и стол низкий, и печь у стены. Во дворе у Эльсинора тоже печь есть, я видела, но готовить он предпочитал в доме. Так что сейчас в крохотном помещении царил душающая жара. Даже отсутствие стекол не спасало, ведь и на улице жарко было не меньше.

Однако не стала ничего по этому поводу говорить, молча усаживаясь на плетеную циновку прямо на пол. С благодарностью приняла глиняную чашку с остывшим напитком. Эльсинор поставил на низкий столик ветхую корзинку со странными изделиями. Никогда таких не видела. Не из муки. Что-то темное, сухое, в руках рассыпается. Пахнет... — принялась, — пахнет вкусно. Решилась откусить.

— Ммм, вкусно, — прожевав, не удержалась от возгласа. — Что это, Эльсинор?

— Бадярики, — недоуменно ответил мужчина. — Неужто не пробовала никогда?

Испуганно подняла на него глаза.

— Мне кажется, нет, — ответила уклончиво. — Или просто не помню. А из чего они? Почему такие темные?

— Так из бадярки же. Рыбаки сетями вытягивают, да продают. Торговцы после сушат, мельчат. А из мельчи уже бадярики пекут.

Из водорослей, значит. Скорее всего, не только вкусно, но еще и полезно. Водоросли много йода содержат, насколько я знаю, еще микроэлементы всякие. В общем, я со спокойной совестью потянулась за еще одним бадяриком.

— Ну, рассказывай, — поторопил Эльсинор.

— Вы знаете, что за лагерь там, за морем? — махнула рукой в неопределенном

направлении. — Жажжена, слышали?

— Морем? — нахмурился мужчина. — За Большой Водой Жахжена, — уточнил он — Как же не слышать, самый большой, поди, во всем Верхнем Пределе, все о нем знают.

— А как девушки туда попадают знаете?

— По воде, — развел руками Эльсинор. — Иначе только на шэрхах можно, но на них только альшары летают. Простых девок водой доставляют, после пешком или на крэках, у кого есть.

Замолчала, обдумывая. Не туда разговор зашел. Моргнула, формулируя следующий вопрос.

— Я имела в виду, не как они оказываются в лагере, а кто решает, что им нужно там быть, — уточнила осторожно.

— Так управляющий Жахженой и решает, — поднял брови Эльсинор.

А я стала понимать, что чего-то не понимаю.

— Управляющий Жахженой насильно туда девушек забирает...

— Да с чего ему насильно их забирать? — рассмеялся Эльсинор, перебивая. — Сами поди и просят!

— Не все. Меня вот, например, никто не спрашивал, когда туда волок! А после на цепи держал, голодом морил и другие всякие издевательства придумывал, — разгорячилась, вспоминая.

— Необычная ты, потому и скрали. Еще и альшарИ, сразу видно, — пожал плечами мужчина.

— Что значит это слово — «альшарИ», — внимание невольно переключилось. — Вы уже не первый раз меня так называете, а я не помню его значения.

— Даже этого не помнишь? — слишком очевидно усомнился в моих словах Эльсинор.

— Ничего не помню, — буркнула неохотно. Никогда не любила врать, а тут приходится. — Говорила же, даже собственное имя мне подсказали.

— АльшарИ — одаренная Великой Матерью, значит. Циниш, значит, в твоём теле вырабатывается, — пояснил, но понятнее не стало. Эльсинор, видимо, заметил это по моему лицу, потому что продолжил. — Циниш, — тронул осторожно мою руку с золотистыми прожилками. — Чистая энергия. Мужики — альшары ею управлять учатся с самого рождения, а девы — альшарИ отдают, как скопится. Не часто, потому как если не тратить, то и вырабатывается медленно.

— А почему девушки одаренные не обучаются управлять энергией? — задала, по моему, вполне закономерный вопрос, на что Эльсинор заразительно расхохотался.

— Да кто ж их учить-то будет? Девка на что нужна? Чтобы сына мужчине родить, дом содержать, за скотиной приглядывать.

— Допустим, — сцепила зубы, чтобы не начать спорить. — А для чего циниш сцеживают?

— Неужто и правда ничего не помнишь? А как же дом освещать без циниш-то? Как бадарка по воде пойдёт? Как зерно мельчить? Дом отапливать? Везде циниш нужна!

— То есть эту энергию используют после? Заправляют ею привычные вещи?

— Вот смотри, — Эльсинор покопался в мешке и достал небольшой кругляш. Положил мне на ладонь. Куда-то ткнул, кругляш стал светиться. — Светляк это, ночью зажгу и сразу словно светило вышло. Почти разрядился уже, но еще на несколько перемен хватит.

— И как вы его заряжаете?

— В город еду. К мастеру. Он и заряжает.

— К одаренному?

— Нет, конечно! Ну какой альшар станет светляки заряжать? С этим любой справится.

Накопитель в мастерской стоит. К тому накопителю мой светляк подсасывается и набирается циниш до следующего раза, вот и вся премудрость.

— Ваша дочь тоже была одаренной?

— Нет, — посмурнел Эльсинор. — Не была. Не так часто альшарИ на свет появляются.

— В Жажжене было много одаренных, — вспомнила разговоры про то, что циниш там вроде регулярно сцеживали.

— Много не много, то мне не ведомо. От альшарИ и дитя можно одаренного получить, потому они там и собираются. А так встретить одаренную шанс невелик. А альшарИ с белой кожей я и вовсе вижу впервые.

— Я и сама вижу, что сильно отличаюсь от местных. Думаю, я не из этих мест. Как вы думаете, где может быть моя Родина?

— За водой, видимо. Не видал я еще таких диковинных, как ты, лукавить не стану. Еще и чтобы шэрха приручила, — прицокнул. — И говоришь складно, словно ученая. Но ежели в Жажжене была, значит не так все просто. Прятали тебя там? — отрицательно мотнула головой. — Значит, не боялся халишер Тарскони, что искать тебя станут. Купил, стало быть, а может за долги отдали.

— Вы его знаете? Хозяина Жажжены.

— А кто ж его не знает? Знаю, конечно. Не лично, таких знакомств у меня нет, но халишер Тарскони — сильный альшар, все о нем слышали.

— Вы выдадите меня? — замерла в ожидании ответа.

— Вот еще! — ответил слишком быстро, притом отводя глаза. — Сказал же, дочку мне напоминаешь. Живи покуда. А вот шэрх у тебя приметный, у кого увела?

— У Аравия, — пришлось признаться. — Он в лагере всем управляет.

— Искать станет. Если не тебя, так шэрха. Очень они дорогие. Тяжело такого зверя приручить.

— Он плохо с ним обращался. Голодом морил, пасть завязывал, на цепи держал.

— Все так шэрхов содержат. Думаешь, они слушаются без зипуна?

— Зипун — это такая палка с острым концом?

— Палка, — усмехнулся Эльсинор. — Зипун тоже циниш заряжается. Шэрха коли таким тронуть, даже лапы отняться ненадолго могут. Сильно бьет. Мужчину с одного удара насмерть убьет, а уж девку и подавно.

— Вот с таким зипуном Тарскони к своему шэрху подходил, чтобы покормить. А Аравий за несколько дней даже воды Орхису не дал, боялся, видимо, ему пасть развязывать.

— В городе есть труха, куда шэрхов на кормежку приводят, не каждый сам за своим зверем ухаживает. Зипун тоже не дает уверенности, что все пройдет гладко. В трухе сильные альшары работают, точно справятся, если шэрх дурить начнет. Может Аравий в трухе зверя своего кормил, откуда тебе знать?

— Много шэрхов в городе живет? — сменила тему. — В небе не видно никого.

— Где ж много? — усмехнулся Эльсинор. — У градоправителя, да у начальника стражи. А больше ни у кого и нет. А так если халишер какой прилетает иногда.

— Но у Тарскони и Аравия точно есть шэрхи. А еще в Жажжену прилетали люди на шэрхах, — вспомнила я.

— Жажжена — отдельное поселение. Туда только по воде можно добраться или по небу. По небу-то всяко скорее выйдет, вот и нанимают шэрхов для перелета. Но то только самым знатным доступно, дорого очень.

— А этот город как называется? — махнула, указывая направление.

— Остров это. Лаора, — терпеливо отвечал Эльсинор.

— А страна?

— Острожье или Верхний Предел. Эришат — главный город, там управитель всего Острожья живет. С Эришатом мосты наведены, там и торговля самая знатная. — Замолчал ненадолго, словно размышляя. — На ирашку ты вроде похожа, сам не видел, но слышал о таких. В Острожье жара весь оборот стоит, а в Ирании сказывают, бывает, с неба вода замерзшая сыпется. И белым-бело все тогда, вот и люди белые, будто замерзшие.

После разговора с Эльсинором на душе остался неприятный осадок. Про дочь он не стал распространяться, словно стыдясь того, что случилось. Неужели девочка попала в один из таких же лагерей, как Жахжена? С другой стороны, как раз про лагерь мужчина говорил совершенно без смущения, как о чем-то обыденном, самом обычном.

Вместе с тем пришло понимание, оставаться у Эльсинора надолго нельзя. Орхис и правда приметный, по нему и меня найдут. Ни расставаться с другом, ни возвращаться в Жахжену в мои планы не входит, поэтому стоит поискать местечко, где мы будем в относительной безопасности. Возможно, островок поменьше, малообжитой. Эта мысль не казалась мне слишком заманчивой, все же жить в одиночестве никогда не было пределом моих мечтаний.

Эльсинор мало что мог рассказать о мире вокруг. Хоть и имел лодку — бардарик, как он ее называет, далеко от этих берегов не отходил. Острожье — островное государство, насколько поняла из его рассказа. Города выстроены на обособленных островах, практически не соединенных между собой сухопутными мостами. Это и затрудняет перемещение местных из одного города в другой. Пути два — либо по воде, либо по воздуху. Перемещение на шэрхах — роскошь, недоступная простым людям, значит, фактически, остается только одна возможность путешествовать. Выходит, живут местные по принципу — где родился, там и пригодился.

Мне катастрофически не хватает знаний об этом мире, совершенно обычных, о вещах, знакомых людям с детства. Поэтому решила на прогулку в город. Кожа — то, что может меня выдать. Точнее, ее цвет. Слишком светлая для этих мест. Асана, по-видимому, прожила в Острожье не так долго, раз даже загореть толком не успела. Эльсинор предложил выход. Указал на травку с мудреным названием, измазавшись соком которой моя кожа приобрела ореховый оттенок. Все еще не такая темная, как у местных, но уже не привлекающая взгляды молочной белизной.

Орхис не хотел оставаться у Эльсинора, порываясь идти со мной. Но тогда вся задумка пойдет насмарку! Никакая конспирация с шэрхом за спиной не поможет остаться в тени и не привлекать внимания.

Измазавшись с утра соком травы, что посоветовал Эльсинор, оделась словно мужчина, ну ладно, парень, на мужчину не тянула ни ростом, ни комплекцией. Светлые волосы тоже измарала, как смогла еще и намотала на голову что-то вроде тюрбана, тут многие так делают.

Потребовалось много времени, чтобы убедить Орхиса остаться тут, на берегу и дожждаться меня. Друг очень и очень неохотно согласился остаться, пока я буду гулять по Лаоре. Отвернулся демонстративно, улегшись на темном песке, даже не глядя в мою сторону, когда я удалялась от дома Эльсинора.

Идти пришлось пешком и довольно долго. Первые полчаса дома по пути если и попадались, то совсем редко и совершенно убогие. Дорога, если так можно назвать узкую пыльную колею, шла мимо желтеющих полей. На всех росло одно и то же растение — высокая трава с мелкими листьями и крупными колосьями, торчащими в разные стороны. Рисковать и срывать один колосок в исследовательских целях не стала, мало ли как эти поля охраняют. Работников на них, кстати, не было вовсе. Ни одного.

Пока шла, смотреть было особо не на что, потому и присматривалась к окружающей действительности. Принять факт, что теперь моя жизнь будет совершенно иной непросто, не уверена до конца, что уже смирилась. Мне кажется, мозг просто взял паузу, замер, выжидая.

Позади послышался отчетливый перестук. Оглянулась и вовремя успела отскочить с дороги. Мимо меня, на большой скорости, поднимая тучу пыли, пронеслась повозка, запряженная высоким животным с длинной шеей. В клубах пыли я не сумела рассмотреть диковинного зверя. Что успела заметить — длинные ноги, вытянутое туловище, окрас вроде серый, если это не пыль. Ну и шея, просто жираф настоящий! — хмыкнула, провожая повозку взглядом.

Правил повозкой мужчина, он сидел прямо на шее того самого животного. Пассажирская ли повозка или грузовая судить не берусь. Больше всего она похожа на закрытый короб без окон, так что там с равной вероятностью мог быть как пассажир, так и просто груз. Мое внимание привлекли ноги наездника — он был обут! Тарскони в Жажжене вроде тоже в каких-то сандалиях разгуливал, но в те дни я была в состоянии стресса и, если честно, даже не помню таких нюансов. Вот Аравий по лагерю ходил босым, это точно. Воспоминания, как он заставлял ему ноги омывать еще слишком свежи.

Чем ближе к городу, тем больше людей стало попадаться навстречу.

Несмотря на жару, попадающиеся на пути женщины часто кутались, укрываясь длинными полупрозрачными покрывалами. От солнца? От взглядов? Странно, ведь в Жажжене девушки ходили полуголыми, совершенно не стыдясь своего вида и не смущаясь. Здесь же, в Лаоре, даже на окраинах местные жительницы предпочитали закутываться в длинные балахоны так, что голыми оставались лишь потрескавшиеся, огрубевшие ступни.

Глядя на встреченных дам рассудила, что тоже стоит занять такой наряд. В нем меня точно никто не узнает, просто не сможет рассмотреть. Такой образ может быть даже выгоднее образа парня с точки зрения конспирации.

Лаора своим видом не порадовала. Город навевал тоску и уныние. Даже обилие солнца не помогало разогнать ту серость, что царила кругом. Я шла узкими улочками, рассматривая потемневшие от времени и сырости стены, заросшие вьющимся коричневым растением.

Из-за жары в невысоких двухэтажных зданиях вместо окон зияли провалы. Кое-где и вовсе не было огромных кусков стен. В других домах провалы были оформлены под арки. Людей стало встречаться все больше. На меня никто не обращал никакого внимания, все были заняты своими делами.

Дым. Много дыма. Углубившись в город, стала замечать, что на каждом углу сидят торговцы курительными смесями. Не знаю насколько эти смеси безобидны, но дымящих повсюду встречалось множество. Смеси торговцы фасовали по небольшим холщовым мешочкам, одни совсем крохотные, другие побольше. Понаблюдала некоторое время за работой одного такого торговца, укрывшись в тени разлапистого дерева. Мужчина установил свой прилавок прямо около дома. Прилавок — широкая лавка, накрытая грубой серой дерюгой.

От покупателей не было отбоя. Молодые мужчины, да и те, что постарше то и дело подходили к торговцу. Здоровались уважительно, перекидывались парой фраз и, собственно, выбирали товар. Думаю, многие покупатели были постоянными клиентами этого торговца, потому что довольно быстро и безошибочно находили нужный мешочек.

Многие, не стесняясь прохожих, тут же доставали щедрую щепотку, засыпая в продолговатую полую трубку. Щелчок — и из трубки уже вьется дымок. Лица делающих

первый вдох неуловимо менялись. Только ради того, чтобы заметить эти изменения стоило стоять под этим деревом вот уже почти час. Смеси определенно наркотические, способные подарить ощущения, от которых лица курящих вмиг становились либо мечтательными, либо глупыми, а то и вовсе взрослые мужчины вдруг начинали широко улыбаться безо всякого, казалось бы, повода.

Уже собиралась уходить, когда к торговцу подошел странный покупатель. Что меня в нем насторожило? Трудно ответить определенно. Уверенность в каждом шаге, в каждом действии, твердая походка? Нет, все не то. Взгляд. На миг мужчина обернулся, и я заметила его взгляд. Хищный блеск глаз, никакой суетливости. Он единственный, кто не заговорил с торговцем. Однако стоило мужчине подойти, торговец сам залез безил перед покупателем. Да и товар он подал не с прилавка и даже не из одного из мешочков, ждущих своего часа у его ног. Нет, для этого покупателя товар делец достал из-под полы длинного халата.

Крохотный мешочек переключал в руки покупателя, торговец же в ответ получил не одну-две монеты, как при прошлых сделках, а целый позвякивающий кошель. Покупатель не стал набивать трубку прямо здесь, уверенными размашистыми шагами удаляясь от прилавка. Не сразу поняла, что следую за ним. Отошли на значительное расстояние, я уже собиралась свернуть на широкую улицу, как раз появившуюся впереди. Но тут мужчина остановился. Оглянулся по сторонам, по мне лишь мазнул взглядом, никак не выделяя из толпы прохожих и все же достал свою трубку.

Намного более вычурная, отливающая серебром, все равно имела лишь одну функцию. Засыпав смесь внутрь, мужчина сделал первый вдох. Ветер донес до меня запах дыма. В первый миг у меня перехватило дыхание. От легчайшего, щедро разбавленного чада, запершило в горле, легкие опалило огнем, а голова пошла кругом.

Отвлечшись на свои ощущения, не заметила изменений, произошедших с мужчиной, а они были. Сейчас он стоял, широко расставив ноги, распахнув глаза, невидяще уставившись вдаль. В глубине его глаз клубилась тьма. И это не просто фраза или красивое выражение. Глаза мужчины затянуло темным, практически черным туманом.

Я настолько сосредоточилась на разглядывании незнакомца, что буквально не замечала ничего вокруг, за что тут же и поплатилась.

— Дорогу! — закричал кто-то совсем близко, а сразу следом спину обожгло болью. — Халишер Аррашас едет! Дорогу, оборвыш!

Будь я чуть менее проворна точно схлопотала бы снова. Отпрыгнув на обочину, с яростью смотрела вслед удаляющейся процессии. Вышеназванный Аррашас хоть и двигался в общем строю, однако совершенно очевидно выделялся. Это молодой мужчина в высоком ярком тюрбане, длинном кафтане, развевающимся на ветру, и вычурной обуви. Голени мужчины обвивала витая кожаная нить, удерживающая тонкие коричневые сланцы. Хмыкнула, поняв вдруг, что стала оценивать людей по их внешнему виду, по наличию обуви. Халишер Аррашас двигался, окруженный десятком стражников. Все мужчины действовали слаженно, выглядели, словно единый механизм. Кстати, все они были не босы, как подавляющее большинство встреченных мною горожан.

Передвигались все на диковинных животных, которых я уже встречала по дороге. Длинные ноги и выдающаяся шея. Серые, эти так точно. Цвет такой красивый, словно серебряный. И только один, тот самый Аррашас, сидел верхом на белоснежном «жирафе».

Спина ездовых животных очень покатая, поэтому, чтобы не падать позади каждого наездника высился искусственный горб, что-то типа валика, на который они опирались.

Такие же неудачники, коим, как и мне не посчастливилось попасться на пути важной процессии отскакивали, награжденные плетью. Последним попавшим под горячую руку, кого я успела заметить оказался совсем еще подросток. Паренек упал на дорогу, рубаха на спине оказалась порвана, из несправедливой раны показалась кровь.

Прохожие просто проходили мимо. Никому не было дела до паренька. Подошла ближе, окончательно забыв про мужчину, которого преследовала от лавки торговца.

— Ты как? — склонилась над кряхтящим пареньком.

— Не впервой, — зло выдохнул парнишка, силясь подняться.

Только тут заметила, что передо мной калека. Одна нога паренька была неестественно вывернута. Травма давнишняя, думаю, перелом, что неправильно сросся, доставляя несчастному множество страданий. Вот и сейчас парень ощущимо припадал на поврежденную ногу, стараясь не морщиться, но лицо его все же искажала гримаса боли.

— Давай помогу, — подставила плечо, но парень меня лишь оттолкнул.

— Ступай, куда шел! — зло выдохнул он. — Не нужна мне твоя жалость. Сам справлюсь!

— Не глупи! — тоже огрызнулась. — С чего мне тебя жалеть? Руки-ноги целы, голова вот дырявая, но тут никакая жалость не поможет.

— Голова дырявая? — удивился паренек, перестав вырываться и даже позволив мне себя поднять. — Это как?

— Как-как? От помощи из-за глупости отказываешься, вот как, — пробурчала себе под нос, помогая пареньку отойти с дороги. — Кто этот Аррашас? Важная шишка какая-то?

— Мудрено ты выражаешься, — нахмурился парнишка. — Что за шишка? Человек он. Халишер. Помощник его горланил, не слышал, что ли?

— Так кто он такой?

— А мне почем знать? Не местный он, приезжий. К халишеру Риастеро, наверное, прибыл.

— А халишер Риастеро...? — вопросительно посмотрела на парнишку.

— А сам-то ты откуда, раз халишера Риастеро, нашего правителя, не знаешь? — собеседник остановился, прищурился и очень подозрительно уставился на меня.

Пока шли по городу, не могла снова и снова не обращать внимания, что многие прохожие мужчины и молодые, и постарше, шагая по своим делам, то и дело затягиваются дымом разной степени смрадности. Ладно, придираюсь, встречаются и вполне нормальные запахи, но в общей какофонии ароматов впечатление создается поистине ужасающее. Причем, уверена, некоторые смеси влияют на сознание, судя по словно лишенным разума лицам некоторых прохожих. Каким-то ненатуральным, гротескным улыбкам, неуверенной походке.

Задавать вопросы Роднису, а именно так представился паренек, поостереглась. Его мое незнание обыденных вещей слишком очевидно настораживало. Повезло, он принял меня за парня, не стала пока разубеждать, решив извлечь из этого свою выгоду. Назвалась Асаном, понятия не имея существует ли такое имя, но Роднис ответом удовлетворился.

Мы шли, не торопясь, куда-то к центру обжитого острова, что совпадало с моими планами осмотреться. Я поддерживала парня под руку, каждый шаг давался ему с трудом, а он старался опираться на меня совсем слегка, хорохорясь и храбрясь. Вместе с именем пришлось сообщить, что я и правда нездешняя, местности не знаю, вышла осмотреться.

— А ночевать есть где? Ел-то давно? — вот за эти вопросы я Родниса сразу зауважала. Парень оказался неплохим, он вел меня в свою каморку. — Я у халишера Эртира работаю, — по дороге сообщил Роднис. — Красчей не платит, но крыша над головой есть и тарелка лядяшки каждый день. А ведь я вон какой, — отвернувшись, указал на поврежденную ногу. — Никто брать не хотел, голодал даже, только халишер Эртир и взял.

— Что с ногой? — поинтересовалась участливо.

— Под крэка попал, — буркнул Роднис. — Три оборота как случилось. Думал, уж не поднимусь, но Великая Мать иначе рассудила.

— А родители что же?

— Отец на рыбалку ушел да не вернулся. Бардарик у него старый совсем был, худой, еще и погода в тот день... — Роднис махнул рукой. — Ненастье было, — все же пояснил он.

— А мама?

— Что мама? — не понял парень.

— Мама твоя где?

— Кто ж знает? — искренне удивился Роднис.

Не очень поняла, если честно, но заострять не стала.

— Других родных нет?

— Сестра осталась. Драха. В Жажжену она ушла, хоть и отговаривал. Да что с меня толку было? Калека! За самим смотреть надо было. Я ж только-только ходить снова стал, — будто оправдываясь, сообщил Роднис. — Пришли, — буркнул парнишка, когда впереди показались высокие ворота, за ними заметила возвышающегося шэрха.

— Там шэрх? — удивилась я.

— Новенький, — сам не ожидал увидеть здесь зверя Роднис. — На кормежку видать привели.

— На кормежку? Это труха? — с трудом вспомнила название заведения.

— Ну да, а ты что же, и про халишера Эртира раньше не слышал? Он же самый сильный альшар в Острожье!

— А ты какие поручения выполняешь, Роднис? — проигнорировала вопрос парня.

— Что скажут, то и делаю, — пожал он плечами. — Меня шэрхи отчего-то не трогают, могу даже мимо пройти, и головы не повернут. Да и я их не боюсь потому. Вот за это меня халишер Эртир и взял к себе. Другие-то не могут. Стоит шэрху на них взгляд бросить, каменеют от страха или и вовсе отказываются внутрь заходить.

— Так может ты тоже альшар?

— Ну насмешил! — и правда рассмеялся Роднис. — Разве ж такое можно не заметить? Вот на свою руку глянь, сразу все понятно станет! — и он без спроса схватил мою конечность, резко задирая рукав. Эльсинор выделил мне свои старые рыбацкие перчатки, чтобы ток циниш не бросался в глаза, но Родниса и это не остановило. Парень рванул рукав аж до локтя. Нам обоим открылась яркая золотистая нить, уже довольно привычная для меня, но Роднис посерел, посмотрел на меня с настоящим ужасом и вдруг упал на колени. — Простите, халишер, — склонив голову, забормотал он. — Не знал я, с кем разговоры веду.

— Роднис, ты чего? — испугалась я, торопливо поправляя рукав. — Роднис, поднимайся, — снова потянула его вверх, но парень на контакт не шел, даже не посмотрел на меня, продолжая бормотать бессмысленные извинения. — Ладно, Роднис! — рассердилась, замечая заинтересованные взгляды прохожих. — Мне пора. Ни в чем я тебя не виню, прощать тебя не за что. Прощай.

Развернулась и потопала дальше по улице, наклоняя голову пониже. Вот только лишнего внимания мне и не хватало! Оглянулась. Парень так и стоял, опустив голову.

Торопливо удаляясь дальше по улице местность особо не рассматривала, торопясь уйти как можно скорее. Остановилась, только упершись в странное сооружение, наподобие фонтана. Каменная чаша, наполненная водой. Большая. Очень большая. Невысокие бортики не позволяли свалиться внутрь, вода, на первый взгляд, чистая. К чаше со всех сторон подходили люди и набирали воду. Действо явно довольно обыденное, судя по уверенным, привычным движениям местных.

Опустила руку в воду, зачерпнула и полила себе на шею, прямо поверх одежды. Жара стояла невыразимая, а я закутана по самые уши, хорошо, вспомнила, что лицо специально измазала, не стала умываться.

— Ты тут еще ноги мыть залезь! — грубо одернула меня какая-то женщина, отпихивая в сторону.

— Простите, — пробормотала, торопливо отходя.

Неужели это питьевая вода? Женщина сноровисто набрала полный чан, отставила в сторону и зачерпнула еще один, чуть поменьше. Поставила оба сосуда на грубо сколоченную тележку и покатила вверх по улице.

Кажется, я нагулялась, пора возвращаться. Да и есть хочется все сильнее. Стоило женщине отойти, все же зачерпнула ладонью воды, поднося к губам. Как ни странно, вода была прохладной. Невероятно, учитывая, что чаша под открытым небом, с которого палит нещадно. Воровато оглянувшись, зачерпнула еще несколько раз, утоляя жажду.

Напившись, осмотрелась. Отсюда, от чаши с водой, улочки разбегались лучами. Видимо, я оказалась в центре города. Центром, как ни странно, была не ратуша, не рынок и даже не площадь, а место, где можно набрать воды.

Мимо пронесся одинокий наездник. Мужчина прижимался к шее ездового животного, держа спину прямо. Несмотря на несуразный, непривычный вид, «жираф» передвигался довольно быстро, послушно выполняя команды наездника. Около чаши мужчина слегка

тронул того за левое ухо, и «жираф» повернул налево. Кроме седла с высоким валиком, никаких уздечек на животном надето не было.

Около меня мужчина ненадолго замедлился, окинул внимательным взглядом, но тут же продолжил движение. Почему я стала привлекать внимание? — заволновалась невольно. Неужели краска поплыла? Ладно, погуляла, пора возвращаться.

Обратный путь прошел без происшествий, если не считать, что я немного поплутала, прежде чем выйти из города. К дому Эльсинора подходила уже в потемках. Рев Орхиса слышала задолго до конца пути. Что-то не так, шэрх ревел и клекотал надрывно, что-то не в порядке.

Несмотря на усталость, сорвалась на бег. И почти сразу увидела друга в небе. Птеродактиль кружил на одном месте, его правую лапу обвивала толстая цепь. А еще в моего друга с земли летели длинные светящиеся полосы. По мере приближения расслышала злые мужские голоса, крики, ругань.

— Держи цепь, остолоп! — кричал один из мужчин. — Да держи же! Не могу попасть, когда он так кружит.

— Почему он не улетает? Ведь может же...

— Это шэрх, Арвир! Тупое животное! Команды ему не было улетать, вот и кружит над прикормленным местом.

— Орхис! — закричала, раскрывая себя.

Друг тут же рванул в мою сторону. Дернул скованной лапой раз, другой, и я увидела, что за один ее конец держится молодой мужчина, сейчас повисший в воздухе. Не выдержав, он расцепил руки и повалился на землю, а Орхис, более никем не удерживаемый, помчался ко мне. Несколько взмахов — и вот друг уже приземляется рядом. Забралась торопливо на спину, стараясь выровнять дыхание после долгого бега. Орхис резко взмахнул крыльями и поднялся в воздух.

— Гаденыш! — бесновался кто-то на земле. Мимо нас пролетела светящаяся искра, очень близко, за малым меня не задев. — Это теперь мой шэрх, слышишь? — обращался мужчина явно ко мне. — Верни его! Все равно найду!

— Орхис, что с Эльсинором? — пригнувшись к морде птеродактиля, задала волнующий вопрос.

Друг послал волну неодобрения, даже гнева. Резко развернулся и помчался к домику приютившего нас мужчины. С облегчением увидела Эльсинора около дома. На первый взгляд, он был в порядке. От Орхиса снова пришла волна негодования.

— Что? Ты думаешь, это он нас выдал?

Судя по реакции друга, именно так он и думал. Бросила последний взгляд на Эльсинора, к нему как раз подъезжал один из мужчин. Передвигался он на крупном «жирафе». Орхис уже развернулся и, не дожидаясь новой атаки, полетел в сторону моря. Оглянувшись, успела заметить, что Эльсинор спокойно разговаривает с незнакомцем. Верить в предательство не хотелось, но другого объяснения и правда нет.

Крупный остров — Лаора, множество мелких, таких как Жахжена и бескрайнее море — вот что я видела с высоты полета шэрха. И куда мне податься? Без денег, без связей, без элементарных знаний об этом мире. От кочевого образа жизни без малейшей стабильности уже порядком устала.

Орхис приземлился на берегу небольшого острова, одного из самых маленьких, что мы пролетали. Первым делом зеленоватой слизью прожег цепь на лапе. С облегчением избавившись от «украшения» издал громкий клекот, от которого птицы вспорхнули с деревьев.

Оставив меня ждать на темном песке, нырнул за рыбой и вскоре выбросил крупную добычу на берег. Он нырял еще дважды, но следующую рыбу торопливо съедал, практически не жуя, глотая прямо так. А я решила попробовать развести костер. В потемках нашла сухих веточек, сухой травы, трухлявый кусок дерева и круглую ветку подходящего диаметра и длины в качестве трута. Допустим, в кино я видела, как это происходит. В трухлявую деревяшку уложила сухую траву, поставила по центру трут и стала крутить его между ладоней, стараясь трением вызвать огонь.

Орхис давно уже опустился рядом, с любопытством поглядывая на мои действия. Я же крутила и крутила ветку и через какое-то время даже пошел дымок, но огонь заниматься не хотел, хоть ты тресни! Рассердившись, пнула всю конструкцию, отталкивая от себя. Перевела взгляд на друга, он смотрел на меня озадаченно.

Как ни странно, этот его взгляд успокоил немного, заставляя взять себя в руки. Снова собрала все в кучку и принялась вращать трут. Я уже ободрала себе все ладони, но дальше дыма дело не шло. Неловко дернув рукой, зацепила сучком на верхушке палки запястье, сдирая кожу. Из царапины полилась не кровь, показались золотистые капли.

— Да как же добыть этот чертов огонь? — от боли и усталости дернула рукой, смахивая капли на землю. В тот месте, где они падали, земля загорелась. Нет, не мои сухие веточки и травка, загорелся сам песок!

Испугавшись, отскочила. Что это было? Что произошло?

Орхис фыркнул, клювом подвигая сухую траву к затухающим огонькам. Друг издал тихий клекот, возвращая меня в реальность. Тут же стала подбрасывать сухих веточек и вскоре передо мной пылал костер. Есть хотелось все сильнее, голод оказался настойчивее любопытства, так что сбегала за рыбой, камнем кое-как распорола брюхо, вынимая внутренности, обмыла в воде, замотала в плотные листья и подвесила над огнем на установленные заранее рогатки.

Рыба, конечно, больше сгорела, чем запеклась, но даже так была невероятно вкусной. Целиком ее съесть у меня бы не вышло, добыча Орхиса тянула не на один килограмм, но живот я набила до отвала. Огонь почти догорел, когда я завернула остатки рыбы в свежие листья, убирая в сторону.

Конечно же, я не могла не думать, каким образом загорелся песок. Неужели это капли циниш настолько огнеопасны? Рана затянулась, наносить себе новую для проверки не решилась. Жаль, что спросить не у кого. Что же такое эта циниш? По цвету жидкость, конечно, золотистая, но совершенно не горячая. Тронула руку в том месте, где ток циниш под кожей был отчетливо виден. Обычная температура, никакого жара, ощущается лишь

легкая вибрация. Может, при соприкосновении с песком возникла такая реакция?

Огонь окончательно затух, погружая пляж в темноту. Орхис улегся прямо тут, неподалеку от воды, приглашающе подняв крыло. Благодарно забралась поближе к птеродактилю, легла, положив голову на его лапу, устраиваясь поудобнее. Заснула, кажется, мгновенно. Не мучили никакие мысли, не одолевали сомнения или тревоги. Усталость взяла свое.

Проснулась вполне отдохнувшая. Разбудило солнце. Орхис хоть и прикрывал меня крылом, один пронырливый луч все же добрался до моего лица. Потянулась, разминая затекшие мышцы. Благодарно погладила друга по лапе, отмечая, что перелом уже зажил, Орхис использовал лапу без напряжения. Удивительная регенерация!

Умывшись морской водой за неимением другой, стала думать, как быть дальше. Жить дикарем я не смогу, это факт. Мне нужен социум. Прямо сейчас, к примеру, я даже не знаю, где добыть пресной воды, чтобы напиться. И это не единственная проблема.

— Орхис, что скажешь? — повернулась к другу. — Что будем делать? Куда полетим? Может, у тебя есть семья?

Положила ладонь на лоб птеродактиля, с улыбкой ощущая волну тепла, исходящую от зверя и направленную совершенно точно на меня. Орхис проклекотал что-то негромко, двигая головой, прося дополнительной ласки. С удовольствием стала гладить мягкие перышки, приговаривая, как я рада, что не одна, что у меня появился такой невероятный друг.

— Ладно, давай тогда решим вопрос попроще. Ты не знаешь, случайно, где можно раздобыть воды? Пить хочу невероятно!

Вместо ответа друг выстелил передо мной крыло, предлагая забраться. Собрала торопливо остатки вчерашнего ужина и забралась на шею Орхиса. Летать я уже почти не боялась. Конечно, нужно очень крепко держаться и от случайностей никто не застрахован, но, уверена, друг меня не уронит. Не специально, так точно.

Пролетев довольно низко над густыми зарослями, Орхис стал опускаться. Повсюду была высоченная трава и густые кроны, найти место для посадки оказалось непросто. Однако друг упорно кружил над одним пятачком, стараясь опуститься именно здесь. Довольно быстро поняла, почему шэрх выбрал именно это место — в зарослях травы наподобие земного камыша протекал узкий ручеек.

Орхис первым прошел к воде, мощными лапами приминая толстую траву, чтобы я тоже могла приблизиться. Рассматривая поломанные сучья, заметила, что внутри они полые. Оторвать небольшой кусок было непросто. Очень толстые, плотные стебли не слишком охотно поддавались. Зато такой стебель вполне можно использовать в качестве емкости для воды. Уже намеренно подошла к ручью и выбрала стебель потолще.

— Орхис, а можешь перекусить его вот здесь? — отмерив от верхушки примерно полметра, попросила я.

Друг с легкостью справился с поставленной задачей. Верхушка сама по себе может стать прекрасным дном, проверила — вода не вытекает. Набрала полный стебель, пополоскала, вылила, и набрала снова. Отпила и едва не застонала от удовольствия. Прохладная, чуть сладковатая вода пьянила не хуже вина. Напившись так, что в животе забулькало, выбрала еще несколько подходящих стеблей. В каждый вошло около двух литров воды. Теперь нужно закрыть, чтобы вода не пролилась.

Походив рядом с ручьем, нашла тонкие ветви растения, похожего на лиану. Прочные.

Снова пришлось просить Орхиса о помощи. Зато импровизированные бутылки прекрасно закрылись толстым листом, который перемотала этой вот ветвью, завязав, словно веревку. Все стебли связала между собой и привязала к поясу. Тяжеловато, но вполне терпимо. Зато теперь я готова к путешествиям!

Пока занималась подготовительными работами, трижды видела в небе пролетающих шэрхов. Все звери были с наездниками. Летели довольно низко. Поначалу даже пугалась, думая, что разыскивают меня, но нет. Летели они по своим делам, точнее, по делам тех, кто ими управлял. Орхис задирает голову, рассматривая сородичей, один раз жалобно заклекотал. Не слишком громко, но так, что у меня слезы на глаза навернулись.

— Скучаешь по сородичам? — подошла к другу, кладя ладонь ему на лоб.

Орхис потерялся мордой о мою ладонь, прося ласки. От птеродактиля исходили волны тоски и горечи. Такие сильные, что даже мне оказалось сложно побороть эмоции, сложно понять, что это не мои чувства, а его. Тем более, мое настроение не сильно отличалось от настроения друга.

В выборе маршрута решила довериться шэрху. Он тут всяко подольше моего и ориентируется явно лучше. Орхис взял курс на запад. На этом крохотном островке нас никто не побеспокоил, что подарило ложное ощущение безопасности и впоследствии сыграло с нами дурную шутку. Но обо всем по порядку.

Летел Орхис около часа. Уверена, шэрх сдерживал себя, не набирая всей возможной скорости. Никакого седла или просто уздечки в моем распоряжении не было, а падение с такой высоты означало бы неминуемый конец. Это понимали мы оба. Так что птеродактиль ловил потоки воздуха, а я старалась не свалиться с его шеи и не уронить запас воды. Рыбу перед дорогой доела, остатки прикопав. На такой жаре она уже вскоре могла начать портиться, не хватало только отравиться.

Миновав несколько разной величины островов, долгое время летели над водой, но впереди отчетливо виднелись все новые островки. На один, довольно крупный, Орхис и приземлился.

Здесь, на берегу, я заметила множество рыбацких лодок. У Эльсинора была такая — бардарик. Мужчины, спокойно сматывающие сети, дружно шарахнулись в стороны от приземлившегося шэрха. Орхис на поднявшуюся суету не обращал никакого внимания, а мне было жутко неудобно, что заставила этих людей бежать, бросая улов, и прятаться.

— Мы не причиним никому вреда! — закричала торопливо, не спускаясь с шеи друга. — Не бойтесь! Мой шэрх не опасен!

— Ты бы пасть ему завязал, парень! — откуда-то из-под лодки выкрикнул какой-то смельчак.

— Мой шэрх не станет ходить с завязанным клювом! Но я даю вам свое слово, что он никого не тронет.

Спустилась по высланному крылу и встала рядом с Орхисом. Один из рыбаков уронил сети прямо в море, сам при этом улегся на дно лодки, стараясь слиться с ним, думая, что стал незаметным. Сеть же медленно погружалась под воду.

— Орхис, можешь достать вон ту сеть? — тихонько попросила друга. Он понятиливо кивнул.

Несколько взмахов крыльями, и Орхис легко захватил почти утонувшую сеть. Рывком поднял из воды и бросил в лодку прямо на незадачливого рыбака. После чего нырнул, хватая клювом довольно большую рыбку, глотая ее на лету и тут же вернулся ко мне, опускаясь на

темный песок.

— Мне бы где-нибудь переночевать, — обратилась к тому смельчаку, что первым заговорил со мной из-под лодки. Мужчина и сейчас с интересом следил за действиями Орхиса, тоже опасаясь, но меньше других. — В оплату ночлега и ужина могу предложить несколько крупных рыбин.

— Не нужно мне никакой платы, — довольно пожилой рыбак полностью выбрался из-под лодки. — Так накормлю, да тюфяк выделю. Не сказать, чтобы я часто шэрхов видел, но вот такого, что слушается, будто ручной, впервые! — восхищенно присвистнул он, оглядывая Орхиса с заметной опаской.

— Орхис — очень умный, он не станет нападать без причины. Давайте я вам помогу, — предложила, видя, что улов мужчины расплзается по берегу, оставленный без внимания.

Орхис помог по-своему. Шэрх бодро склевал с десятков крупных ракообразных, что ползли от рыбака в разные стороны. Поначалу я не поняла, что он делает, думала, помогает собирать. Но когда птеродактиль сделал очевидное плотательное движение побледнела. Сейчас мужчина откажет нам в приюте, а я уже настроилась поспать под крышей, а может даже обмыться пресной водой. С тоской посмотрела на Орхиса. Друг понял меня без слов. Метнулся к воде, отлетев подальше, нырнул, а после выбросил на берег просто огромную рыбину. Не уверена, что съедобную, уж слишком яркой была чешуя добычи.

— Станет ли это заменой того, что он съел? — смущенно поинтересовалась у рыбака, кивая на рыбу.

— Шутишь, парень? — удивился он. — Это ж карпек, да еще и с икрой! Его выпотрошить, так можно не десяток, а сотню, а то и две иглорыков купить.

— Фух, — выдохнула с облегчением. — Отлично.

— То есть мне отдаешь? — уточнил рыбак.

— Отдаю. За ужин, ночлег и в качестве извинений за съеденных иглорков.

— Иглорыков, — поправил рыбак.

— Пусть будут иглорыки, — пожала плечами, мечтая о ванне с пресной водой и горячей еде.

Рыбак странно на меня посмотрел, но промолчал. Другие рыбаки тоже стали потихоньку из своих схронов выбираться, но подойти ближе ни один не решился.

— Тебя как зовут-то, парень? — шагая по вытоптанной тысячами ног дорожке, спросил мужчина. — Меня можешь Тихором звать, — без лишних просьб сообщил он.

— Не парень я, — буркнула тихо. Врать надоело до зубовного скрежета. — Асана, — представилась, не глядя на остановившегося в оцепенении Тихора.

— Девка, что ли? — выдохнул мне в спину рыбак. — А как же ты одна? Нельзя ведь так, как же это... — забормотал он.

— Тихор, — тоже остановилась и обернулась к мужчине. Орхис, следовавший рядом, тоже замер, с любопытством поглядывая на меня. — Я прибыла издалека и мне нужна помощь. Я вижу, что вы хороший человек, прошу вас, не нужно никаких вопросов. Если можете — просто накормите меня и дайте помыться. Кожа от морской соли зудит невероятно, — повела плечами, стесняясь чесаться на виду. — Что смогу — расскажу, а о большем не стоит и спрашивать, — продолжила я, отслеживая реакцию мужчины. — Если не согласны, лучше нам разойтись прямо здесь.

Скажете, ничему меня жизнь не научила, не избавила от наивной доверчивости? Может и так. А только спокойный вечер, пусть и только один, бадья с пресной водой, способной

избавить от жуткого зуда по всему телу и горячий ужин — предел моих мечтаний на данный момент. Ужасы Жахжены потихоньку стали забываться, попасть обратно в лапы Аравия по-прежнему не стремилась, это точно. Но и жить одной, скрываясь в лесу, я не смогу. Не по мне такая жизнь! Раз уж суждено начать заново — буду искать свое место в этом мире. Какое бы оно ни было.

— И что, вот прям слушается тебя во всем? — с восторгом интересовался Тихор, расспрашивая об Орхисе. — Я думал, только альшары обученные с шэрхами справиться-то могут.

Как ни странно, но к Тихору птеродактиль отнесся совсем не так, как к Эльсинору. Агрессии не проявлял, легко позволил мне войти в дом рыбака.

Соседи, правда, без восторга восприняли появление шэрха. Дома здесь стояли близко друг к дружке, соседи на виду друг у друга, появление шэрха пропустить было решительно невозможно. Один, самый возмущенный — Ралос, даже пообещал пожаловаться халишеру, отвечающему за этот остров. Тихор успокоил, сообщив, что халишер Адварий давно уже покинул остров. Когда вернется — никому неизвестно, так что пока Ралос может лишь копить злобу.

— Орхис вполне разумен, он не причинит никому вреда без причины, — сообщила в очередной раз, с удовольствием доедая густой рыбный суп с зелеными водорослями. — Вкусно, спасибо большое, — поблагодарила с улыбкой.

— Лидяшка рыбная, самая простая, — засмутился рыбак. — Вот Яшана лидяшку готовила так, что на запах можно было домой идти, ни за что не промахнешься!

— Яшана — это ваша жена?

— Жена? — переспросил Тихор. — Чудное слово, — мотнул головой, — не знаю такого.

— Женщина, с которой вы связали свою жизнь, — постаралась пояснить. — Та, кого полюбили, мать ваших детей, верная спутница по жизни.

— Ты откуда прибыла, девка? — брови Тихора поползли на лоб. — Яшану я купил еще по молодости. Она в Диаргане в лагере была. Как от родов устала, халишер ее продал. Детей мне она не рожала, отрожала свое еще в Диаргане. А чтоб связать жизнь с бабой — такого я и вовсе не слышал. К чему то?

Теперь настала моя очередь изумляться.

— Пойдите, Тихор, вы хотите сказать, что в Острожье нет пар? Нет союзов мужчины и женщины?

— Да про какие союзы ты твердишь? Мужик берет девку под защиту, коли нравится она ему. Отцу отступные за работницу выплачивает. Дети, ежели рождаются, всегда роду принадлежат, девка-то тут при чем?

— И никаких клятв перед Великой Матерью защищать эту женщину и заботиться о ней?

— Да ты чи с шэрха своего свалилась? — расхохотался Тихор. — Ну, было, что Яшана приболела, к лекарю ее возил. Но проще новую девку присмотреть, дешевле выйдет.

— А эту куда? Ту, что у отца уже выкуплена и перестала быть здоровой и сильной?

— Ежели она по нраву мужчине, может, готовит знатно, как моя Яшана — то как о малом и о ней заботиться следует. А коли сварлива или пуста совсем, так зачем держать такую в доме? — искренне изумился Тихор. — Дома услад есть, туда всех берут, а еще работные. Подлечат, и будет жить там. А может приглянется кому — выкупит ее.

— И никакой благодарности за то, что заботилась, готовила, дом содержала, детей рожала? — перечисляла со злостью. — А работать женщина может?

— Может, конечно, отчего ж нет? — пожал плечами Тихор. — И работать, и даже жить

сама, коли обеспечит себя.

— В Жахжену прилетали халишеры со своими иттани. Они тоже не женаты? Тоже живут без обязательств? — пояснила на всякий случай.

— Ты не путай, Асана, халишеров и простой люд. У них все сложно. Они правда и в храм идут, и перед Великой Матерью обряд проводят. Только не бывал я на тех обрядах ни разу, ничего о них не знаю. Поговаривают, вроде как жизнь они разделяют, циниш обмениваются. Только вот правда то или нет мне не ведомо.

— Где сейчас та женщина, о которой вы упоминали? Яшана.

— Нет ее больше. Большая вода забрала, — с легкой грустью ответил Тихор.

— И что, вы по ней не скучаете? Не хотели бы встретиться с ней после смерти?

— Да что ты несешь такое? — вскочил рыбак. — С чего мне искать встреч с бабой после смерти? Я к Великой Матери уйду, она подарит мне новую жизнь.

— А Яшане не подарит?

— Да не знаю я! — вспыхнул Тихор. — Я же не баба, к чему мне то знать?

— А не боитесь, Тихор, что в новой жизни вы можете оказаться женщиной? — не унималась я.

— Как это? — притих мужчина. — А ведь и правда, — задумался он. — Нет, я заветов Великой Матери не нарушал, она меня не накажет, — подумав, выдал он глубокомысленно.

Решила сменить тему, потому как ни к чему хорошему продолжение разговора привести не может. Хотя, интересное отношение местных мужчин к женщинам, не скрою, поразило. Как к вещи, честное слово! Дом веди, детей рожай, а заболела — убирайся, найду другую, помоложе, да поздоровее.

Тихор немного рассказал мне, как живет остров. Поселенцев много, а связь с крупными городами редкая. Рыбу местные солят, вялят, сушат... в общем, заготавливают, а потом уже сдают оптовикам, что прибывают с большой земли. Странно, конечно, что большой землей Тихор назвал такой же остров, только крупнее.

— Неудобно ведь так жить. А лекари у вас тут имеются? Или нужно связи с большой землей ждате?

— Знахарь был, травами лечил, да заговорами. Помер оборот назад. Теперь совсем худо. У Илдара вон дочь хвора. Уже третий восход не поднимается, — рассказал Тихор. — Лекарь помог бы, Илдар даже красчей собрал сколько нужно, а баракар никак не приходит, — посетовал рыбак.

— И что же сосед ваш так за дочь переживает? — не удержалась от сарказма. — Девка ведь, кому она нужна?

— Да как же кому? — опешил Тихор. — Ведь в силу девка вошла, вот-вот смотреть начнут, не зря ведь растил!

Постаралась отрешиться от такого отношения к ребенку — как к товару. Никак не могу поверить, что какой-то отец и правда может беспокоиться о дочери, только боясь потерять выгоду.

— Думаю, мы с Орхисом могли бы ее перенести, — задумавшись, ненароком выдала мысли вслух.

— Перенести? Хочешь сказать, шэрх твой на загривок кого, кроме тебя взять согласится?

— Я у него спрошу, конечно, но Орхис очень разумный и понимающий. Если я попрошу, уверена, не откажет.

— А ты попроси, Асана, ты попроси! — встрепенулся Тихор. — Илдар ведь дочь свою уже к Великой Матери готовится отправить, надежду совсем потерял. А лекарь поможет, как есть поможет!

— Светило садится, — кивнула на море. — Сейчас лететь или с восходом?

— Так и в темную можно было бы, — вскочил рыбак. — Ты со зверем своим поговори, а я к Илдару побегу. Уверен, все красчи он выгребет, лишь бы к лекарю успеть. Девчонку-то растил пятнадцать оборотов. Холил, лелеял, а теперь потерять все? Точно все выгребет...

Мужчина торопливо ушел, а я как встала, так и села. Получается, Тихор уверен, что сосед его не за дочь волнуется, а за вложенные средства? Переживает, что вложения не окупятся, так, что ли?

Надеюсь, рыбак все же ошибается.

Все еще под впечатлением направилась к Орхису. В этот раз не стала совершать ошибки, прятать друга. Кому надо — тот и увидит, и доложит. Да и невозможно это в настоящих условиях. А так шэрх имеет возможность и за себя постоять, и меня защитить при необходимости. Орхис расположился позади дома Тихора на пустынном каменистом участке. Здесь, вблизи моря, местные совершенно ничего сами не выращивают. Уж и не знаю почему. То ли почва не подходящая, то ли навыка такого нет, в общем Орхису место нашлось.

— Привет, — подошла ближе к встрепенувшемуся другу.

У Тихора мы гостим уже второй день, вчера я просто отсыпалась, невероятно устав за последнее время. Нервное напряжение и обилие пугающих событий попросту свалили с ног, организм устал работать на адреналине. Орхис позволил мне спать в хибаре рыбака, лишь иногда засовывая морду внутрь, чтобы убедиться, что я внутри.

Положила ладонь на лоб шэрха и постаралась объяснить ситуацию. Вот честно, совершенно не понимаю, как можно считать таких умных животных неразумными. Неужели никто до меня не пытался наладить с ними коммуникацию?

В ответ на мои слова о больной девочке пришла волна непонимания.

— Просто помоги, ладно? — догадалась, что друг не видит оснований помогать незнакомому человеку. Для Орхиса люди — не друзья. И только они сами виноваты, что это так.

Орхис внимательно посмотрел мне в глаза, моргнул и согласно кивнул головой.

— Спасибо! — улыбнулась, касаясь губами чувствительного места на морде, у основания клюва. Птеродактилю нравилось, когда я почесывала это место.

Орхис заклекотал, расправляя крылья, ласка ему понравилась. Почесала мягкие перышки и поцеловала еще раз. Не поняла... Снова касание губ, только теперь я внимательно смотрела в глаза шэрха, отслеживая реакцию. Так и есть, в ответ на прикосновение, его глаза снова вспыхивают яркой вспышкой, пусть и лишь на мгновение. На всякий случай, проверила еще раз. Никаких сомнений, реакция точно есть, и она мне совершенно непонятна.

Зато после стольких поцелуев, движения Орхиса стали странными. С лапы на лапу переступил, покачнувшись, глаза заволокло пеленой, шэрх снова заклекотал. Друг вел себя, будто был... пьян. Ничего не понимаю! Неужели так могли подействовать простые поцелуи?

— Орхис, а лететь-то ты сейчас сможешь? Не уронишь нас всех?

Друг снова заклекотал, забил крыльями, тяжело поднялся в воздух и направился к морю. С растерянностью следила за его полетом, не зная, чего ждать. Солнце почти село, ничто не

мешало смотреть вслед улетающему другу. Орхис нырнул довольно далеко от берега и долго не появлялся на поверхности. Успела даже начать паниковать, но чем я могла ему помочь? Наконец, поднимая тучу брызг, Орхис взмыл в воздух. Он нырял еще трижды, каждый раз также надолго. Но все же вернулся ко мне.

Теперь шэрх летел более уверенно. Приземляясь, обдал холодными каплями и заклекотал.

— Орхис, ты в порядке? — положила ладонь на клюв шэрха. — Сможем девочку к лекарю отнести?

Ответом послужил уверенный клекот. С поцелуями больше не совалась, просто погладила друга по мягким перышкам, почесала между глаз, гадая, что это было. Эх, как не хватает знаний!

— А ты не верил! — услышала восхищенный голос Тихора за спиной.

Обернулась. Рыбак привел молодого мужчину, с опаской следящего за Орхисом.

— Вы Илдар? — шагнула к нему. — А где же ваша дочь? Тихор сказал, медлить нельзя.

— Дочь в доме, — пригнув голову, сообщил мужчина. — Не поверил я, что шэрх ручным может быть, вот и... — неловко развел руками.

— И что же? Теперь верите? — не сдержала улыбки.

— Теперь верю. Неужто ты и правда девка? — не удержался Илдар от вопроса.

Господи, неужели это все, что волнует местных? — закатила глаза, сдерживая злость.

— Это проблема? Если *девка*, — выделила слово голосом, — станет спасать ваш бизнес-проект?

— Биз... что? — ошалело переспросил Илдар.

— Забудьте! — отмахнулась. — Так мы летим или нет?

— Летим, — уверенно кивнул мужчина, пусть и взгляд его отнюдь не был таким же уверенным, как тон.

Перенести молодую девушку в полубессознательном состоянии на большое расстояние оказалось совсем непросто. Удержать ее на спине птеродактиля никто бы не смог. Слишком сильный ветер, слишком неустойчивое место для сидения. В итоге решили уложить больную в рыбацкую сеть, самую прочную из всех. Сеть Орхис прижал клювом. А мы с Илдаром забрались шэрху на шею.

Всю дорогу мужчину колотила крупная дрожь, а по прилету вид он имел весьма плачевный. Темная кожа посерела, глаза ввалились, а вот девочка, напротив, пришла в себя и даже немного повеселела.

Орхис опустился на землю довольно далеко от первых жилых домов. Поступили так намеренно, не желая привлекать к себе излишнего внимания. С Илдаром договорились, что заберу его через два дня на этом же месте.

— Всю жизнь за тебя, девка, Великую Матушку благодарить буду! — с жаром воскликнул взволнованный отец. — Вот, возьми. — Протянул мне тканевый мешочек. — Здесь половина всех красчей, что у меня есть. Остальные на лекаря оставил, Великая Мать видит, не лгу! Даже на еду ни чешки не сберег!

— Не нужно мне всего, — испугалась оставить этих людей совсем без средств к существованию. — Вернетесь — тогда и расплатитесь, — предложила я.

— Нет, девка, — не согласился Илдар, снова резанув «ласковым» обращением. — Великая Матушка не простит мне, если не отблагодарю.

И снова протянул кошель. Взяла, развязала тесемки. Кошель был заполнен разными монетками. Не круглыми, а неровными. Отличались они и цветом. Надолго зависла, рассматривая. Я собиралась вернуть мужчине часть, только вот теперь не могла определить, какие из монет имеют большую ценность.

Илдар, видимо, воспринял заминку по-своему.

— Мало? — потерянно выдохнул он. — Если я отдам все, как же расплачусь с целителем? — спросил с болью в голосе сам у себя.

— Нет, не мало, — покачала головой. — Никогда красчей в руках не было, вот и...

Илдар, если и удивился, то виду не подал.

— Бери, девка, не сомневайся. Перед Великой Матерью клянусь, что не обманул!

— Илдар, хватит, я вам верю! — перебила, понимая, что мы просто теряем время. Достала из кошеля наугад несколько монеток и вернула обалдевшему мужчине. — Вот, вдруг на лекаря не хватит. — Сжала потный кулак, не давая разжать, и торопливо отошла. — Через два дня, Илдар, — напомнила, подходя к Орхису. — Здесь же.

Мужчина проводил меня долгим взглядом, после подхватил дочь на руки и пошел по направлению к городу, а я посмотрела на мешочек в руках, размышляя, не стоит ли купить сменную одежду? Идти в незнакомое место одной, без Орхиса было откровенно страшно, еще не забылась прошлая прогулка, точнее ее финал. Но и те лохмотья, что у меня есть носить уже просто нельзя. Решилась.

— Орхис, я тоже в город пойду. Вечер уже, конечно, но может попадется какой торговец одеждой, переодеться хочу, — пояснила другу, куда собралась. — Жди здесь, ладно? Постараюсь быстро вернуться.

Скажете, глупо докладывать птеродактилю о своих планах? Я так не считаю. Орхис —

мой друг, не хочу, чтобы он волновался за меня.

Уверенным движением приложила руку ко лбу шэрха, посылая ему волну любви и уверенности. В ответ получила не просто тепло, прямо жар. Орхис заклекотал, забил крыльями, но удерживать не стал.

Демонстративно улегся прямо на том месте, где стоял, шею вытянул и вообще принял вид скучающей собаки. Даже совестно стало его оставлять.

Уходя от Орхиса ощущала небольшую тревогу. Ведь последняя моя такая вот прогулка закончилось не слишком удачно. К тому же сейчас с моей кожи практически смылась краска, сок той травки, что делал кожу коричневой. И циниш рядом с венами прямо огнем горит. На руках это видно особенно сильно, но тут еще Эльсинор помог — мужчина выделил мне свои длинные, грубые рыбацкие перчатки. Натянула их аж до локтя, да так и ношу, не снимая.

Нужно было идти с Илдаром! — ругала себя по дороге, довольно быстро заплутав в потемках. Первых построек достигла быстро, а вот куда дальше — растерялась. К счастью, меня догнала повозка, по виду грузовая. Проследив за ее ходом, пошла следом. Темнело стремительно, никаких фонарей в городе не было и в помине, рассмотреть что-либо с каждой минутой становилось все труднее. На пути встретила молодая девушка. Она торопливо шла по своим делам, то и дело оглядываясь.

— Дева, не подскажешь ли, где торговца одеждой найти? — догнав ее в несколько шагов, решительно обратилась я.

Девчонка шарахнулась, едва не упав. Пришлось поддержать, от простого касания она буквально затряслась. Глаза резко опустила, на меня даже не взглянув. Ни слова от нее я так и не услышала.

— Ты меня слышала? — решила попробовать еще раз. — Если проводишь к торговцу, я тебе заплачу.

Только тут девушка робко приподняла глаза, быстрый взгляд, торопливый кивок — и вот она уже шагает дальше по улице, безмолвно предлагая мне следовать за ней.

Мы пришли к обычному для местных городов дому — низкому, темному, внутри слышалась возня, виднелся свет. Девчонка уверенно прошла внутрь.

— Дархат, чего тебе? — услышала мужской голос.

Девчонка что-то пробормотала на грани слышимости, но мужчину ответ удовлетворил. Я не проходила внутрь, ожидая снаружи. Наконец, в дверном проеме показался нестарый еще мужчина в свободных одеждах. Длинная развевающаяся рубашка и свободные штаны, сверху грубый кафтан до пола — наряд привычный для состоятельных бравинов. При виде меня честно постарался не кривиться, но мой откровенно плачевный вид в восторг мужчину не привел.

— Вы торговец? — обратилась, глядя прямо и уверенно. — Мне нужна сменная одежда... и обувь, — вспомнила, опустив глаза на ноги мужчины.

Одновременно со словами достала позвякивающий мешочек, демонстрируя его хозяину. Услышав тихое позвякивание, мужчина посторонился, молча приглашая меня внутрь.

Лавка торговца освещалась несколькими крупными светляками, такие мне Эльсинор показывал. Взгляд забегал, рассматривая наряды, развешенные вдоль одной стены.

— Что именно нужно? — не слишком уважительно поинтересовался торговец.

— Мне нужно все, что вы можете предложить, — передала ему мешочек с красчами.

Торговец развязал узел, высыпал неровные монеты на руку и снова посмотрел на меня.

Только теперь его взгляд стал немного более заинтересованным.

— Проходите. — Это мне. — Дархат, иди, отец уже заждался, небось, — бросил он моей провожатой.

— Пойдите. Я обещал девчонке десяток чешек за то, что привела.

Торговец недовольно бросил девушке красноватый кругляш. Та просияла, поблагодарила и убежала.

Торговец знал свое дело. За короткое время он нашел для меня несколько комплектов, вполне подходящих моей, совсем не мужественной фигуре. Примерять наотрез отказалась. Снимать перчатки тоже. Просто попросила все увязать в один куль, чтобы нести удобно было. С обувью вышло сложнее.

— Нога у вас совсем мелкая, — справедливо заметил торговец. — Могу только старые сандиты сына предложить. Он из них вырос, а вам, думаю, впору придутся.

Коротким кивком выразила согласие.

Сандиты — кожаная плоская подошва и три тесемки, которые нужно обернуть вокруг голени. Пара незатейливой обуви оказалась мне впору. Не сдержала улыбки, почувствовав такое приятное, почти позабытое ощущение обуви на ногах.

Закончив отовариваться, даже получила сдачу — три неровных красноватых кругляша, такой же торговец отдал Дархат, что меня сюда привела, то есть у меня осталось тридцать чешек — мелочь. Понятия не имею, на что ее может хватить.

— Парень, ты ирашеч, никак не пойму? — прищурился торговец, разглядывая меня.

— Смесок, — кивнула, не став распространяться на эту тему.

Вещи перевязала веревкой, сделав вполне удобную ручку. Поблагодарила настороженного мужчину и, не мешкая, ушла.

Выйдя из лавки, поначалу уверенно было двинулась вниз по улице, но очень быстро поняла, что найти обратную дорогу в темноте — задача не из легких. Метнулась в другую сторону, свернула в узкий проулок, едва не застряв между домами. Вернулась обратно, стараясь снова найти лавку торговца, чтобы попытаться искать дорогу от нее... В какой-то момент испугалась, что заблудилась. Прислонилась к грубому стволу высоченного дерева и закрыла глаза, думая, как быть. Орхис! — закричала мысленно, представляя друга. — Забери меня, — прошептала, понимая тщетность собственных ожиданий. Орхис далеко, ждет, он не может меня услышать, даже закричи я в полный голос.

Однако, не успела я это подумать, как в голове отчетливо раздался клекот, а меня будто овеяло теплым ветерком. Минуты не прошло, как в небе показалась знакомая фигура. Летел шэрх почти бесшумно, а вот, приземляясь, едва не снес пару ветхих домишек.

— Как ты меня услышал? — прижимаясь к теплой шее, удивилась я. — Неужели чувствуешь меня даже на расстоянии? Орхис мягко мотнул головой, сам прижимаясь как можно ближе. Не удержалась, чмокнула друга куда достала. Как же не хватает знаний! Элементарных, самых простых знаний об этом мире. А еще, сколько бы ни храбрилась, меня не отпускал страх. Страх вернуться в Жажжену — это жуткое, по-настоящему чудовищное место. Страх, что нас с Орхисом разлучат. Такое даже представлять не хочется. Птеродактиль стал моим другом — верным, самым лучшим, единственным.

Сверток с обновками прижала посильнее, боясь выронить. Орхис легко взлетел, ловя воздушные потоки. К счастью, ввиду позднего часа, свидетелей нашего полета не было. По крайней мере, я так думала...

Через два дня, как и договаривались, мы с Орхисом ждали Илдара на берегу далеко за городом, вдали от построек. Верхний Предел весь состоит из множества островов разного размера. Тихор и приблизительно не смог назвать, сколько их всего. *Крупные* люди обжили больше, построив на них целые города, *мелкие* стали пристанищем рыбаков. Островок, где живет Тихор и Илдар совсем небольшой, вчера я обошла его весь. Дома теснились только на одном берегу, люди строились здесь довольно кучно.

На острове был и густой лес. В заросли мы с Орхисом не полезли, осмотрели сверху. Однако по большей части этот островок все же пустовал. С высоты весь он, кроме леса и узкой полосы вблизи, казался темным, словно выжженным, из-за песка. Будто вулканический пепел, песок не радовал золотом, будучи темным, но при этом довольно мягким, совершенно не колючим.

Льёрг — остров, куда мы с Орхисом перенесли Илдара и его дочь намного крупнее. Рисковать и летать над ним не стала. К тому же, над Льёргом не так уж редко пролетали шэрхи. Я успела заметить как минимум четверых животных всего за один день.

Дочь Илдара поправилась. Помощь лекаря, к счастью, успела вовремя. Правда, Илдару все же не хватило красчей расплатиться в полной мере. Однако выход был найден довольно легко — Илдар всего лишь продал свою дочь. Лекарю и продал, с учетом скидки за лечение. Так что все довольны, никто не внакладе.

— Договорились, что три оборота она у халишера Пшали жить станет. Весь приплод у лекаря останется, коли Великая Мать даст, — выдал ошарашенной мне довольный собой отец.

А после девочка вновь вернется под опеку «любящего» папочки, — сделала собственные выводы, забираясь на Орхиса. Комментировать рассказ этого недоотца не стала — ни к чему это. В умах точно ничего не сдвинет, а вот ко мне вопросы могут возникнуть.

Во всем этом была и положительная сторона. Илдар, не скрываясь, растрезвонил о нас с Орхисом, что можем перенести куда надо, даже за большую воду. И тем же вечером в дверь Тихора раздался стук.

— Кого там несет, темная на носу, — заворчал рыбак, отворяя. — Халишер, — склонился он, а я похолодела.

— Твой шэрх за домом? — услышала уверенный голос.

— Не мой, — отрицательно мотнул головой Тихор. — Чего уважаемый халишер желает? — рыбак самоотверженно попытался выйти наружу, помалу тесня незваного гостя. Однако номер не прошел. Я только и успела, что набросить на голову тряпку, завязывала уже под пристальным взглядом вошедшего.

— Про тебя болтают, что можешь за большую воду перенести? — прищурился он.

— Про меня, — не видела смысла скрывать.

— У меня товара много, но он нетяжелый. Если через три восхода я буду в Диаргатаре, что в Ирании, — вскинулась невольно, услышав название страны, предположительно из которой родом Асана, — осыплю красчами! — не замечая моей реакции продолжил мужчина. — Можешь не сомневаться, не поскуплюсь, — добавил он после небольшой паузы.

— Шэрх за это время долетит? — поинтересовалась настороженно.

— Шэрх за два восхода долететь может. Но только выносливый. Остановок над Большой

водой не сделаешь, — развел руками.

— Мой шэрх после травмы. Мне нужно с ним поговорить, — поднялась, шагая к выходу. Легко миновала посторонившегося гостя, выходя в ночь.

— Поговорить с шэрхом? — услышала недоуменное за спиной. Ни останавливаться, ни комментировать не стала, хмыкнула только тихонько.

Орхис выглядел встревоженным. При виде меня забил крыльями, потянулся мордой, потерял о плечо. Поведение друга взволновало и меня.

— Эй, ты чего? — рассмеялась, успокаивающе поглаживая птеродактиля. — Все хорошо. Орхис, тут такое дело... — замялась. — Не думай, я не хочу тебя обидеть и нисколько не сомневаюсь в твоей силе и выносливости... — обхватила клюв двумя руками, смотря другу в глаза, стараясь, чтобы он почувствовал мое состояние, мою уверенность в нем. — В общем, ты сможешь лететь два дня без остановки? Нужно перелететь Большую воду, — пояснила, глядя в умные глаза.

Наше общение не похоже ни на что другое, сравнить просто не с чем. Вот и сейчас я абсолютно уверена, что Орхис не просто слышит и понимает, что я говорю, и даже не просто чувствует мое состояние, думаю, он считывает и еще что-то, какую-то часть моих мыслей. А думала я о словах пришельца об Ирании, о том, что у меня появится шанс найти кого-то, кому Асана была небезразлична, шанс перестать бегать и прятаться.

Вместо ответа Орхис резко высвободился, задрал клюв к небу и издал невероятно пронзительный, буквально душераздирающий крик. У меня от него едва кровь из ушей не пошла. Присела, закрывая уши руками. Глаза и рот, напротив, распахнула, силясь справиться со звуковой волной.

Крик был коротким, но и его хватило, чтобы переполошить все поселение. Из домов стали выглядывать люди, вечерняя тишина тут же сменилась гомоном множества голосов.

Боже, что это было? — с силой трясла головой, стараясь прогнать звон в ушах.

Орхис, чувствуя вину, тут же потянулся ко мне мордой, поддел за одежду, потянул вверх, поднимая на ноги. Заклекотал что-то совсем негромко. Тряпка с головы сорвалась, ворот распахнулся, но в тот момент я не придавала этому значения.

— Все в порядке, — дыша часто-часто, соврала я.

Вокруг стали собираться люди. Все как один встревоженные, совершенно не понимающие, что происходит и чего ждать от шэрха. Я и сама испугалась бы, не знай я Орхиса столько времени. Что же его так взволновало?

Бросила вопросительный взгляд на друга и тут же обернулась к нервно ожидающим объяснения людям. Никто близко не подошел, но голоса звучали все громче и агрессивнее.

— Все в порядке! — подняла руки к небу. — Простите нас! Опасности нет! Шэрх никому не угрожает!

— Как же не угрожает? Да у меня чуть голова не лопнула от его крика! — возмутился крупный мужчина, делая шаг в нашу сторону.

— Простите, — повторила я. — Этого больше не повторится!

— Расходитесь, расходитесь, — подключился подоспевший Тихор. У рыбака носом шла кровь. Мужчина смахнул ее небрежно и нетвердой походкой двинулся в сторону толпы.

— Неужели ты правда дева? — услышала тихий голос со стороны. Что-то резануло, но после выходки Орхиса не сразу поняла, что именно. Обернулась — незванный гость. Едва про него не забыла. Хм... дева, не девка, уже хорошо.

— Это проблема? — постаралась не демонстрировать агрессии.

— Признаться, я немало удивлен, — уронил мужчина, разглядывая меня. И тут я поняла, что именно меня смутило. Слова, что произносил незнакомец — понятные, но звучащие иначе. Он говорил со мной на другом языке, а я понимала и могла ответить!

— На каком языке вы говорите? — вырвалось прежде, чем смогла обдумать.

— На ирашском, — прищурился мужчина. — Том же языке, на котором вы мне отвечаете. — Внимательный, оценивающий взгляд. — Вы ведь ирашка, так?

Вы? — хмыкнула такой разительной перемене в обращении.

— Не уверена, что хочу с вами откровенничать, — заметила как можно небрежнее. — Вы вот даже не представились, — грубовато намекнула ему.

— Прошу меня простить, — мужчина хлопнул себя открытой ладонью по груди. — Рамхан Арахар хали Ораш, — договорив, мужчина склонился в намеке на поклон.

Уже стемнело, но еще в домике мне показалось, что кожа мужчины не такая темная, как у местных. Загорелая, но не темно-шоколадная.

— Вы ирашец? — не смогла сдержать любопытства.

— Уроженец Ирании, верно, — Рамхан улыбнулся впервые с момента появления на пороге дома Тихора. — Однако вот уже двадцать пять оборотов живу в Верхнем Пределе. Ирания — моя Родина, но мой дом и семья здесь.

— Семья? — удивилась. — У вас есть семья?

Не знаю, возможно, смысл, что я вкладываю в это слово не тот же, что вкладывает этот мужчина. Но в языке, на котором говорят бравины в Острожье вовсе нет такого слова, как и слова «жена», впрочем.

— Семья, — подтвердил мужчина. — Обычаи Острожья для меня чужды, в Ирании на многое смотрят иначе, — говорит, а сам смотрит на меня пристально, оценивающе. — Вы не знаете обычаев своей Родины?

— Я не говорила, что Острожье — не моя Родина, — заявила упрямо.

— За вас об этом сказали ваши глаза и ваши волосы. Но больше всего цвет вашей кожи. Не отказывайтесь от обычаев своей Родины. В Ирании никто не может владеть сознательным существом. Никто не может распоряжаться судьбой близкой женщины, никто и никогда не продаст своей дочери.

Слотнула ком в горле, настолько слова мужчины меня растрогали. Пришлось даже отвернуться на несколько секунд, чтобы справиться со внезапно выступившими слезами.

— Это и для меня дико, Рамхан... могу я вас так называть? Или скажите, как мне к вам обращаться?

— Рамхан — имя для близких, — мягко поправил мужчина. — Для вас я — хали Ораш.

— Хали, это как халишер?

— Верно. Странно, что вы не знаете такого обращения... не хотите назвать свое имя, иттани? Вы ведь альшари, я не ошибся? — словно не веря сам себе, спросил он, вглядываясь в вырез у меня на шее.

Да, в этом месте тоже отчетливо стали видны золотистые линии. Причем, чем дальше, тем больше. Эти линии еще и светиться в темноте начинают. Хорошо еще, не жгут, но по ночам, бывает, я просыпаюсь от ощущения вибрации под кожей.

— Я не иттани, — мотнула головой. — Меня зовут Алисана. И это все, что я о себе знаю.

— Как же тогда вы можете утверждать, что не иттани? — снова улыбнулся хали Ораш. — Почему вы живете здесь, в этом месте?

— Тихор помог нам с Орхисом, приютил. Моя история не самая веселая, хали Ораш. И, уж простите, мне не хочется сейчас ее рассказывать.

— Не смею настаивать, — снова слегка поклонился мужчина. — Иттани Алисана, позвольте предложить вам мой дом в качестве убежища. Гарантирую вашу безопасность в его стенах, клянусь, что сумею защитить и уберечь.

— Почему? Зачем вам это нужно?

— Вы ведь ирашка. Я вижу, что вы пытались скрыть истинный цвет своей кожи. Возможно, вы прячетесь от кого-то... Еще раз прошу прощения за настойчивость, я чувствую ответственность за вас в этом не самом дружелюбном к юным девам месте.

Посмотрела по сторонам. Многие разошлись, но небольшая группа во главе со скандальным соседом — Ралосом осталась. Именно Ралос, стоило нам с Орхисом появиться в этих местах, стал придираться и даже собирался жаловаться на присутствие шэрха управляющему этим небольшим островом. Сейчас рыбаки о чем-то переговаривались, поглядывая в нашу сторону. К сожалению, то, что я девушка — больше не секрет. Тряпка с волос упала, все видели и их цвет, и длину.

— Спасибо, — проглотив ком в горле, ответила ирашцу. — Мне очень приятна ваша забота. Ведь я даже не дала вам ответа по поводу перелета.

— Возможно, Великая Мать привела меня в дом этого рыбака не для того, чтобы я мог попасть в Иранию вовремя, а для того, чтобы спасти вас, иттани Алисана.

Вскинулась, глядя на мужчину. Признаюсь, с надеждой. До чего же я устала бегать и прятаться! Неужели я многого хочу? Просто спокойствия. Не нужны мне ни богатства, ни принцы, просто возможность самой строить свою жизнь и не бояться каждую минуту.

— Орхис? — вопросительно посмотрела на друга, притихшего после сводящего с ума крика. — Ты помнишь, о чем я спрашивала? Сможем мы помочь хали Орашу?

Орхис сам потянулся ко мне, прижался лбом к моей голове. Впервые от такого контакта я почувствовала легкую вибрацию. Она зарождалась в районе лба шэрха и словно перетекала в меня. Вместе с вибрацией отчетливо пришел и ответ. Снисходительно-положительный.

— Спасибо, — шепнула другу, награждая его легким поцелуем.

— Неужели вы и правда способны на общение с шэрхами?

— На счет всех шэрхов не скажу, но с Орхисом мы совершенно точно понимаем друг друга. Мы вас отвезем, хали Ораш. Сможете ли вы раздобыть воршиков в дорогу? Для Орхиса, чтобы он мог восстановить силы.

— Я позабочусь об этом, — кивнул он. — Мое предложение в силе, иттани Алисана, — напомнил мужчина. — Я предлагаю вам мой дом в качестве убежища.

— Нет, благодарю вас, — быстро отказалась, боясь согласиться. Но вот так запросто довериться незнакомому мужчине было страшно. Когда обращалась к Тихору, у меня просто не было другого выхода, я была в отчаянии, теперь все немного иначе. — Как только будете готовы — приходите сюда. И еще, хали Ораш, у меня нет седла... приспособления, что крепят на шею шэрхов при полете. И нет ничего для переноса вашего груза.

— Не переживайте, иттани Алисана, я позабочусь обо всем, — снова слегка поклонился мужчина. — Признаться, мне неловко обсуждать с вами этот вопрос, но... какую оплату вы хотели бы получить за ту услугу, что окажете для меня?

— Я приму ту оплату, что вы готовы мне дать, — ответила, чуть подумав. — Ни больше, ни меньше.

— Я вас услышал, — кивнул мужчина предельно серьезно.

— Вы будете один?

— Один. Моя спутница останется здесь. За ней есть кому присмотреть. Великая Мать наградила меня тремя сыновьями. Они уже довольно взрослые и вполне в состоянии уберечь мать от любых угроз.

Два дня непрерывной дороги на высоте многих метров, когда под тобой нескончаемая водная гладь — испытание не для слабонервных! Даже с учетом того, что хали Ораш раздобыл широкое сидение, которое мы закрепили у основания шеи Орхиса, довольно устойчивое, прочное, надежно защищающее от падения. Без него даже представить не могу, как бы мы смогли преодолеть такое расстояние.

Орхис летел, не сбавляя хода. Его ровные, широкие взмахи вселяли уверенность, но стоило только посмотреть вниз, как сердце тут же начинало ухать где-то в горле. Мой друг эти два дня ничего не ел и не пил. Прямо перед дорогой он съел огромную порцию желтых ягод — воршиков, выращиваемых специально для шэрхов. Кроме того, хали Ораш, видя мое беспокойство, не единожды повторил, что шэрхи могут обходиться без воды и еды довольно длительное время, они очень выносливы, за то и ценятся.

Мы немного поговорили, пока готовились к дороге, а после и вовсе все наши развлечения ограничивались беседой друг с другом.

Хали Ораш — торговец. Товар, что ему срочно понадобилось перевезти через море, закрепили в огромной сети, стропы которой обвязали вокруг спины Орхиса. Для надежности шэрх дополнительно придерживал сеть передними лапами.

— Груз нетяжелый, — в очередной раз повторил мужчина, закрепляя сеть.

— Что там? — махнула на объемный тюк.

— Это плоды аррантаруса, высушенные. Они довольно крупные, но при этом легкие. Аррантарус, — повторил хали Ораш, видя мое недоуменное лицо. — Вы не знаете, что это за плоды? — неподдельно удивился он.

— Расскажите? — передернула плечами.

— Аррантар — подводное растение, водится только у берегов Дрисса. Плодоносит раз в несколько оборотов. Плоды аррантара используют в целительском деле. У меня артель по добыче этого растения. Много усилий прикладывается, чтобы вырастить его в нетипичной среде, размножить.

— Эти плоды так важны?

— Очень! Даже передать невозможно, насколько! Из плодов аррантара, как свежих, так и высушенных изготавливается до десятка различных настоев и лекарственных снадобий. Однако свежим он практически не хранится. Пара темных — и плоды начинают гнить. Высушенные тоже довольно ценны, а так как в Ирании аррантарус не найти, его высушивают и доставляют морем. В этот раз отчего-то баракар не пришел, поэтому я и был вынужден обратиться за помощью к вам, иттани Алисана.

— Почему вы продаете эти ценные плоды в Иранию? Почему не лекарям Верхнего Предела?

— В Острожье нет лекарей, умеющих работать с плодами аррантара, — хмыкнул мужчина. — Не знаю, заметили ли вы, иттани Алисана, а ведь острова Верхнего Предела заметно отстают в развитии от прочих территорий Ильриаса. В Ирании живет и работает мой старый друг — Арден Ишшихат хали Сеостах. Арден — сильнейший лекарь современности. Он еще не стар, но ограничен в передвижениях из-за коварной болезни. Поэтому все, чем Арден занимается в последнее время — изготовление лекарственных снадобий. К сожалению, у него нет сыновей, которым он мог бы передать свои умения, а

ученики не могут вынести его непростого характера, лишь усугубившегося с течением болезни. Так что Арден не передает секретов производства никому. Только он может обработать плоды аррантара так, что они становятся пригодны для дальнейшего использования. Именно поэтому я и везу их ему.

— То есть в Острожье эти плоды обработать никто не может? — удивленно уточнила я.

— Все верно, иттани Алисана, все так. Эти ценные плоды раньше и вовсе не добывали, а если они случайно попадали в сети рыбаков — скармливали скоту.

— Я считаю преступлением то, что ваш друг не обучает себе преемника, — заметила с сожалением. — Никто не вечен, придет время и хали Сеостах отправится к Великой Матери, унеся с собой все свои знания.

— И тут вы правы, иттани Алисана. Да только нужно лично знать Ардена, чтобы понять, насколько тяжело с ним ужиться. Болезнь сделала его совершенно нетерпимым, склочным и желчным. Выдержать его общество хоть сколько-нибудь долго совершенно невозможно. А ведь он мой друг, и я отношусь к нему со всем возможным уважением и почтением.

— А как же производство? Он сам занимается этим? Или у него есть рабочие?

— Сам, — кивнул мужчина. — Все сам.

— Но ведь это неправильно! Если эти плоды настолько ценны, на ваших глазах совершается настоящее преступление! — распалялась я. — А кто управляет Иранией? Неужели и правитель тоже просто закрывает на такое безобразие глаза?

— Иранией сейчас управляет достопочтенный Альшар Парис хали Тьяр, — сообщил хали Ораш. — После того, как хали Тьяр похоронил спутницу и дочь несколько оборотов назад его, к сожалению, мало что беспокоит. Уважаемый хали Тьяр утратил смысл жизни, боюсь, что Ирания сейчас предоставлена сама себе.

— Мне очень жаль.

— Нам всем безмерно жаль, иттани Алисана.

Долгая изматывающая дорога, наполненная страхом и волнением, все же закончилась. Ночами было особенно тяжело. Клонило в сон, но спать было откровенно страшно. И дело не в том, что я не доверяла Орхису или своему спутнику, просто я всегда немного настороженно относилась даже к полетам на самолете, а тут... в общем, стоило только закрыть глаза, как тут же начинала кружиться голова, но и держать их открытыми вес время, до рези вглядываясь в черноту перед собой тоже не выход.

Хали Ораш, видя мои мучения, предложил опереться на него.

— Так вы будете чувствовать, что не одна, иттани Алисана, — со смущением в голосе добавил мужчина. — Признаться, мне тоже не по себе, но шэрх слушается именно вас, мое ясное сознание ничем не сможет помочь нам в сложной ситуации, а вот ваше — да.

— Вы правы, хали Ораш, — не могла не признать. — Спасибо.

Прислонившись к мужчине, совсем слегка, лишь положив голову на его плечо, я и правда могла поспать. Пусть недолго, несколько часов, но без этого отдыха за двое суток изматывающей дороги вполне можно было сойти с ума.

Единственное доступное нам развлечение, кроме разглядывания бесконечной водной глади — разговоры. Мне было неловко интересоваться, почему хали Ораш предпочитает жить в Верхнем Пределе, где у его спутницы нет никаких прав, почему он не переехал в Иранию, но этот вопрос меня нешуточно волновал, и я решилась.

— Женщины — достояние Острожья, иттани Алисана, — ответил мужчина. —

Согласен, по тому отношению, коего они удостоиваются, это понять непросто, однако именно женщинам запрещено покидать Верхний Предел. Моя спутница, Валитих, никогда не сможет поехать со мной в Иранию. Это наша общая боль. Именно поэтому смешанные союзы настолько редки.

— Она не может покинуть острова?

— Не может, — подтвердил хали Ораш. — Мы познакомились совершенно случайно, я никогда не планировал заводить семью в Острожье. Был уверен, что стану жить в Ирании... однако пути, что уготовала нам Великая Мать не дано предугадать никому. Отец моей Валитих некоторое время был моим деловым партнером. Имея двоих дочерей, единственное, о чем думал Айшарас — это кому бы продать их более выгодно. Не сразу я понял, что и на меня у него свои планы. — Хали Ораш замолчал, видимо, вспоминая те времена. — Через меня Айшарас собирался выйти на представителя Ирании в Верхнем Пределе. В те времена эту должность занимал почтенный хали Игнарш. Хали Игнарш несколько раз выкупал молодых дев, но не за тем, что мог предположить отец моей Валитих. Хали Игнаршу глубоко неприятно отношение бравинов к своим женщинам, девушек он пытался спасти от худшей участи. Увидев Валитих я пропал, иттани Алисана. Потерял покой и сон. Все мои мысли были только о ней. Айшарас запросил такую сумму, что на тот момент была совершенно неподъемна для меня. Мои родители отказались поддержать затею обзавестись спутницей в Острожье, и их можно понять, ведь тогда они никогда не увидели бы ни моей избранницы, ни собственных внуков. Как, впрочем, и вышло. Мне помог Арден, тот самый лекарь, которому я и везу этот груз. Он помог найти нужное количество красчей, за что я вечно буду ему благодарен. Моя Валитих только моя, никому ее не отдам! — закончил он запальчиво.

— Если вашу спутницу нельзя вывезти из Острожья законно, ее ведь можно... выкрасть, — предложила неуверенно. — Орхис легко может перенести вашу спутницу, никто не сможет нас догнать.

— О нет, иттани Алисана, — возразил торговец. — У нас с моей Валитих трое сыновей. Двое из них уже нашли свою судьбу и получили благословение Великой Матери. Что ждет их здесь, соверши мы столь тяжкое преступление?

— Но ведь и их спутниц тоже можно увезти...

— А у их спутниц есть семьи, иттани Алисана. Все совсем не так просто, как может показаться на первый взгляд.

— Вам повезло, хали Ораш, повезло в том, что Великая Мать наградила вас лишь сыновьями. Но что, если у них родятся девочки? Сможете ли вы защитить своих внучек от жестокости Острожья?

— У меня уже есть две внучки, иттани Алисана, — с грустью в голосе поведал мужчина. — Несмотря ни на что, они не проклятие, а благословение Великой Матери. Со временем, возможно, я добьюсь разрешения на их выезд за пределы Острожья. Ведь они — мои внучки, наполовину подданные Ирании.

— Вы можете рассчитывать на мою помощь, хали Ораш. Если вдруг передумаете.

— В очередной раз убеждаюсь, что Великая Мать не шлет никчемных путей. Ведь я считал тот день, когда услышал о вас одним из самых худших за весь оборот. Партия товара, которую ждали в Ирании, никак не могла успеть вовремя. Баракар, на котором я должен был перевезти плоды аррантара не пришел, времени не осталось. На кону стояло не только мое благосостояние и репутация, но и наша дружба с Арденом. Вы даже не представляете, насколько вырчили меня, иттани Алисана!

— Что ни делается — все к лучшему.

— Мудрые слова, с ними сложно не согласиться. Насчет нашего договора... мы ведь так и не обговорили вашего вознаграждения. Иттани, я не могу настаивать... в общем, в оплату вашей услуги я могу предложить вам свой дом, оставшийся в Горло, небольшом поселении на побережье. Это совсем скромный дом, к тому же довольно долго бывший без присмотра, но если приложить усилия, его вполне можно привести в порядок. В Горло мягкий климат. Если не считать сезона дождей, когда на улице становится довольно неуютно, в остальное же время — это притягательное местечко. Мои воспоминания, в основном детские, приятные, наполненные нежностью.

— Детские воспоминания всегда содержат добрую долю ностальгии, — с улыбкой заметила я. — Ваше предложение слишком щедрое, хали Ораш, — посчитала нужным возразить. — Дом за два дня в пути — перебор.

— Для меня это более выгодно, нежели для вас, — вернул улыбку мужчина. — Свободных красчей у меня сейчас почти нет, а тот дом... он ничего не стоит, кроме воспоминаний. Я понимаю, что никогда не смогу в него вернуться, никогда не смогу там жить. Поэтому не спешите отказываться, иттани Алисана. На месте я смогу зайти в городское управление и оформить все нужные бумаги. Насколько я понимаю, вы ни с кем не связаны в Острожье, никто не станет вас разыскивать, так почему бы вам не поселиться в Ирании? Поверьте, эта страна намного более развита, нежели Острожье, да и к девам в ней отношение совсем иное. Да что я говорю, — махнул он, — вы и сами все увидите!

Хали Ораш принял активное участие в моей судьбе. Даже неловко становилось в некоторые моменты от того, сколько времени торговец на меня тратит. Прямо сейчас он уехал в Фарлей — крупный город, в котором живет его друг, которому и предназначен груз плодов аррантара. Но перед отъездом едва ли не силой приволок меня в управление Горло, переоформил документы на дом, сообщил даже, что я его родственница, которую хали Орашу повезло найти в Острожье. Осталась без документов, потому что... впрочем, никому ничего объяснять не требовалось, стоило только сообщить, что я вырвалась из Верхнего Предела. Сразу после этой информации взгляды собеседников преисполнились сочувствием и решимостью помочь.

В общем, теперь я Алисана Арахар иттани Ораш, — держала в руках плотный листок голубоватой бумаги и не знала, как относиться к такой доброте хали Ораша.

— Если вы вспомните своих родных или вдруг захотите отказаться от моего имени — только скажите, и мы переоформим все бумаги! — уговаривал торговец, отчего-то решив, что я против принимать именно его имя. А мне было неловко от его доброты. Едва сдерживала слезы, понимая, как мне повезло встретить этого мужчину.

— Спасибо вам, хали Ораш, — шагнула ближе и неловко обняла торговца. — Вы всегда можете на меня рассчитывать, поверьте, я не забуду вашей заботы обо мне. Не забуду и постараюсь отплатить!

— Бросьте, иттани Алисана! — неподдельно рассердился мужчина. — Острожье слишком повлияло на вас, как я посмотрю! Обживайтесь пока, — кивнул на пыльный пустой дом. — Мне нужно спешить. К сожалению, не могу остаться и помочь вам, хотя и вижу, сколько работы дом требует. Но как только вернусь — у меня будет время помочь вам с обустройством. И еще, — он достал из-за пазухи небольшой мешочек. — Как я уже говорил, свободных красчей у меня немного, но на первое время вам хватит.

Вручил мешочек едва ли не насильно и споро ступил за порог, не дожидаясь моих возражений. А я собиралась возражать! Хали Ораш и так столько для меня сделал, дом вот переписал, документы выправил, еще и монеты оставил.

Вышла вслед за мужчиной. На улице его уже ожидала груженная повозка, запряженная теми самыми «жирафами» — крэками. Животные мирно перебирали длинными лапами и пощипывали траву у низкой покосившейся ограды. Хали Ораш ловко занял место на шее одного из крэков, махнул мне и направил повозку вниз по улице. Несколько минут я просто следила за удаляющимся мужчиной, благодаря неизвестную мне пока Великую Мать, что явно не оставила свою дочь без покровительства и помощи. Да, мой новый путь начался совсем непросто, но, верю, все наладится. Главное — я не одна. Со мной Орхис и хали Ораш. Все будет хорошо, все точно будет хорошо.

В Горло на Орхиса реагировали с той же долей опаски, что и в Острожье. Шэрхи — совсем не домашние животные, их, конечно, научились приручать, но явление это отнюдь не массовое. Мой друг устроился прямо рядом с домом. В одном месте ограда совсем обвалилась, обнажая заросший участок позади. Его-то Орхис и расчистил, немного поработав клювом и мощными лапами. Воду для него набрала в большую деревянную кадку, а вот за мясом или рыбой придется отправляться на охоту. Мне и самой стоит обзавестись хотя бы самыми необходимыми продуктами. Теперь, благодаря щедрости хали Ораша,

сделать это будет совсем несложно.

В домике присутствовала допотопная печь, обмазанная облупившейся глиной. Из кухонной утвари в наличии был лишь закопченный котелок да обрубок ножа. Но все это мелочи, прорвемся!

Пока ехали из городского управления к дому, хали Ораш рассказывал, что где находится. Ну и небольшой рынок не заметить было сложно. Так что именно туда я и решила направиться в первую очередь!

Стоило подойти к ограде, Орхис тут же поднялся, всем своим видом демонстрируя готовность следовать за мной. Оставлять друга не стала, вместе веселее. Шли пешком, недолго, минут двадцать. Дома в Горло, в основном, одноэтажные, разбросанные на значительном удалении друг от друга. Дорог как таковых нет, скорее вытопанные тропы с продавленными колеями, в общем Орхис мог меня сопровождать почти до самого рынка. Когда дома стали чаще и шэрху пройти уже было невозможно, договорились, что я накину ему на клюв небольшую веревку. Завязывать не стану, просто сымитируем повязку, дабы не нервировать и не пугать местных. В общем, так и поступили.

Орхис остался ждать меня, а я углубилась в торговые ряды. Горло, хоть и небольшой городок, застройка одноэтажная, а торговцев все же немало. При желании на рынке легко можно было найти и посуду, и продукты, и даже мебель. А чуть в отдалении торговали живым товаром. Я не про рабов, а про скот и домашнюю птицу.

Первым делом поймала мелкого мальчишку, что за мелкую монету помогал донести тяжелые покупки до дома. Просьбе рассказать номинал монет паренек если и удивился, то виду не подал. Пояснил, что красчи у меня в мешочке трех видов из четырех. Чешек, самых мелких монеток, не было. Но как они выглядят, паренек показал, достав пару из кармана штанов.

— Это, иттани, парис — самый крупный красч, он зеленоватый всегда. А форма разная может быть. Если парис целый — значит в нем десять десятков чешек. Полпар — вот он, серый. Два таких парис и будет. А это жирь — в нем десять чешек, иттани, — шмыгнув, закончил рассказчик.

— Спасибо тебе, — протянула пареньку жирь. — Это за помощь.

— Много даете, иттани, — снова шмыгнул он. — А сдать вам остаток мне нечем, — пожал плечами.

— А ты тут почему трешься? Дома работы нет?

— Есть, но красчи сами себя не заработают, — рассудительно заметил парень. — Вот и трусь.

— Если тебе нужна работа — приходи к дому, что у самой воды. Он долго пустой стоял, дом хали Ораша, знаешь такой?

— Знаю, как не знать? Один он пустой стоял на берегу, все его знают.

— Вот и отлично. Приходи — поможешь мне в обустройстве, а я за это тебя накормлю и сдачу отдавать не нужно будет.

— Прямо весь остаток себе оставить можно?

— Весь.

— А на рынке вам помощь нужна? Я ведь и донести могу до дома, или если тележка есть — докачу, коли много брать будете!

— А давай, — согласилась с неожиданной помощью. — Показывай тогда, где жир купить можно, на котором жарят. Овощи какие-нибудь, корнеплоды, муку. Желательно подешевле

бы.

— Идемте, иттани, — уверенно потянул меня парень к первому прилавку.

— Тебя как зовут хоть? — отходя от очередного прилавка только сейчас догадалась спросить я.

— Жарих, — улыбнулся помощник. — Видели, как его перекосило, когда я сказал, что у Даора на жирь дешевле куль муки стоит?

— Видела, — тоже не удержалась от улыбки, вспоминая, как Жарих торговался с каждым лавочником. Мальчик — прирожденный торговец, видно невооруженным глазом. — А я Алисана, — решила представиться в свою очередь. — Жарих, покупок у нас уже много, не донесем больше. Над рынком мой шэрх ждет, давай отнесем покупки к нему, оставим, а после продолжим.

— Шэрх? — удивленно распахнул глаза Жарих. — Свой собственный?

— Я его не покупала, если ты об этом. Я его... спасла.

— Это как?

— Расскажу, только давай не сейчас, ладно? Есть уже невероятно хочется, давай заканчивать с покупками. Ну, чего мнешься? Спрашивай, не бойся, я не кусаюсь, вижу же, что что-то тебя интересует.

— Вы не подумайте, иттани, я не в обиду... Только как же без мяса-то? Крупу и коренья мы взяли, только разве то еда?

— Мясо нам Орхис добудет, — рассмеялась. — Как и рыбу, не переживай!

Покупки переносили к Орхису в два этапа. Из посуды позволила себе купить только кривоватую пластину, на которой можно жарить. Сковородой такое приспособление язык не повернулся бы назвать.

— Это ж тапа! — воскликнул Жарих. — На ней бадярики жарят.

— Бадярки — из травы, что в Большой Воде водится? — вспомнила, чем Эльсинор угощал.

Жарих рассмеялся. Не поняла причины такого веселья, если честно. Терпеливо дождалась, пока смех утихнет и подняла вопросительно бровь.

— Большая Вода, — снова широко улыбнулся пареньек. — В Горло так никто не говорит, — пояснил он. — Это ж Кейш, — махнул куда-то рукой.

— Кейш? Это название? Имя?

— Кейш и Армират омываю Иранию. Это самые большие амуты в этой части Ильриаса.

— Амуты, значит? — хмыкнула. — Ясно. Жарих, а ты обучался где-нибудь? Читать, писать умеешь?

— А как же! — приосанился пареньек. — В Горло большая училиня есть, сюда и из Адвара приезжают.

На Орхиса Жарих отреагировал сдержанно. Но только до тех пор, пока не понял, что повязка на клюве — лишь имитация. Но и тут реакция парня меня поразила с хорошей точки зрения. Жарих смело оттащил меня подальше от шэрха, задвигая себе за спину. Пареньек явно стремился защитить меня, думая, что Орхис сам пасть развязал.

— Не бойся, Жарих, — вышла из-за спины побледневшего парня. Подошла к Орхису, бесстрашно кладя ладонь ему на голову, перебирая мягкие перышки. — Орхис — мой друг, он совершенно не опасен. Орхис, это Жарих, — представила паренька птеродактилю. — Ты уж не пугай его, ладно?

Как расплачиваться с Жарихом за помощь — ума не приложу! Красчи все до последней монетки я вчера потратила. Теперь могу предложить пареньку, заканчивающему расчищать участок перед домом, только еду.

Жарих пришел рано утром и сразу принялся за работу. Пока он возился на улице, я осваивалась на кухне. Сумела, хоть и не без труда разобраться с допотопной печью, чадающей просто невероятно, сварила что-то вроде густого супа и даже нажарила грубоватых лепешек. Орхис улетать на охоту и оставлять меня одну отказался категорически, поэтому пока без мяса или рыбы. А ведь я полностью согласна с Жарихом, что на одних кореньях и лепешках долго не протянуть.

Тарелок в доме не водилось, придется есть прямо из котелка.

— Жарих! Жарих, идем обедать, — позвала помощника, удивляясь объему работы, что он успел проделать.

— Так рано еще, — неуверенно отозвался парень. Хотя по его виду сложно было не догадаться, что он голоден насколько не меньше меня.

— Для обеда самое время! Идем. Мисок нет, а ложка только одна, — стыдливо показала грубо вырезанную из куска дерева загогулину. — И сидеть будем на полу, — пожалала плечами.

Думаю, мои слова Жарих пропустил мимо ушей, ведь все его внимание занимал котелок с ароматным супом.

— Мой руки, будем брать ложку по очереди, — решила поторопить события.

Ели с удовольствием. Суп, пусть и овощной, получился вполне съедобным. Лепешки тоже. Конечно, это далеко не белый хлеб из муки тонкого помола, но за время, проведенное в этом мире, я уже и вкус его стала забывать. Удивительно, но теперь главное было — наесться досыта, а уж вкус еды отошел на второй план.

— Расскажешь о себе? — когда первый голод был утолен, решила поинтересоваться я. — Семья есть? Родители?

— Мамка у меня только да брат мелкий совсем, — не слишком охотно буркнул Жарих.

— А отец?

Жарих нахмурился.

— Бросил он нас! Как брат родился, так и ушел. Другая семья у него, а мать не знала.

Да уж, мир другой, а проблемы все те же.

— Братику сколько уже?

— Мелкий совсем, третий оборот только пошел. Мамка после ухода отца болела долго, теперь только в себя приходит. Она шьет на дому, а я за любую работу берусь — на рынке помочь, телегу разгрузить, или вот двор расчистить.

— Жарих, я... вчера все красчи потратила, — решила признаться, — не смогу заплатить сегодня.

— Так договор вчера был, что жирь у меня остается целый, остаток сегодня отрабатываю, — напомнил паренек. — Я его мамке уже отдал, она малому молока сегодня с восходом купила.

— Жарих, а когда же ты учишься? Если все время подработки ищешь?

— Так отучился уже. Три оборота в училищу ходил, после только в академию, но она

лишь для альшаров бесплатная, таким, как я платить нужно.

До позднего вечера мы работали бок о бок. Орхис все же согласился улететь ненадолго. Вернулся с огромной рыбиной в пасти. Сказать, что Жарих выглядел ошарашенным — значит ничего не сказать. Паренек с невыразимым удивлением следил за тем, как шэрх, словно ластясь, подошел ко мне и мягко опустил огромную рыбину на землю у моих ног. А после еще и голову подставил, прося ласки.

— Спасибо, мой хороший! — с удовольствием ласку подарила, нахваливая добытчика. С голоду мне с ним не умереть, это точно.

Бросила взгляд на Жариха, вспомнила его рассказ о маме и братике.

— Вот что, — постановила, поднимая рыбу с земли. — Забирай-ка, да домой неси, — передала тушку парню. — А за это еще день мне помогать станешь. Согласен?

Жарих замотал согласно головой так сильно, что едва не оторвалась. На рыбу он смотрел с голодной жадностью, и это несмотря на то, что мы недавно доели лепешки, а еще я корнеплоды жарила. Сладковатые, на земной батат вкусом похожи.

— Донесешь-то? — поинтересовалась с улыбкой. Рыбка-то килограмм на десять тянула, никак не меньше. Орхис у меня только большущих ловит. Еще раз благодарно погладила друга, прижимающегося ко мне головой.

— Донесу! Еще как донесу! — заверил повеселевший Жарих. — Вот мамка-то обрадуется!

— Неудобно так, — видя, что рыба то и дело выскользывает из рук парня, заметила я. — Бери сумку, — кивнула на плетеную сетку, я ее уже использовала для переноса овощей. Сеть была в доме, а уж соорудить из нее некое подобие сумки труда не составило.

После ухода довольного Жариха решила идти отдыхать. День сегодня был непростой, физически изматывающий, да и темнеет уже, солнце вот-вот сядет.

Не успела я скрыться в доме, как меня окликнул грубый мужской голос.

Орхис выпрямился во весь рост, готовясь отражать нападение. Цыкнула на него, успокаивая. Ограда вокруг дома износилась, в некоторых местах провалы зияли метровые, так что то, что неизвестный мужчина не проходит заслуга скорее шэрха, а может, воспитание не позволяет мужчине на чужую территорию вторгаться. Как бы то ни было, пришлось мне к незнакомцу подходить.

— Здравствуйте, уважаемый, — поздоровалась первой. — Вы ко мне?

— Если ты хозяйка шэрха, к тебе значит!

— Я. Это мой шэрх, — подтвердила настороженно.

— А раз ты, то знать должна, что не может зверь дикий жить среди людей! Мало того, что расхаживает по городу бесконтрольно, так он еще и без удерживающей цепи, да без перевязи на морде!

— Орхис — мой друг! — сложила руки на груди. — Он разумен и не станет никому вредить первым.

— Сам тебе сказал, что ли?

— Сам и сказал! — отрезала я. — Если это все, что вы хотели, прошу меня простить, устала, пойду отдыхать.

— Если шэрх твой так и останется здесь, я до самого управителя дойду! — пригрозил мужчина. — Потом не обижайся, когда обоих вас и выдворят.

Орхис, чувствуя мое взвинченное состояние, тоже взволновался. Забил крыльями, из пасти вырвался угрожающий клекот. Друг сделал шаг ко мне, опуская клюв к плечу.

Мужчина тут же отшатнулся назад, споткнулся, едва не растянувшись на дороге.

— Да вы посмотрите, что делается! — засипел он. — Твоя зверюга хотела меня сожрать! Все видели! Все! Я до управителя дойду, вот увидишь, как есть дойду!

— Уважаемый, успокойтесь, — попросила я, стремясь погасить конфликт. — Как вас зовут?

— Зачем тебе? — еще больше напрягся мужчина. — Ни к чему тебе то знать! — а сам пятится, пятится.

— Хотела познакомиться, простая вежливость. Меня вот зовут Алисана... Ораш, — непривычно было так называться, но прямо сейчас я вновь испытала приступ благодарности к хали Орашу за его заботу. — Мой шэрх очень умный, он совершенно точно не станет нападать ни на кого просто так, только в целях защиты. Вам нечего бояться, уверяю вас.

— Никто тебя с твоей зверюгой не боится! — верещал мужчина, отошедший уже на приличное расстояние. Его крики, естественно, привлекли внимание. Из домов стали выходить люди, с интересом прислушивающиеся к перепалке.

На самом деле, я ждала чего-то подобного. Люди, которые чего-то боятся, стремятся устранить саму причину страха. А шэрх просто не мог не вызвать подобных чувств. Хали Ораш рассказывал по дороге, что шэрхов в Ирании содержат в удалении от жилых домов, чтобы снизить риск агрессии к минимуму. Даже здесь, в этой более прогрессивной стране шэрхов отчего-то считают дикими и неразумными. Признаться, я никак не могу понять, с чего такое отношение к настолько умным животным?

Расстроенная, вернулась к дому. Орхис в два шага преодолел это расстояние и теперь улегся, засунув клюв в приоткрытую дверь. Что ж, я не против. Ночами сейчас довольно комфортно, а назойливые насекомые и так давно уже налетели. Приготовилась ко сну, умывшись и обтеревшись теплой водой. Спать мне предстояло на полу, так как тюфяк, что был в домике, давным-давно сгнил. Его я выбросила сразу же, едва ли не первым делом, потому что он распространял не самые лучшие ароматы и наверняка содержал кучу насекомых.

Устроилась поближе к другу, касаясь его ладошкой, так обоим спокойнее было. Заснула, улыбаясь от мысли, что сплю фактически на пороге, обнимаясь с огромным птицем. Ну и что, зато я счастлива!

Девочки (и мальчики))), если понравился слог автора, зацепил сюжет и просто хочется меня порадовать — нажмите "Нравится". Вам фейерверк, мне хорошее настроение!))) Конечно же, добавляйте книгу в библиотеку, чтобы не потерять. А за подписку отдельный плюсики в карму.)))))

Конечно, Жарих пришел и на следующий день, и через два дня тоже, и через три. Паренек, с которым мне удивительно повезло познакомиться, привел мне весь двор в порядок, поправил ограду вокруг участка, заменив завалившуюся часть самолично нарубленными толстыми ветками. А еще мы много разговаривали. За едой и вечером, закончив работать.

— Я бы с удовольствием познакомилась с твоей семьей, Жарих.

— Ну что вы, иттани! Они — простые люди, не одаренные, не обученные. Мама — швея, шьет для таких же простых горожан.

— Жарих, ты многого не знаешь обо мне, — опустила глаза. — Так вышло, что я тоже не умею даже читать и писать на ирашском. И... в общем, я не знаю ничего о своих родных.

— Как это? — удивился парень. — А разве хали Ораш вам не кровный?

— Возможно, я тебе расскажу. Когда-нибудь, не сейчас.

Вернувшийся Орхис прервал разговор. Птеродактиль опустил ся, уронив на землю кровоточащую тушу крупного рогатого животного. Кровь все еще толчками вырывалась из рваной раны, животное было еще живо.

Жарих подскочил к зверю и одним точным движением перерезал ему глотку. Так, словно делал это ежедневно.

— Горная ореча! — восхищенно выдохнул он. — Они довольно юркие, редко охотникам даются.

— Спасибо, — погладила лаптящегося шэрха. — С тобой я точно не пропаду! — поцеловала местечко рядом со лбом. Именно это место у Орхиса самое чувствительное, а еще при касании губ от меня словно энергия перетекает к другу. Вот и сейчас произошло то же. Глаза Орхиса сверкнули, а после затянулись пленкой, друг словно опьянел от простой ласки. Улегся прямо тут, спокойно наблюдая за тем, как мы с Жарихом принялись разделять добычу.

От обилия крови и резкого сладковатого запаха с непривычки замутило, закружилась голова. Жарих, заметив мое состояние, отстранил меня ненавязчиво, самолично сняв с оречи шкуру, а после быстро смыл натекшую кровь из бадьи с водой, приготовленной для Орхиса. За разделку принялись уже вместе.

Я старалась делиться с пареньком тем, что приносил друг с охоты или рыбалки. Вот и сейчас откладывала отличные куски в сторону, намереваясь отдать ему. Глядя на то, какие взгляды Жарих бросает на куски мяса, только уверилась в принятом решении.

— Ну что вы, иттани, это слишком дорого! — резко отказался парень, когда я протянула ему сеть с мясом. — Если продать это мясо на рынке, можно выручить полпар, а то и целый парис. За рыбу я должен работать у вас не меньше десяти восходов, за это же и вовсе, — под конец пламенной речи совсем сник.

— Жарих, я благодарна тебе за помощь, твоей работой полностью довольна, а уж как ее оплачивать, в каком размере позволь все же решать самой. Я считаю, что то, что ты сделал для меня стоит больше, чем те продукты, которыми я оплачиваю твой труд. Что делать с этим мясом — нести ли домой или завтра на рынок, решать только тебе. Прими его, пожалуйста, и не обижай меня отказом.

В довершении моей речи Орхис, сделав незаметное движение шеей, боднул

оторопевшего Жариха в плечо, отчего парень чуть не упал.

— Вот видишь, — подняла палец вверх. — И Орхис на тебя сердится за упрямство! Так что бери мясо и хватит спорить.

Жарих, сам того не зная, стал для меня довольно близок. Мне не с кем было разделить обычные житейские трудности, некому довериться, не с кем даже просто перекинуться парой слов! Паренек, выросший в непростых условиях, вынужденный подстраивать свою жизнь под нужды семьи, очень мне нравился. Импонировало и его отношение к труду. Ответственность и честность, с которой он принялся за работу у меня. Ну и отношение Орхиса к нему, конечно же, не могло не сыграть своей роли.

Птеродактиль ни разу даже не рыкнул на Жариха. Не подходил, не ластился, как ко мне, но и агрессии не проявлял. Ни открытой, ни скрытой. Жарих, поначалу сторонившийся шэрха, тоже осмелел, спокойно проходил мимо, однажды даже чуть сдвинул хвост птеродактиля, мешавший ему пройти.

Так что даже не знаю, кто больше выгадал от нашего сотрудничества — Жарих или я?

В ожидании возвращения хали Ораша я потихоньку исследовала город. Гуляя как-то по рынку наткнулась на торговца сладостями. Мужчина явно знает толк в том, чем занимается. Аромат от его лавки исходил такой, что слюной можно захлебнуться. Вошла. Осмотрелась. Узнав стоимость угощений, приуныла. Целый парис за небольшое лукошко засахаренных ягодок. Три париса за корзину темно-красных плиток, даже на вид невероятно аппетитных, про запах и вовсе молчу. В общем, цены у кондитера кусались.

Пришлось уйти ни с чем, если не считать мыслей о том, где бы подзаработать. Что, если продавать рыбу и мясо, что Орхис приносит с охоты? Нет, — отказалась от этой идеи. Как-то это будет нечестно по отношению к моему другу. Да и не торговец я в душе, что уж скрывать.

Шить... не умею. Ну вот так, чтобы из лоскута готовое изделие вышло — точно не смогу. Пуговицу пришью, конечно, дыру заштопаю, но думаю, тут таких умелиц полно.

К сожалению, все осложняется еще и моим полным незнанием местной грамоты. Ни читать, ни писать на ирашском не могу. Так что базовые потребности расширяются необходимостью получить образование. А еще... закатала рукав, осматривая золотистую вязь, что стала иногда зудеть. Зуд поднимался от самой груди, разливаясь по всему телу. Иногда переходя в вибрацию. Самопроизвольно. Например, этой ночью я проснулась от ощущения, будто на груди клубком свернулась кошка и непрерывно мурлычит. Кошки не было, была пугающая вибрация в районе солнечного сплетения. Орхис заметил мое состояние, потерялся, посверлил серебряным взглядом, но помочь не смог. Все прошло само собой, однако оставлять на самотек все же, думаю, не стоит.

В Ирании, видимо по привычке, я продолжала скрывать золотое свечение кожи. На груди запахивала ворот поплотнее, рукава не подкатывала. Хали Ораш видел мою особенность. Он тоже альшар, одаренный. Только вот я ни разу не замечала, чтобы он использовал свою циниш, да и разговора на эту тему не зашло. Хали Ораш не поднимал этот вопрос, думаю, из вежливости, а я из страха еще больше показать собственную неосведомленность в том, что местные знают с детства.

Возвращения хали Ораша я ждала с нетерпением, единственного, кто мог бы мне помочь и хоть немного просветить в том, чего я совершенно не понимаю. Возможно, торговец подскажет, как мне попасть в местную академию, раз уж она для одаренных бесплатна.

Прошло еще несколько дней. Вполне спокойных и мирных, даже тот воинственный сосед больше не объявлялся, но как известно, такое затишье бывает только перед бурей, и она не замедлила грянуть.

Еще накануне Жарих, волнуясь и мямля, сообщил, что должен будет сегодня остаться дома, помочь матери. Парень уже столько работы переделал по дому, что мне с каждым днем все сложнее стало придумывать для него задания. Но, так как помощник был уверен, что должен отрабатывать полученный провиант — мясо и рыбу, то неизменно приходил каждый день с рассветом. Конечно же, я его отпустила, решив, что снова схожу в город. Возможно, удастся найти работу, хотя и мало представляла, чем бы могла заниматься.

Проснулась от клетота Орхиса, злых криков, громких голосов, какого-то неясного спросонья шума. Едва продрав глаза, выскочила в распахнутую дверь и остолбенела.

Трое мужчин на мощных крэках смотрели на меня свысока, с явным превосходством. Еще один, спешившись, угрожал моему другу.

На Орхиса был наставлен светящийся кончик зипуна, заметив который я моментально пришла в ярость, помня о том, насколько грозное это оружие.

Шэрх боязливо опустил голову, но вся поза птеродактиля — расставленные широко лапы, сложенные за спиной крылья, приоткрытый клюв, весь его вид выражал готовность защищаться. Из пасти друга снова вырвался угрожающий клекот.

— Что здесь происходит? Вы кто? — выскочила из домика, стремительно сокращая разделяющее нас расстояние. Встала перед шэрхом, силясь загородить его от направленного оружия.

— Алисана Арахар иттани Ораш? — хмуро спросил один из мужчин, прибывших без приглашения.

— Это я, — ответила настороженно. Мужчина назвал мое новое имя, оно известно только градоначальнику, точнее указано в бумагах, что мы заполняли в управлении Горло.

— Вам нужно пройти с нами!

— Куда? Что случилось?

— Вы нарушили закон, иттани Ораш. До выяснения всех обстоятельств вы будете задержаны. Шэрха следует препроводить в городскую труху, там за ним присмотрят. У вас есть адланрак?

— Что это?

— перевязь для пасти, — охотно подсказал мужчина.

— Нет. Мой шэрх не опасен, это не требуется, — попробовала возразить.

— Пока вы рядом — возможно и не опасен. Но он даже сейчас выражает готовность к нападению. Шэрхи довольно агрессивны и совершенно несдержанны, иттани. Довольно опрометчиво содержать его без адланрака!

— Меня задерживают из-за этого? Потому что шэрх живет рядом с людьми?

— Нет. Пока он не представляет угрозы, ни на кого не напал может жить. Вы нарушили закон об охране границ Ирании.

— Это какая-то ошибка, — нахмурилась. — Я не понимаю.

— Вам нужно пройти с нами в управление, — снова повторил он. — Не заставляйте нас применять силу, иттани. Рекомендую выполнять указания добровольно.

Вот вроде говорил мужчина довольно вежливо, но весь его вид, да и его спутников выражал агрессию, готовность напасть. Те трое так и не спустились с крэков, держась на удалении, сверля меня внимательными взглядами, а еще на поясе каждого я заметила зипун. Одна рука мужчин лежала на шее крэка, другая же словно поглаживала навершие оружия, закрепленного на ремнях. Думаю, выхватить зипун и пустить в ход не займет много времени. Как ни странно, боялась я больше не за себя, а за Орхиса. Друг и так столько натерпелся, пока был во владении Аравия, что теперь я никак не могла позволить причинить ему вред!

Сделала короткий шаг назад, натыкаясь на Орхиса спиной. Обернулась, будто бы посмотреть, что там, на самом деле лова взгляд шэрха.

— Орхис, улетай, — шепнула одними губами, но друг услышал.

Хоть зипуны и были у всех мужчин, в руках оружие держал только один, тот, с кем я

говорила. Следующий мой шаг был к нему. Наконечник у зипуна опасно светился, но меня это не остановило. Сделать вид, что иду к мужчинам просто. Два шага вперед, спотыкаюсь и падаю прямо на того, с зипуном. Мужчина невольно расставил руки, чтобы меня подхватить, даря те самые секунды, необходимые Орхису, чтобы взлететь.

Дальнейшее слилось в один миг. Мужчина подхватывает меня, отводя зипун в сторону. Одновременно с моим выпадом слышу шум крыльев за спиной и тихий клеткот. Понимаю, что к счастью, Орхис не стал упрямиться и все же решил послушаться. Бросаю взгляд на троих, не спешившихся. Все трое выхватывают свои зипуны из-за пояса. Самый проворный спрыгивает с крэка, бежит к Орхису. Шэрх уже в небе, его уже не достать.

Тот, на кого навалилась, торопится отстранить меня, ведь только его оружие готово к атаке, только его зипун светится. Мужчина пытается поднять зипун, но я не даю, уже не скрывая намерений закрывая его своим телом, очень боясь получить разряд, но к счастью, обходится.

Мужчина все же оттолкнул меня, буквально швырнув в руки напарника. Взгляд в небо — Орхис успел отлететь на значительное расстояние. Однако птеродактиль замер, не улетает дальше, смотрит на меня вопросительно.

Первый, с кем говорила все время, шагнул ближе, сверля меня разъяренным взглядом.

— Вы специально это сделали! — обвинительно наставил на меня зипун.

— Эрх, остынь, — тут же вмешался другой, успевший соскочить с крэка. Отвел руку с оружием, направив его на землю. — Иттани, вы сейчас же вернете шэрха! — с нажимом заявил он. — Иначе вас обвинят в неповиновении стражам.

Обернулась. Орхис по-прежнему был неподалеку и не спешил улетать.

«Улетай, пожалуйста!» — закричала безмолвно, стараясь взглядом передать просьбу другу.

В ответ пришла волна отрицания. Он услышал! Он и правда услышал!

«Улетай! Умоляю, Орхис, улетай! Не дай себя схватить, ну пожалуйста! Так ты сможешь помочь и мне!» — а вот это уже подействовало.

Орхис медленно, словно нехотя, развернулся и двинулся в сторону моря. Тут же ему в спину направился серебристый луч. Резко обернулась — тот первый, Эрх, целился в Орхиса из зипуна. Попасть с такого расстояния он не мог, — облегченно поняла я по разъяренному виду мужчины.

— Вы об этом еще пожалеете! — зло бросил он мне, провожая Орхиса взглядом. — Садитесь на крэка, сейчас же!

— Я бы хотела закрыть дом и потушить плиту, — выпалила, чтобы немного потянуть время. Какая плита? Я только глаза разлепила.

— На крэка! — заорал мужчина. — Больше ни пара промедления!

— Но может случиться пожар! — попыталась возразить я, сама не понимая, почему спорю, зачем злю его еще больше.

Вместо ответа меня довольно грубо схватили за руку и поволокли в сторону «жирафа».

— Эй, Эрх, полегче, — перехватил мою руку второй страж. — Перед тобой иттани, — пытался вразумить напарника, но тщетно.

— Она из Острожья, Трис, сам же слышал. Небось, еще и из какого-нибудь лагеря по разведению мальков. Зачем она здесь нужна? Еще и с шэрхом! Почему он тебя слушается? — повернулся ко мне, приблизив лицо едва не вплотную. — Травой какой окурила его? Признавайся! Знаю я этих бравин. Все, как один дайнешс дымят, а после ничего не

соображают. А девы так и вовсе мальков на алтарь отдают! За красчи, Трис! Мальков в жертву! — в полном бешенстве орал Эрх.

— Меня выкрали, — произнесла тихо.

— Что? — все же услышал взбешенный страж. — Что ты там бормочешь? — снова схватил за руку, больно выворачивая.

— Меня выкрали, я ирашка! — выплонула ему прямо в лицо.

— И сколько белых мальков ты успела продать, *ирашка*? — издевательски спросил Эрх. — Сколько мужчин помогли тебе их зачать? Ты хоть интересовалась их судьбой или плевать? *Иттани*, — издевательски выплонул он. — Ты могла постоять за себя! Могла защитить невинных, но предпочла лечь под бравина, чтобы потом отказаться от подарка Великой Матери!

В начале его жутких обвинений еще как-то держалась, но под конец злые слезы опалили глаза, в груди полыхнуло. Это уже была не просто вибрация, из самого центра груди, казалось, что из самой души вырвался столп энергии. Стража от меня отбросило так сильно, что своим телом мужчина снес остатки изгороди. После выброса невероятной силы, колени подкосились сами собой, и я рухнула на землю. Оглушенная, совершенно не понимающая, что произошло, что только что было!

Рябь перед глазами мешала сосредоточиться. Скорее догадалась, чем увидела, что к пострадавшему бросились спешно соскакивающие с крэков напарники. Мужчина лежал на земле, не двигаясь. Меня за плечо схватила сильная рука. Подняла голову, фокусируя взгляд. Тот страж, что меня защищал, смотрел на меня отрешенным, пустым взглядом.

— За нападение на стражей эфета при исполнении наказание одно — казнь, иттани Ораш, — скупно сообщил он.

Эрха привели в себя. С огромным облегчением поняла, что просто оглушила стража, не убила, как мне показалось вначале. Произошедшим я и сама была оглушена не меньше. Выброс... не сказать, что я была к нему совершенно не готова, скорее, оказалась не готова к ощущениям, что испытала при этом, к слабости после. А то, что чего-то подобного и стоит ждать, причем в самое ближайшее время, лежало на поверхности.

Об этом говорили золотые нити под кожей, что с каждым днем горели все ярче, намекал зуд, который становился все отчетливее; а еще вибрация, появляющаяся время от времени и даже не дававшая спать по ночам. Все эти предвестники я отчетливо видела. Не зря с таким волнением ждала возвращения хали Ораша, ведь он единственный, кто мог бы мне хоть немного объяснить, что со мной происходит. Не дождалась. Нападки стражей спровоцировали то, что случилось.

— Где вы проходили обучение контролю? — настороженно спросил второй страж. Трис, кажется.

Пользуясь моим оглушенным состоянием, задрал рукав моей рубашки, пристально рассматривая горящие золотом прожилки.

— Нигде, — подняла на него глаза.

— Нигде? — переспросил ошарашенно. — С таким первородным духом, как у вас, таким уровнем шакти как вы могли нигде не проходить обучение? — прищурился он. — Как часто случаются выбросы? — быстро задал новый вопрос.

— Это первый, — тряхнула головой и постаралась подняться.

Страж помог, резковато вздергивая меня на ноги. Голова снова закружилась, и я точно повалилась бы обратно на землю, не придержи он меня.

— Иттани, сколько оборотов назад Великая Мать подарила вам дух?

— Что? — нахмурилась, и правда не понимая. — Имеете в виду, как давно я родилась? — уточнила, прищурившись. От поднимающегося солнца резало глаза, словно песка в них насыпали. Настороженный кивок в ответ. — Понятия не имею, — почти весело развела руками.

— Поясните, — сухо попросил страж.

Бросила взгляд за его спину. Там пострадавшего уже даже на крэка взгромоздили. Взгляд Эрха был осоловевшим, будто пеленой подернутым, но оно и понятно, неслабо его приложило. Как ни странно, даже услышав о наказании за нападение мне не было страшно. Этот муд...жлан получил по заслугам. Чего он только мне не наговорил, буквально грязью облил! А ведь он меня совершенно не знает, сам себе надумал, а на меня вылил все эти помои!

— Успокойтесь! — резко тряхнул Трис. Я и сама поняла причину его волнения, вибрация в груди вновь стала нарастать. — Дышите ровнее, — посоветовал он. — Удивляюсь, как вы все еще живы с таким контролем!

Бросила на стража злой взгляд. И тут же вибрация вновь усилилась. Тут уж я испугалась по-настоящему. Во-первых, этот мужчина мне не так сильно не нравился, как тот, кто сейчас блевал, свесившись с крэка. Причинять вред Трису я точно не хотела. Но больше всего меня беспокоило, как мой собственный организм отреагирует на второй подобный выброс. После первого-то еще не оклемалась до конца. Голова кружится, а ноги подкашиваются.

Страж резко прижал меня спиной к груди, одну свою лапищу положил прямо на источник вибрации в районе солнечного сплетения, вторую чуть ниже, на живот. Прижал так крепко, что казалось, дышим мы в унисон. Отчетливо почувствовала, что моя вибрация словно сливается с его. Он тоже одаренный? Трис прижал меня еще крепче, хотя, казалось бы, куда еще-то?

— Дышите вместе со мной, — приказал он. — Выпускайте напряжение, итгани Алисана, дышите ровно и медленно. Чувствуете ток моей циниш? Ваш источник подстраивается под него, я чувствую. Не мешайте, просто дышите, сейчас все пройдет.

— Трис, что ты делаешь? — к нам подошел еще один страж. Эрха оставил на напарника, на Трису смотрел широко распахнутыми глазами, мужчина был очень взволнован. — Трис, ты понимаешь, что творишь? — медленно спросил он.

— Выбор был? — вопросом на вопрос ответил страж у меня за спиной. При этом его дыхание нисколько не сбилось, он продолжал дышать ровно и уверенно, заряжая и меня этим состоянием.

— Трис... — покачал головой страж. — А как же Льятиша? И... девчонка напала на Эрха, ты ведь понимаешь, что это значит?

— Это был бесконтрольный выброс, — вдруг встал на мою защиту страж. — Она не обучена.

— И ты поверил? С ее-то уровнем шакти? Быть не может!

— Поверил. Жар, ты мешаешь, — мягко отмахнулся Трис, замечая, что я начинаю волноваться.

— Ну-ну, — хмыкнул мужчина, отходя, возвращаясь к Эрху.

Несколько минут мы дышали в унисон, я честно старалась успокоиться, думать о хорошем, представляла море. Шум волн на меня действует умиротворяюще. Огонь тоже, но решила не рисковать и огонь не представлять. Пока не узнаю, как эта их циниш работает, лучше не стоит. В памяти еще свежи воспоминания о ни с того, ни с сего загоревшемся песке там, на берегу. Кто знает, не подпалю ли я мужчину за спиной, представляя пламя.

Дыхание выровнялось, вибрация в груди утихла. Но, успокоившись, я осознала, что меня прижимает к твердой груди незнакомый мужчина. Невольно втянула воздух, ощущая его запах. Приятный, мужской, волнующий. Это и заставило отстраниться.

— Я в порядке, — заерзала, пытаюсь высвободиться. — Отпустите.

Страж отпустил. Отошел на шаг, вглядываясь в выражение моего лица. Снова взял оголенную руку, провел пальцем по золотистым линиям.

— Вы невероятно одарены Великой Матерью, — негромко заметил он. — Как вышло, что вы не прошли должного обучения? — и взгляд такой пристально-изучающий. Именно взгляд и заставил меня прийти в себя окончательно. Руку отдернула, отступая еще дальше.

— Я даже не знаю, как вас зовут, а вы хотите откровений с моей стороны? — хмыкнула, вздергивая бровь. Всячески стремилась продемонстрировать уверенность, которой на самом деле не испытывала.

К этому моменту достаточно пришла в себя, даже голова перестала кружиться. Теперь мысли лихорадочно крутились вокруг того, как быть. Неясно еще, за что меня пришли задерживать, а я усугубила свое положение нападением на одного из стражей. Пусть и случайным. Факта нападения это не отменяет.

— Ксантр Дарон хали Трис, — положил открытую ладонь на грудь мужчины, представляясь. Голову он наклонил совсем чуть-чуть, называясь, не сводил с меня глаз.

Снова этот его взгляд... аж мурашки по коже.

— Не стану лукавить, утверждая, что рада с вами познакомиться, хали Трис! — ляпнула и только потом поняла, что именно сказала. Это все нервы, сложно себя сдерживать, очень сложно.

Мужчина в ответ одарил меня потяжелевшим взглядом, но комментировать не стал.

— Вы хотели погасить плиту, — напомнил он. — У вас есть несколько пар, пока Эрх приходит в себя.

Про плиту я ляпнула просто так, если честно, я ее и запалить-то не успела, стражи меня разбудили. Но возможностью охотно воспользовалась, бегом возвращаясь в домик, чтобы переодеться. Надела грубые штаны взамен легких, в которых спала, натянула перчатки, на всякий случай связала в узел еще один комплект одежды. Волосы стянула веревкой, голову покрыла платком. Обулась. Все, я готова. На все про все ушло около пяти минут... пар, как сказал бы хали Трис.

Страж ждал прямо у двери. Затворив за собой, покорно пошла вслед за ним. Эрх, пострадавший, сверлил меня тяжелым взглядом, восседая на крэке. Мужчина уже достаточно пришел в себя и был откровенно зол. Двое других стражей тоже не излучали доброжелательности. Мелькнула мысль извиниться... но стоило вспомнить все те несправедливые гадости, что наговорил мне Эрх, едва зародившееся желание тут же угасло.

Усадив меня в седло, Трис ловок запрыгнул следом, прижимаясь довольно крепко. Обернулась на дом, гадая, доведется ли вернуться. Мне здесь было хорошо и спокойно, пусть и недолго.

— Незаконный вылов рыбы и охота без разрешения, — сухим тоном сообщил служащий. — Штраф составляет от трехсот до тысячи парисов при однократном нарушении. В вашем же случае речь идет о систематическом несоблюдении норм закона, поэтому я вынужден поместить вас под стражу до полной выплаты штрафа. Сумму штрафа назначит эфет Даорсах завтра, сегодня у него свободный день.

Невысокий, тщедушный мужчина в годах скучающе дал мне какую-то бумажку для ознакомления. Беглого взгляда оказалось достаточно, чтобы удостовериться, местной грамоты я не знаю. Знаки для меня совершенно незнакомы, никакого узнавания, ни малейшего.

Хали Трис не оставил меня одну, войдя в кабинет клерка вместе со мной. Весь разговор страж стоял у стены, не вмешиваясь. Теперь же, уж не знаю, что он прочел по моему лицу, но мужчина приблизился. Осторожно взял у меня бумагу и ровным тоном стал зачитывать все, что на ней было написано.

Сглотнула, с благодарностью вслушиваясь в тихий голос. Да, мне вменяли незаконный вылов рыбы и охоту. Дура! — ругала себя потихоньку. Ну неужели так сложно было догадаться, что на подобные действия нужно получать разрешение и наверняка платить налоги!

Лепетать, что не знала о том, что незаконная охота и рыбалка запрещены не стала, радуясь, что Эрх не стал предъявлять обвинений в нападении на него. Пока не стал. Еще по дороге Трис шепнул мне, что поговорит с напарником, постарается убедить, что вышло недоразумение и злого умысла у меня не было. На въезде в город хали Трис, как главный в этой группе, отправил всех в лечебницу. Эрху вроде как нужно, а остальные для сопровождения. Меня же в городское управление сопровождал сам.

После того, как страж озвучил для меня обвинительный лист, поставила прямо по центру закорючку, не подпись, просто чиркнула что-то, потому что именно этого от меня и ждали.

Молча позволила сопроводить меня сначала в крохотный кабинет, где переписали все мои данные, с моих же, собственно, слов. Служащего интересовали имя рода, место рождения, имена родителей, место проживания, где училась, место работы, если оно есть. На каждое мое «не помню» служащий хмурился все больше, пока, наконец, не отбросил пишущий инструмент и не выскочил за дверь. Трис, снова молча подпиравший стену, тоже счастливым не выглядел. Мужчина еще больше посмурнел, нахмурился, но от вопросов воздержался.

Служащий довольно быстро вернулся вместе с двумя стражами, которые и препроводили меня в закрытое помещение с крохотным окошком под самым потолком, к слову, довольно низким. Камера была одиночной. Меня ждал тюфяк на полу и глиняная кружка воды. Котомка, которую успела собрать перед отъездом, осталась у меня. Вот и все богатство.

— Постойте! — бросилась к почти закрывшейся двери. — Я могу сообщить кому-то о том, где я?

— Вспомнила родных? — ухмыльнулся один из стражей. — Завтра у эфета Даорсаха сама спросишь.

И захлопнул дверь прямо у меня перед носом.

Присела прямо на пол, поджала ноги к груди и засопела, справляясь с эмоциями. Что, Олеська, расслабилась? — одернула мысленно сама себя. Думала все, жизнь налаживается? Нет, дорогая, за свое счастье и спокойствие еще стоит побороться!

— Дура! — ругала себя в очередной раз. — Ну неужели не могла сама сообразить, что на вылов рыбы и охоту на зверей требуется разрешение? Ну где это видано, что каждый может сколько угодно разорять леса и добывать бесконтрольно рыбу?

Но ведь никто не предупредил. Тот же Жарих... мог ведь сказать! Успокойся! — снова мысленно на себя прикрикнула. Парень-то тут при чем? Он вообще мог и не знать о таком запрете.

В крайней досаде стукнула кулаком в стену. Нужно продумать завтрашний разговор с неизвестным эфетом Даорсахом. Кто это вообще? Местный судья? Градоправитель?

Думай, Олеся, думай! Выходцев из Верхнего Предела в Ирании жалеют, особенно если речь о девушках. Женщинам из Острожья вырваться невероятно сложно, таких мало, можно попробовать сыграть на чувствах эфета. Лишь бы он оказался хоть чуть более сговорчивым, чем те стражи, с кем мне довелось сегодня общаться.

Трис... страж помог своей молчаливой поддержкой, простым присутствием на всех этапах обвинения. Не знаю почему, но я ждала, что и завтра при разговоре с эфетом он будет присутствовать. Есть ведь еще Эрх, — скрипнула зубами. За нападение на стража простым штрафом я не отделаюсь. Да и штраф... сумма, которую назвал служащий просто невероятно огромна. Так это за однократное нарушение, а у меня систематическое...

Интересно, как там Орхис? — про друга я ни на минуту не забывала, с ужасом боясь, что он может попытаться напасть на стражей. Может пострадать при этом. Господи, как же надоело бегать и прятаться! Как же хочется спокойствия. Обычной, самой простой жизни. Работа, учеба, мне ведь многого и не нужно. Даже о семье уже и не мечтаю. Хотя нет, мечтаю конечно, но как о чем-то далеком и несбыточном. Сейчас же первая забота — хоть немного освоиться, перестать постоянно бегать, опасаясь за свою жизнь и свободу.

Позавтракать мне сегодня не довелось, так что довольно скоро живот скрутило от голода. Принюхавшись к воде в кружке, с облегчением выпила, не обнаружив посторонних запахов и затхлости. Вода была самая обычная, холодная, вкусная. После нее есть захотела еще сильнее. Прижала колени к груди и постаралась переключиться. Мысли о еде не принесут ни сытости, ни спокойствия. С удивлением осознала, что вспоминаю Трису. Этот страж отнесся ко мне с пониманием, в этом все дело, — успокоила сама себя. А вот с чего Эрх так взъелся — вопрос. Думаю, у него что-то личное связано с Острожьем. Что-то, что он и перенес на меня. Но все равно, это ведь мужчина, не должен он был на незнакомую девушку выливать всю эту грязь, что бы там ни было!

От сидения на полу замерзла, ноги затекли. Поднялась, желая размяться. Походила. Обошла всю камеру, вода рукой по стенам. Низкий потолок не позволял вытянуть руки вверх, но и пригибаться не приходилось, собственно, и на том спасибо.

Через час или около того бессмысленных метаний снова задалась вопросом, будут ли кормить. Спустя еще пару часов сводящего с ума ожидания неизвестно чего, решила постучать в дверь. Сначала просто рукой — никакой реакции. Тогда в ход пошли ноги — снова в ответ тишина.

— Эй! Меня кто-нибудь слышит? — перестала на время колотить в дверь, прислушиваясь. Никакой реакции!

Все, что оставалось — ждать и надеяться, что про меня не забыли. Но надолго терпения не хватило, уже спустя полчаса, а может и меньше, снова стала стучать в дверь. Я так разошлась, что снова почувствовала вибрацию в районе солнечного сплетения. Сначала там, но почти сразу вибрация стала расползаться по всему телу, словно разносимая током крови. Вытянув руки перед собой, принялась рассматривать разгорающиеся все ярче линии. Нет, теперь их никак нельзя было спутать с кровеносными сосудами. Больше всего они напоминали корни деревьев, оплетая мои руки по кругу. Не только руки. Ноги, грудь, живот — все было заплетено тонкими переплетающимися прожилками.

Вытянула ладони перед собой, распрямила пальцы, представила, что циниш перетекает в самый кончик каждого, к ногтю. Почти без удивления стала наблюдать, как медленно, неторопливо загораются золотом ногти. Войдя в раж, представила огонек на кончике каждого. Неспешно, словно нехотя, каждый мой ноготь стал напоминать маленький факел.

Подвигала ладонями, приближая к себе, отдаляя... Помахала, огоньки держались крепко, не срываясь вниз, на сырой земляной пол. Резко сжала ладони, глубоко вонзая ногти под кожу, а после расправила, держа раскрытыми перед собой. На моих ладонях плясало послушное пламя...

Сосредоточенная на новом для меня занятии едва не пропустила появление стражника. Хмурый молодой мужчина со скрипом отворил дверь, внося внутрь небольшую плоскую тарелку с серым варевом. В другой руке у него был кувшин с водой. Оставил и то, и другое, бросил взгляд на поганое ведро, пока пустое и молча вышел.

Только сейчас обратила внимание, насколько в камере стало темно. Посмотрела на крохотное окошко под потолком — так и есть, уже почти ночь.

Серое варево, видимо, каша. Немного воды пришлось потратить на то, чтобы помыть руки, ну хоть слегка. Столовых приборов мне не принесли, есть неаппетитную субстанцию предстоит руками. Стараясь не морщиться ни от запаха, ни от вкуса, стала зачерпывать по небольшой щепоти холодной слизкой каши и отправлять в рот. На вкус было... съедобно, ну, если с натяжкой. Съела все, даже миску выскребла, если кормить меня станут лишь раз в день, разбрасываться калориями точно не стоит. Запила ужин водой и снова принялась за упражнения.

Самый большой страх — не справиться с пламенем. Боюсь, спасти меня не успеют. Да и сомневаюсь, что кто-то станет пытаться. Но огонь на ладони не обжигал, казался мягким, обволакивающим, родным. Словно часть меня, хотя, по сути, он и был частью меня. К середине ночи пламя оторвалось от ладони, упав на земляной пол. Стоило мне приказать ему погаснуть — это тут же произошло. Удобно, ничего не скажешь.

Ночью в камере стало гораздо холоднее. Окошко, пусть и маленькое, вполне пропускало посвежевший воздух внутрь. Рискнула разместить огненный шарик посреди небольшой комнаты, сама села рядом, протягивая к нему руки. Шарик грел совсем слабо. Тогда сосредоточилась и мысленно приказала ему стать жарче. Огонь тут же вспыхнул ярче, оставаясь тем же шариком, изменился лишь цвет. Жар тоже стал ощутимее. Теперь я согрелась и наконец-то перестала дрожать.

Во время тренировок я довольно часто проверяла, насколько поблекнут линии у меня на руках и как скоро это случится. Но даже теперь ничего подобного не произошло. Они словно даже стали ярче!

Рассматривая причудливый рисунок, стала проводить вдоль ярких линий пальцем, с удивлением замечая, что рисунок следует за моим касанием. То есть стоило мне сместиться с горячей под кожей линии, как она тут же перемещалась вслед за прикосновением. Ощущала я при этом легкую щекотку и ничего больше.

Очень хотелось лечь, но грязный сырой пол не привлекал в этом смысле, а про тюфяк и вовсе молчу. Тогда я решила и вовсе на авантюру. Если бы не позднее время и серьезная усталость, даже не знаю, стала бы я так рисковать. В общем, я увеличила огонек до размеров моего тела, приказав ему при этом почти полностью утратить жар, оставить лишь самую малость. С небольшим опасением улеглась в мягкое пламя, приятно обволакивающее меня всю, даря ощущение невероятного тепла и заботы. Немного опасалась потерять контроль, но обволакивающее тепло довольно скоро заставило меня расслабиться и уснуть.

Проснулась от ощущения давящего взгляда. Открыла глаза — передо мной возвышался хали Трис. Мужчина выглядел недовольным по непонятным пока для меня причинам.

— Хали Трис, — села, только сейчас вспоминая свои вчерашние эксперименты. К слову, пламя так никуда и не делось, я спала на нем весь остаток ночи.

Мысленно приказала огню погаснуть, что тут же и произошло. Сразу стало холодно и неуютно, словно выбралась из-под одеяла в холодное утро.

— Иттани Ораш, — кивнул страж, — если я не ошибаюсь, вчера вы довольно убедительно заявляли, что не обучены владению и управлению первородным духом.

— Не обучена, — подтвердила и сегодня. Тяжело поднялась, чувствуя, что тело ломит, а голова тяжелая. — Хотите верьте, хотите нет, а сегодня у меня был первый опыт взаимодействия с циниш.

— Шакти, — поправил мужчина. — Циниш — лишь жидкость, она есть у многих, и лишь избранные Великой Матерью способны преобразовать ее в шакти.

— Что такое «шакти»? — нахмурилась. — Энергия? Огонь?

— Шакти — это состояние, иттани Ораш, в котором альшар способен управлять потоками вокруг него. Именно управление шакти позволяет нашим баракарам передвигаться в пучинах амутов. Именно шакти позволяет зажигать осветительные шары в наших домах, благодаря шакти добывают руду из подземных шахт... примеров множество. Странно, что вы продолжаете делать вид, что не осведомлены об этом.

— Ясно, — кивнула, хотя на самом деле не слишком поняла. Насчет неосведомленности и вовсе не стала комментировать, но вот прояснить кое-что все же решила. — В Жажжене у девушек скачивали циниш. То есть эту жидкость после можно использовать, верно? Тот, кто умеет преобразовывать ее в шакти, может использовать и чужую циниш? Это так?

Страж долго не отвечал, рассматривая меня с любопытством.

— Не совсем, но в целом верно, — все же уронил он. — Эфет Даорсах уже ожидает вас, иттани Ораш. Стоит поторопиться. Эфета никак нельзя назвать терпеливым хали.

— Эрх... он сообщил о нападении?

— Нет, и не станет! — резко ответил хали Трис.

Он ответил так уверенно, вскинулась, оценивающе глядя на мужчину.

— Что меня ждет? Какое решение примет эфет? — как бы ни храбрилась, а волновалась я знатно.

— Он наложит внушительный штраф, а до его полной выплаты вас ограничат в передвижениях.

— Как же я выплачу штраф, сидя взаперти? — по-моему, возмущение вполне справедливо.

— В таких случаях распродается имущество должника, — спокойно пояснил мужчина.

— Но у меня ничего нет, — совсем сникла. — Дом... только обрела и снова потеряю.

— Стоимость вашего дома намного, намного ниже предполагаемого штрафа, иттани, — констатировал страж. — Идемте, нам уже пора, — поторопил он.

— Минутку, — попросила, желая умыться и все же воспользоваться поганым ведром. — Вы не могли бы выйти ненадолго? Мне нужно несколько пар... Привести себя в порядок. Пожалуйста, — добавила, жалобно глядя на стража.

— Жду вас за дверью, — все же кивнул он, поворачиваясь спиной. Шаг — и он уже за пределами тесной каморки.

Эти несколько минут наедине с собой были нужны еще и для того, чтобы немного упорядочить мысли. Вчера мне казалось, что хали Трис словно на моей стороне? Но не выдаю ли я желаемое за действительное? Сегодня я в этом уже не уверена. Тряхнула головой. Ладно, следует поторопиться. Умылась, насколько это возможно в предложенных условиях, воспользовалась униженным местом, пригладила волосы, и сама

стукнула в дверь. Та ту же распахнулась, едва не ударив меня по носу.

Хали Трис этого словно и не заметил. Окинул меня беглым взглядом, посторонился, давая пройти. Здесь, в коридоре, страж был не один. У стены, со скучающим видом, привалился вчерашний стражник, молча принесший мне ужин. Он и сейчас не выглядел заинтересованным происходящим. Просто очередной рабочий день, просто очередная заключенная, которую ведут к эфету.

У меня же с каждым шагом все сильнее колотилось сердце, все сильнее ощущалась вибрация в груди, волнение нарастало, справиться с ним я была не в силах. Неизвестность всегда пугает. Да, я боялась и не стыжусь этого признать. Трис, словно заметив мое состояние, шагнул ближе и, не глядя, сжал мою ладонь. Просто сжал ладонь, но мне отчего-то стало легче, страх, конечно, не ушел полностью, но ощущение, что я совершенно одна отступило. Не решилась даже благодарно посмотреть на мужчину, просто продолжая шагать дальше по коридору.

Стоило впереди показаться выходу, Трис меня отпустил. Так же незаметно, как и брал за руку. Сразу почувствовала холод и одиночество, в тот миг стало неудобно и зябко. Передернула плечами, прогоняя непрошенное чувство. Я сильная, я справлюсь! Со всем справлюсь, чтобы меня ни ждало!

Эфет Даорсах — грузный мужчина в годах, со скучающим видом. Ждал он нас в кабинете на втором этаже. Трис вошел вместе со мной, молодой стражник остался подпирать дверь снаружи.

Огляделась. Кабинет явно рабочий. Об этом свидетельствует и массивный стол, занимающий едва ли не половину пространства, и куча бумаг повсюду. Сам эфет, когда мы вошли что-то торопливо писал. Ненадолго оторвался от бумаг, поднял голову, сделал знак Трису заходить и снова углубился в прерванное занятие. Сесть мне не предложили, так и стояла посреди кабинета, словно провинившаяся школьница. Однако возмущаться или привлекать внимание что-то не тянуло. Мужчина передо мной, хоть и был занят и совершенно не обращал на меня внимания, все же умудрялся подавлять. Одним своим присутствием, одним своим видом. Даже не знаю, как объяснить, да только больше всего сейчас, стоя перед ним навтыяжку, мне хотелось оказаться где-нибудь подальше отсюда.

Несколько минут ожидания прошли, и эфет отложил бумаги в сторону, поднимаясь из-за стола. Массивная фигура мужчины, поначалу, пока он сидел, показавшаяся мне грузной, на самом деле оказалась просто крупной. Широкие плечи, широкая грудная клетка, массивные черты лица — все это, когда мужчина встал и выпрямился, еще и вкупе с его ростом заставляло меня чувствовать себя букашкой поблизости с ним. Даже Трис, бывший выше меня на голову казался рядом с эфетом мелковатым. Сглотнула, оборачиваясь на стража за спиной. По его лицу сложно было хоть что-то прочесть, казалось, он и вовсе не смотрит в мою сторону, разглядывая что-то на стене сбоку от себя.

— Итак, — прошелся по мне очередным взглядом эфет. — Нарушение охранных грамот, насколько мне сообщили, — сложив руки перед собой озвучил он. — Вам есть что сказать в свое оправдание?

— Есть, — робко подняла на него глаза. — Я не знала, что нарушаю закон.

— Как это? — мужчина выглядел искренне удивленным. — Не знали, что вылов морских гадов осуществляется только с разрешение управителя земель? Или не знали, что все звери в лесах Ирании принадлежат достопочтенному Альшару Парису хали Тьяру, нашему правителю? И незаконный их промысел, без разрешения местных властей карается и довольно строго?

— Не знала, — упрямо мотнула головой. — Я вообще ничего не знаю о местных законах и обычаях, — решила добавить, видя недоверчивый взгляд эфета.

— И как же так вышло, что уроженка Ирании не осведомлена о законах и обычаях своей Родины? — сложил руки на груди мужчина. — Вот тут у меня сказано, — эфет дотянулся и взял со стола голубоватый листок, — что вы родственница достопочтенного торговца, уважаемого Рамхана Арахара хали Ораш. Кем, кстати, вы ему приходитеесь? — оторвавшись от бумаги, словно промежду прочим поинтересовался он.

— Другом, — буркнула, недовольная тем, куда зашел разговор. Вот только подставить хали Ораша и не хватало для полного счастья. Интересно, что ему будет, узнай эфет об обмане с документами? Ведь хали Ораш намеренно ввел в заблуждение служащих местной администрации, сообщив им недостоверные сведения. Оформил на меня подложные документы, переписал дом. А степень предполагаемого родства мы так и не обговорили.

— Поясните, — спокойно попросил эфет. — Судя по тому, что здесь сказано, —

тряхнул бумагой, — вы с хали Орашем близкие кровники. Кто он вам? Брат? — и сам же недоверчиво махнул головой. — Отец?

— Эфет Даорсах, простите меня за отказ отвечать на ваши вопросы, но говорить о хали Ораше без его присутствия я категорически отказываюсь!

— Вот как? — вздернул бровь эфет. — Судя по вашему говору, манере держаться вы провели с бравинами не так много времени, — перевел он тему. — Сколько вы пробыли в Острожье, иттани Ораш?

— Не знаю, — хмыкнула. — Не могу ответить точно. Помню только последние несколько десятков восходов.

— Несколько десятков восходов... — нахмурился эфет. За спиной впервые услышала тихий выдох. Про Триса я и не забывала, но все это время он вел себя совершенно бесшумно, это первый раз, когда страж дал понять, что все еще в комнате. — Вы странно выражаетесь, — добавил эфет, откладывая бумагу обратно на стол. — Каждые десять восходов можно назвать декадой, а каждые десять декад периодом. Какой же период вы провели в Верхнем пределе, иттани Ораш?

— Несколько декад. Но это только тот период, что я помню.

Признаться, я не считала дни. Бывали моменты, когда и вовсе не до того было, поэтому ответить точнее не могла бы при всем желании.

— И что это значит? Чего же вы не помните? — эфет нахмурился еще сильнее.

— Несколько декад назад, эфет Даорсах, я пришла в себя в лагере, что носит название Жахжена. Участь моя была незавидна, — опустила глаза, вспоминая те первые дни. — По обрывкам разговоров я смогла понять, что сопротивлялась с момента попадания в лагерь, не подчинялась, пыталась убежать. Аравий, управляющий, перестарался, выкачивая из меня циниш, вследствие чего я едва не отправилась к Великой Матери. Меня выходила одна девушка, хотя никто уже не верил, что я очнусь. Однако это произошло. Очнувшись, я не помнила ничего ни о себе, ни о месте, где нахожусь. Ни даже о месте, где родилась или же о своих родных. Моя жизнь словно началась заново, эфет Даорсах.

— Трис? — бросил взгляд на стража эфет.

— Не лжет, — коротко ответил тот. Обернулась, удивленная.

— Вы знаете, когда человек лжет? — не удержалась от вопроса.

— Могу распознать явную ложь, — кивнул страж. — Ваш рассказ хоть и звучит невероятно, все же, скорее всего, правдив, иттани Ораш.

— Мне незачем лгать, — пробормотала, задетая его словами.

— И как же вам удалось выбраться из Жахжены? — вернул внимание к себе эфет. — Если вы попали туда против воли, значит, ваша свобода была ограничена. Или все же нет?

— Частично. Из Жахжены не так-то просто сбежать. Мне повезло, что я встретила Орхиса. Это он меня спас.

— А Орхис это ваш шэрх, верно?

— Да.

— И как же вы заставили его вас слушаться и выполнять приказы?

— Просьбы, — поправила мягко. — Орхис — мой друг. Я освободила его, он помог выбраться из Жахжены мне.

— Удивительно, — прицокнул эфет. — А вы с любым шэрхом можете... подружиться, иттани Ораш? Или только с одним конкретным?

— Не знаю, — честно призналась в ответ. — Мне не доводилось еще близко

контактировать с другими шэрхами, поэтому мне сложно ответить на ваш вопрос.

— А если бы у вас появилась такая возможность? Рискнули бы?

— Наверное, — замялась. — Не уверена, но попробовать можно, почему нет?

— И где же ваш шэрх сейчас? — сменил тему эфет. — Мне доложили, что вы отказались отдавать его в труху, где за животным был бы присмотр и уход.

— Знаю я ваш уход, — буркнула, отворачиваясь. — Клюв завяжут, кормить-поить станут раз в несколько дней, никакой свободы. Орхис неопасен! Он подождет, пока я освобожусь и не станет в это время никому вредить, уверяю вас!

— Не уверен, что это произойдет скоро, — веско припечатал эфет. — Я о вашем освобождении, — пояснил мужчина. — Выдвинутые против вас обвинения слишком тяжелы, одним штрафом, боюсь, вы не отделаетесь, иттани Ораш. Но у вас есть шанс смягчить обвинение или даже и вовсе избавиться от наказания.

— И чего же вы от меня ждете? — нахмурилась.

— Хали Трис проводит вас в трапезную, — то ли предложил, то ли поставил перед фактом мужчина. — После мы отправимся в городскую труху. Если вы, конечно, не против, иттани Ораш, — саркастическая улыбка явно показала, что выбора у меня, по сути, нет. — По итогам посещения трухи и поговорим. Сейчас это просто не имеет смысла.

— Мне хотелось бы узнать, что меня ждет, — не двинулась с места. — Какое наказание или штраф?

— Так не терпится принять наказание? — усмехнулся эфет.

— Не терплю неопределенности, — пожала в ответ плечами.

— Нет, иттани Ораш, определенно, вы были в Острожье совсем недолго. С вашим характером долго вы там бы просто не протянули, — усмехнулся мужчина, жестом давая понять, что нам пора выметаться.

Трис привел меня в трапезную — небольшое помещение тут же, в городском управлении. За руку больше не брал, шел на шаг впереди, указывая дорогу. Здесь витали аппетитные запахи. За двумя длинными столами расположились немногочисленные служащие. Атмосфера царилла оживленная, клерки переговаривались между собой, то и дело слышался приглушенный смех. При нашем появлении все ненадолго замолчали, провожая заинтересованными взглядами.

Страж усадил меня на самый край, подальше от остальных трапезничающих. Сам сходил принес две миски с густым супом и большой кусок темного хлеба, следом за ним семенила молодая девушка, призывно на моего стража поглядывающая. Она несла кувшин с каким-то напитком и два высоких кубка.

— Что-нибудь еще желаете? — пропела девушка, и так бюст вперед выставила, что я даже испугалась, как бы спину себе не повредила бедная.

— Нет, Айлиз, больше ничего, — Трис на нее даже не посмотрел, чем девушку явно раздосадовал.

— Если подождете, — не сдавалась Айлиз, наклоняясь над столом так, что бюст едва не уложила в тарелку стража, — скоро будет сладкое. Кухарка таакие булочки печет, отказаться просто невозможно, — неимоверно растягивая гласные, сообщила соблазнительница.

— Учту, — хмуро кивнул Трис, подвигая ко мне вторую тарелку и наливая в кубок ярко-желтый напиток.

Девушка бросила на меня недовольный взгляд, выпрямляясь, помялась немного, видимо, размышляя, что бы еще предложить стражу, но все же ушла. Крайне недовольная, это читалось в слишком нервной дерганой походке и поджатых губах.

— Ешь, — распорядился Трис, тоже принимаясь за еду.

Запуталась. То он ко мне на «вы» и с уважением, то на «ты» и как с собакой. Мотнула головой, отгоняя недовольство. Первым делом выпила напиток. Еще теплый, чуть сладковатый, но с кислинкой — что-то вроде компота. Очень вкусный, на самом деле. Сразу стала чувствовать себя бодрее.

— Он из воршиков, — пояснил страж.

Промолчала, принимаясь за суп. Мясной, вкусный. Мне еще и ложку дали. Трис разломил хлеб пополам, одну половину передавая мне. Сама от себя не ожидала той жадности, с которой откушу темную выпечку. Откуда такой голод? Прямо зверский! Съела весь предложенный хлеб, быстренько выхлебала суп даже скорее стража и с сожалением отодвинула от себя пустую посуду.

— Спасибо, — поблагодарила стража. — Почему ты со мной возишься?

Решила тоже перейти на «ты». Ни к чему сейчас лишний официоз.

— По заданию эфета, — равнодушно пожал плечами мужчина.

Взгляд стража не говорил, он кричал о том, что тот лжет. Даже дополнительных умений не понадобилось, чтобы догадаться. Нахмурилась, размышляя. Что-то я не очень понимаю, что Трису скрывать? Какую выгоду он может получить от возни со мной? На мой взгляд, только время потеряет, да и все.

Сразу после еды вышли из городского управления. У входа уже ждала кибитка, запряженная двумя крэками. Еще двое стражей ожидали верхом. Эфета пришлось немного

подождать, минут пять, не больше. Я еще даже заскучать не успела. Сидела в кибитке, разглядывала окрестности.

Стоило эфету появиться, Трис забрался ко мне, садясь рядом. Эфет устроился напротив. Кибитка тронулась. Управлял крэками страж, запрыгнувший на шею одного из ездовых «жирафов».

В дороге все больше молчали. Разве что эфет и Трис перекинулись парой слов про какой-то ночной рейд. Если честно, я ничего не поняла, уточнять, конечно же, не стала. Отвлеклась на то, что с интересом рассматривала город. Мы проехали его насквозь, выехав со стороны, противоположной той, где дом хали Ораша... мой дом. Миновали небольшой порт и почти сразу я поняла, куда мы направляемся, где конечная точка маршрута. Впереди, в небе, однако удерживаемый за лапу, махал крыльями взрослый шэрх.

Клюв его был плотно связан. Кроме цепи, прикрепленной к лапе, шэрха удерживала еще и сеть, сейчас изрядно потрепанная. Издалека, с перепугу на секунду мне показалось, что это Орхис, но нет, к счастью, я ошиблась. Едва дождалась, когда кибитка приблизится к невысокому строению, вытянутому за деревянным забором. Выскочила, не дожидаясь ни приглашения, ни помощи и заторопилась к шэрху.

Что меня гнало вперед? Сложно сказать. Думаю, сдружившись с Орхисом, мне стало еще более сложно смотреть на то, как мучаются эти невероятно умные создания. Фурией влетев в распахнутые ворота, приблизилась к удерживающим шэрха мужчинам. В руках обеих заметила зипуны. Притормозила, размышляя, как себя вести. Мужчины, разгоряченные схваткой с шэрхом, излучали отнюдь не волны позитива и добра, скорее, напротив.

— Кто это? — заметил меня один из мужчин. — Уберите сейчас же постороннюю из трухи! — рыкнул он, обращаясь к кому-то у меня за спиной. — Дева, неужели ты не видишь, что сейчас совершенно не до тебя!

Шэрх при моем появлении насторожился, даже перестал дергать цепь, перестал стараться вырваться. Не обращая внимания на злющего мужчину, старалась наладить зрительный контакт с птеродактилем, и мне это удалось. Крылатый зверь сощурился, моргнул медленно, озадаченно, вытянул в мою сторону длинную шею.

— Дайте мне, — не разрывая контакта с шэрхом, смело протянула руку, предлагая мужчине отдать мне цепь.

— Ты рехнулась, что ли? — не сдержался он. — Да уберите наконец эту болезную, пока шэрх окончательно не вырвался! Что мы тогда скажем хали Радлантару?

— Идемте, дева, идемте, — ко мне подскочили сразу двое молодых парнишек, схватили с двух сторон за руки, утягивая в сторону. Однако уходить в мои планы не входило. Не сейчас.

— Отпустите меня, — резко дернулась. — Я хочу помочь!

Тщетно. Никто не стал меня слушать. Парни продолжили утягивать меня в сторону, что я могла противопоставить двум крупным подросткам? Да ничего! Хотя...

Закрыла глаза, сосредотачиваясь, заставляя послушное пламя заплясать на руках, прямо на всей поверхности кожи. Вышло! А теперь нужно сделать его пожарче!

— Ай!

— Ааа!

Оба одновременно отскочили.

А я решила воспользоваться моментом и снова вернулась к мужчинам, удерживающим

цепи.

— Послушайте, — постаралась достучаться. — Я и правда хочу помочь. Просто отдайте мне цепь. Я с ним поговорю.

— С шэрхом? — выпучил глаза мужчина. — Дева, шла бы ты... пока не пострадала.

Мужчина явно сдерживался, чтобы не наговорить грубостей. Даже зауважала его за это. Но как же заставить отдать мне цепь?

— Сделай, как она хочет, — раздался властный голос от ворот.

— Эфет Даорсах? — вскинулся мужчина. — Хали Трис? Приветствую вас, — подозреваю, что склоняться, удерживая шэрха за цепь, довольно непросто, но эти двое справились.

— Отдай ей цепь, Даркер, — снова распорядился эфет.

— Но...

— Да отдай ты ее уже! — вспыхнул Трис, приближаясь к нам, на ходу доставая зипун.

Удивленно посмотрела на обычно невозмутимого стража. Что это с ним?

Даркер медленно, словно ожидая каждую минуту, что эфет передумает, размотал цепь, намотанную вокруг собственного запястья, и протянул мне. Вопросительно посмотрела на второго. Тот, после утвердительного кивка эфета, сделал то же самое. Шэрх не вырывался. Ведя его за цепь, вышла за пределы трухи, останавливаясь на пустыре.

— Спускайся, — попросила птеродактиля негромко, зная, что он и так услышит. — Тебе нечего бояться, — постаралась подбодрить я.

После паузы, во время которой птеродактиль меня внимательно разглядывал, шэрх медленно, довольно неохотно все же стал снижать высоту. И эфет, и Трис, и работники трухи все стояли неподалеку, но ко мне никто приблизиться не рискнул. Трис активировал зипун. Зыркнула на него недовольно, но мужчина только крепче сжал рукоять, навершие вызывающе засветилось. Страж готов к бою.

— Ох, что же ты наделал? — заметив кровавые стёсанные раны на лапах шэрха искренне расстроилась я.

С небольшой опаской подошла ближе и медленно, глядя птеродактилю в глаза, первым делом сняла перевязь с клюва. Шэрх тут же задрал морду к небу и издал довольно громкий крик. Потом еще один, и еще. Но каждый последующий был тише предыдущего.

Размотала сеть, в которую птеродактиль запутался, отбросила подальше.

Положила ладонь на лоб зверя, закрывая глаза. Все, что несчастный испытывал — это боль, голод и жажда. Бедный, — погладила мягкие перышки.

— Принесите ему воду и мясо! — обернулась к замершим мужчинам. Они прожигали меня удивленными взглядами. Пораженным выглядел даже Трис, а ведь он видел, что я могу найти общий язык с Орхисом. Эфет, кроме прочего, выглядел еще и жутко довольным. А вот лица остальных даже описать не берусь — такая смесь неподдельного удивления, неверия, замешанного на восхищении и чем-то еще. Гремучая смесь, — хмыкнула, веселясь. — Хали Трис, шэрх голоден и испытывает жажду, — обратилась напрямую к стражу. — Нужно его накормить и напоить.

— Принесите воду и мясо, — продублировал мое распоряжение страж, переводя взгляд на работников трухи.

Трису послушали тут же. Двое парнишек метнулись обратно к воротам, а уже спустя минут пять волокли требуемое. Я же это время потратила на то, чтобы успокоить испуганное животное. Первым делом размотала цепи, обвивающие лапы, отбросила тяжелые оковы

подальше. Шкура птеродактиля во многих местах была повреждена значительно, стёсана до мяса.

— Бедненький, — погладила притихшего шэрха по морде. — Больно?

Мне пришлось самой поднести кадки с водой и мясом поближе, потому что никого из работников трухи шэрх не подпустил. Стоило парням попытаться приблизиться, зверь тут же перестал быть расслабленным. Расставил широко лапы, раскинул крылья, раззявил пасть, явно демонстрируя готовность атаковать.

Все, кто держал зипуны, тут же их вскинули, готовясь защищаться.

— Да хватит вам! — не выдержав, подняла руки вверх. — Ну что вы как малые дети, честное слово? Не видите, что ли, он просто напуган, ему больно. Уберите свои палки, никого он не тронет!

Подтащила тяжеленные кадки ближе, с умилением глядя, как шэрх стал жадно пить. Утолив жажду, птеродактиль принялся за мясо. Что поразило, первый кусок зверь протянул мне. Я точно знаю, что он невероятно голоден, но все же шэрх, которого местные считают неразумным, первый кусок кровоточащего мяса, словно в благодарность за помощь, протянул мне.

— Я заведу его внутрь, но прошу вас, не нужно цепей! Не станет он нападать, даю слово!

— Он сам вам об этом сообщил? — с насмешкой поинтересовался Даркер. К слову, он единственный, кто так и не убрал зипун, продолжая угрожающе наставлять его на шэрха.

— Именно так, — кивнула уверенно. — У него есть имя?

— Имя у шэрха? — расхохотался Даркер. — Как это? Зачем оно ему?

— У вас проблемы с восприятием речи? — не слишком любезно поинтересовалась я. — Вам ведь имя пригодилось, а насчет того, кому оно более нужно, можно поспорить. Как и насчет того, кто из вас более разумен, — это уже пробормотала себе под нос. — Как к тебе обращаться? — погладила утолившего голод шэрха между глаз. — Зверь издал тихий клекот. — Давай я буду предлагать имена, а ты, если какое-то понравится, дай знать, хорошо? — Птеродактиль медленно моргнул, не сводя с меня внимательного взгляда. — Лакрис, Шэр, Хали, Хорн, Джоел? — принялась выдумывать я. — Не нравится? Может, тогда Малыш? Дружок? Васька? Тоже нет? Хран?

Последовавший следом кивок стал для меня неожиданностью.

— Значит, Хран? — и снова утвердительный кивок. — Отлично. Тебе идет. Хран, пообещай мне вести себя хорошо, ладно? Я понимаю, что твои отношения с этими двуногими не слишком-то задались, но если ты нападешь, тебе снова свяжут клюв, да и цепи наверняка вернутся, — с сожалением пожала плечами. — Мы договорились? — и снова шэрх медленно моргнул, явно выражая свое согласие. — Тогда идем внутрь, хорошо?

Птеродактиль послушно последовал за мной. Не торопясь, прошли мимо ошарашенных мужчин, вошли в ворота, такие широкие, что Хран легко попал внутрь двора. Сейчас у меня была возможность осмотреться. Труха представляла собой длинное здание без крыши и одной стены, разделенное на четыре части перегородками. Загон для шэрхов — догадалась я. В пользу этой версии говорили и цепи, закрепленные внутри.

Хран наотрез отказался входить в загон, демонстративно укладываясь перед зданием.

— Он не хочет внутрь, — озвучила очевидное, оборачиваясь к мужчинам.

— Должен зайти, — не слишком любезно выпалил Даркер, приближаясь, держа зипун наготове. — И вы должны надеть на него цепи и адланрак.

— Нет! Вы ведь прекрасно видите, что Хран не опасен. Для чего цепи и намордник?

— Сейчас он выглядит спокойным, но что придет ему в голову через десяток пар никто не знает!

— Да просто обращайтесь с ним достойно, вот и весь секрет!

Мы сверлили друг друга злыми упрямыми взглядами, пока ближе не подошли Трис и эфет Даорсах.

— Да уж, иттани Ораш, признаться, я поражен, — выдал довольный эфет, с небольшой опаской оглядывая шэрха. — Он же слушает вас, словно ручной!

— Хран, он выбрал имя Хран, — буркнула я.

— Да-да, я слышал, — еще шире разулыбался эфет. — Что же, иттани Ораш, думаю, мы сможем договориться насчет вашего нарушения, — едва не потирал руки мужчина.

— Хотите, чтобы я работала в трухе? — предположила самое очевидное.

— Ну что вы, иттани? Тут и без вас сильных альшаров хватает. Нет, для вас у меня

другое предложение.

— Скажите ему, — кивнула на Даркера, — чтобы не надевал цепи на Храна. Ни цепи, ни адланрак.

— Боюсь, стоит вам отойти, и шэрх станет опасен, — развел руками эфет. — Один плевок кишечным соком — и все, быстрая, мучительная смерть, от которой не спастись.

— У Храна не будет причин нападать, если с ним станут обращаться достойно! — стояла я на своем. — Да хотя бы попробуйте!

— Ну-ну, не стоит горячиться, иттани Ораш. А где, кстати, ваш шэрх? Мне вот доложили, что у вас имеется свой, личный... питомец.

— Улетел, — буркнула, отворачиваясь.

— Вот если бы ваш шэрх вернулся, — протянул эфет, — и пожил в трухе, присматривая за... Храмом, тогда я бы рискнул не надевать на зверя цепи.

— То есть моему шэрху вы доверяете? — прищурилась, ища подвох.

— Ну вы же за него поручитесь, верно?

— Поручусь, — кивнула настороженно. Помолчала, обдумывая следующую фразу. — Мне нужно ваше слово.

— Не понял.

— Ваше слово, что вы гарантируете Орхису свободу передвижения. Это мой шэрх, он не опасен, вы не станете удерживать его насильно ни при каких обстоятельствах.

— Я гарантирую, что ваш шэрх будет неприкосновенен до тех пор, пока не будет проявлять агрессию, — громко подтвердил эфет. — Только... как же он узнает, где вы?

Это был крючок, приманка, но догадалась об этом я только позвав Орхиса. Мысленно закричала, призывая шэрха. Почти сразу он откликнулся. Я была услышана, это точно.

Не прошло и пяти минут, как в небе появился мой друг. Орхис летел торопливо, завидев меня издал громкий крик. Крик, от которого Хран весь съежился и даже отполз подальше, прижав шею к земле.

Орхис опустился на землю, сверля окружающих диким взглядом. Больше всех досталось, как ни странно, Храму. На него друг угрожающе зашипел, чем вынудил отползти еще дальше. Крылья Орхис пока не складывал. Вся его поза выдавала напряжение, испытываемое шэрхом. Едва опустившись на землю и осмотревшись, птеродактиль потянулся ко мне клювом, потерся боком морды о плечо, словно приветствуя. Все это время друг продолжал сверлить настороженным взглядом Храна и замерших поблизости мужчин. На Даркера, все еще щетинящегося зипуном, Орхис и вовсе рыкнул, но не слишком громко, как-то без огонька.

— Все в порядке, — ступила вплотную, поглаживая мягкие перышка. — Я соскучилась, — сообщила немного расслабившемуся другу.

Орхис наклонился пониже, подставляя для ласки больше места. Не удержавшись, сгруппировалась. Прямо на виду у всех поцеловала друга в местечко между глаз, как раз то, самое чувствительное. Орхис успел зажмуриться, оказавшись умнее меня, но в момент поцелуя в этот раз у меня на всем теле вспыхнули золотые линии. Так ярко, что их стало видно даже сквозь одежду.

— Даже так? — услышала бормотание эфета.

Трис выдохнул сквозь зубы. Обернулась. Что? Оба смотрели на меня... жадно. Но каждый по-своему. Нахмурилась, переводя вопросительный взгляд с одного на другого. Краем глаза зацепила Даркера. Он тоже выглядел чуток пришибленным, даже зипун немного

опустил, но в целом поза мужчины выражала явную готовность то ли нападать, то ли защищаться.

— Орхис, ты не мог бы пожить здесь какое-то время? — попросила друга негромко. — За Храном присмотришь, — кивнула на второго шэрха. Орхис при упоминании сородича издал громкий протестующий клекот и забил крыльями, поднимая тучу пыли. — Эй, ты что, ревнуешь? — рассмеялась. — Ну перестань! — потерлась лбом о лоб друга, едва ли не насильно притягивая его ближе. — Я тебя люблю, Орхис! — заявила совершенно серьезно, передавая другу чувства, что испытывала к нему. — Тебя мне никто не сможет заменить!

Минутку или чуть меньше позволила себе понежничать с другом, после отпуская. Орхис шагнул к сородичу, так и не поднявшему головы, клекотнул что-то негромко, но тот сразу подскочил. Снова тихий, едва слышный звук — и вот уже Хран споро направляется в загон. Ложится там на землю, с опаской поглядывая на нас.

— Ух ты! — восхищенно ахнула. — Да ты прирожденный воспитатель! Почему он тебя боится, Орхис?

— Потому что ваш шэрх — серсит, иттани Ораш, — мне ответил эфет. — Серситы — что-то вроде альшаров у людей. Они намного сильнее, выносливее, вырастают более крупных размеров. Раньше я думал, что общение серсита с альшаром — миф, так как подтверждений этому не было уже много оборотов, однако ж... Хран боится вашего шэрха и вполне оправданно, должен признать, — закончил он поучительную речь.

— Спасибо за разъяснения, — кивнула эфету. — Раз Орхис останется здесь, значит его должны кормить, — решила обговорить условия.

— Разумеется, — кивнул мужчина. — Об этом можете не переживать.

— Как часто? Кормление раз в несколько восходов — слишком редко. Орхис с удовольствием ест каждый день. А вода и вообще все время должна быть в свободном доступе. У обоих шэрхов, — добавила, чуть подумав.

— Хали Даркер, — обернулся к работнику трухи эфет, — вы слышали пожелания иттани.

— А кто мне гарантирует, что они, — кивок на птеродактилей, — не навредят никому, стоит иттани уйти?

— О! Я доросла до иттани? — усмехнулась, глядя на Даркера. — Я вам гарантирую, хали Даркер. Алисана Ораш, — протянула мужчине руку для пожатия. — Иттани Алисана Ораш.

Руку Даркер взял, но скорее от неожиданности. Такого жеста приветствия у местных я еще не встречала, ожидаемо мужчина растерялся. Сама пожала его ладонь, показывая пример.

— Меня так учили заключать соглашения, скреплять их рукопожатием, — пояснила свое поведение. — Еще такой жест уместен при знакомстве, — намекнула, что мужчине тоже неплохо бы представиться.

— Аоран Диттер хали Даркер, — кивнул мужчина. — Это моя труха, — сообщил он. — И до сегодняшнего дня именно я считался сильнейшим альшаром, способным управиться с любым шэрхом.

— Уверена, так оно и осталось, — решила немного польстить недоброжелательно настроенному мужчине. — Но не все можно решить грубой силой, хали Даркер. Сегодня вы в этом убедились.

Трису мое общение с Даркером не пришлось по душе, как и Орхису, кстати. Оба

заволновались, Орхис даже заклекотал что-то недовольно.

— Не ревнуй, — снова шепнула другу. — Я на тебя рассчитываю, — кивнула на Храпа, совершенно слившегося с загоном. Шэрха словно и не было внутри, так тихо и спокойно он себя вел.

— Если здесь все, — прервал эфет наше общение, — идемте, иттани Ораш, у меня к вам серьезный разговор.

Бросила последний взгляд на Орхиса, так же тоскливо поглядывающего на меня. Друг не выдержал, наклонил голову, толкаясь лбом, прижимаясь, прося ласки. У меня слезы на глаза навернулись.

— Я скучала, — прошептала, целуя твердый клюв. Не знаю, чувствует ли он прикосновения в этом месте, мне захотелось.

Орхис вдруг резко вскинул крылья, одновременно с тем цепляя меня за одежду, закинул себе на спину и резко взлетел.

— Ну что ты творишь? — от неожиданности сначала растерялась, хватаясь покрепче, но почти сразу настроение пошло вверх.

Бросила взгляд вниз, на оставшихся мужчин. Махнула им, давая понять, что переживать не о чем. От ветра в лицо, от ощущения свободы, полета рассмеялась. Громко, счастливо. Спасибо тебе, неизвестная Богиня, за то, что делаешь для меня! Спасибо, что не бросила! Не самая моя горячая благодарность за обретенного друга!

Орхис сделал широкий круг над островом и вернулся к трухе. Эфет и Трис передислоцировались, теперь мужчины с удобством расположились под навесом за широким деревянным столом. Перед ними стояло блюдо с жареным мясом, аромат разносился далеко. Ошибиться было невозможно. Даркер же так и сторожил Храна.

Шэрх, собственно, и клюва не высовывал из-под навеса, разве что крыльями морду не закрыл, а так вся его поза явно выражала смирение и готовность подчиняться. Но Даркера даже это не успокоило, мужчина так и стоял, выставив вперед готовый к атаке зипун. Парнишки-служачие суетились неподалеку. Один выметал немаленький двор трухи, другой ведрами носил воду в две большие деревянные кадки.

Орхис опустил прямо посреди двора, важно прошествовал к навесу, где обедали эфет со стражем и только там, прямо перед мужчинами, демонстративно медленно выстелил для меня крыло, по которому я и спустилась вниз. Клекотнул что-то в сторону оторопевших мужчин, даже переставших есть, нагло зацепил с блюда самый крупный кусок жареного мяса и только после этого важно удалился в сторону загонов.

Не могла сдержать улыбки, глядя вслед другу.

— Я боялся, что рассказы о вас, иттани, преувеличены, — заявил эфет, тяжело поднимаясь ввиду довольно грузной фигуры, подал мне руку, провожая на место рядом с собой. — Однако, вынужден признать, они преуменьшены и не передают и малой толики того, что мне довелось сегодня увидеть.

Трис уже сделал знак парнишкам, чтобы те принесли еще один прибор. Не прошло и нескольких минут, как передо мной стояла глубокая миска с воршиками, кубок с ярко-желтым напитком и большой кусок темного хлеба. Миску с мясом тоже придвинули ближе ко мне, чтобы проще было дотянуться.

— Спасибо, — поблагодарила настороженно. Напиток выпила залпом, пить хотела уже давно, а вот к еде пока не притрагивалась. — Я бы хотела, эфет Даорсах, чтобы вы объяснили, что происходит. Для чего я здесь и что вам от меня нужно?

Руки сложила на коленях, чтобы не выдать волнения подрагивающими пальцами. На мужчин старалась смотреть ровно, уверенно. Полет с Орхисом немного успокоил, напомнил, что мы всегда можем снова сорваться с места, покинуть недружелюбное поселение,

только... не хочется. В Горло мне понравилось, уже обжилась, завела знакомства. Не хочу сбегать, если есть хоть малейший шанс наладить жизнь здесь.

— Это правда, что вы не помните своего прошлого? — пытливо глядя на меня, спросил эфет. — Не помните родных, не помните детства?

— Правда, — не вижу смысла скрывать. Тем более моя неосведомленность буквально во всем и так видна невооруженным глазом.

— Занятно, — чуть откинулся мужчина, постукивая пальцами по столу. — Признаться, я впервые слышу о такой напасти. Что же, иттани Ораш, раз вы не знаете, кто ваши родные, то до тех пор, пока не вспомните их или пока они не найдутся, я возьму над вами опеку. Записи в документах исправим...

— Нет! — невежливо перебила я. — Пока не вспомню родных или пока они меня не найдут, у меня уже есть имя и опекун — это Рамхан Арахар хали Ораш. Он сейчас по торговым делам в Фарлее. Но это ничего не меняет, уважаемый эфет. Другого опекуна мне не нужно!

Мой ответ эфету не понравился, очень не понравился. Мужчина сжал губы, бросил короткий взгляд на молчащего весь разговор Триса, цокнул.

— Что ж, иттани, а вы не забыли о том, что нарушили закон и должны теперь нести ответственность?

— Не забыла, — коротко мотнула головой.

— И как же вы собираетесь выплачивать штраф самостоятельно?

— Знаете, уважаемый эфет Даорсах, а ведь меня обвинили неправомерно!

— Что? — удивился мужчина. Даже глаза выпучил. — Хотите сказать, что не нарушали закон?

— Нет, не нарушала. Я не охотилась и не вела промысел рыбы, меня даже рядом в момент нарушения не было! Да, допускаю, что нарушение имело место, только совершил его не гражданин и не подданный Ирании, совершил его дикий зверь, лишенный разумности — шэрх.

Эфет даже рассмеялся от того, как я повернула их отношение к шэрхам в свою пользу.

— Но вы же, милая иттани, утверждаете, что шэрхи разумны и способны понимать людей, разве нет?

Промолчала, размышляя.

— Еще раз повторю, что я закон не нарушала, так что и обвинять меня не в чем!

— А вы не так просты, иттани Ораш, как кажется на первый взгляд. Что ж, раз от опеки вы отказываетесь, возможно согласитесь на союз? Моя спутница уже три оборота как отправилась к Великой Богине, дети у меня есть, но они взрослые, а я бы не отказался от детского смеха в доме...

По мере того, как говорил эфет, у меня холодело в груди. Он что же, намекает на союз с ним? Да ни за что!

Внимание невольно привлек Трис. Страж так сильно сжал край массивного деревянного стола, что тот не выдержал и отломился, осыпаясь неровными щепками. От резкого звука эфет замолчал. Трис же, словно не замечая произведенного эффекта, отряхнул руки и поднялся.

— Эфет Даорсах, срок моей службы почти вышел, — веско заявил он. — Но даже несмотря на то, что я все еще должен подчиняться, я не позволю вам так поступить с иттани. Я сообщил, что моя шакти признала первородный дух иттани, и вы знаете, что это значит! —

грохну он.

— А как же Льятиша, Ксантр? — фамильярно обратился к Трису эфет, используя первое имя.

— Союз с ней — просто договоренность, и вам это прекрасно известно!

— Не уверен, что это известно ей самой, — эфет зло прищурился, сжал губы. — Ксантр, не пори горячку, — примирительно заявил Даорсах после долгой паузы и дуэли взглядов. — Тебе скоро предстоит поход в Луижирок, повидеешься там с Льятишей, подумаешь...

Переводила недоуменный взгляд с одного на другого, не понимая полностью смысла их разговора и почему это нужно обсуждать прямо сейчас.

— Иттани Ораш, — повернулся ко мне Трис. — Я выплачу любой штраф, который решит наложить эфет Даорсах, вам не о чем переживать, — вдруг выпалил он.

— Я ничего не нарушала, — стояла на своем. — Наказывать, налагая штраф, меня не за что. Но...почему? — вдруг смутилась под пристальным взглядом стража. — Зачем это вам, хали Трис?

— Ксантр, — кивнул он. — Можете называть меня Ксантр.

— Замолчи, Ксантр! — вдруг грохнул эфет по столу. — Пока ты подчиняешься мне, ты не волен распоряжаться своим временем и ресурсами! И не можешь заключать никаких договоров и уж тем более союзов! Видимо, ты так и не повзрослел, — со злостью выпалил эфет, но страж на него даже не взглянул, все внимание мужчины было сосредоточено на мне.

— Иттани Ораш, в моих планах нет и не будет принуждать вас к чему-либо, — серьезно заявил он, игнорируя эфета. — Хочу лишь, чтобы вы знали, что смогу о вас позаботиться. На некоторое время еще я связан обязательствами с эфетом Даорсах и вынужден подчиняться. Расторгнуть эти обязательства, к сожалению, не в моих силах. Но вы все равно можете на меня рассчитывать, просто знайте об этом.

— Спасибо, — кивнула, обдумывая его слова.

— Так, ладно, — эфет привлек внимание очередным резким хлопком. — Горло не станет предъявлять иттани требований, ее вины в нарушении и правда нет, — от неожиданного заявления у меня брови на лоб полезли. — Так что можешь спокойно оканчивать службу, — повернулся к Трису эфет. — Тем более твоей группе вскоре предстоит поход в Луижирок. Тебе стоит сосредоточиться именно на этом. А о милой иттани я позабочусь, Ксантр, даю слово.

Мне совершенно не понравилось, что обо мне непременно кто-то должен заботиться. Но так как разговор ушел от непомерных штрафов и наказания решила пока не спорить. Пусть заботятся. В конце концов, что мне жалко, что ли? — пожалала мысленно плечами, гадая во что только подобная забота может для меня вылиться.

— Эфет Даорсах, хали Трис, — обратилась сразу к двум мужчинам. — Мне приятно, что вы оба готовы принять участие в моей судьбе, однако напоминаю, что у меня уже есть официальный опекун — хали Ораш. Он вот-вот должен вернуться из Фарлея и, думаю, будет немало удивлен моим отсутствием дома.

— Так какие же все-таки отношения связывают вас с хали Орашем? — прищурился эфет.

— Дружеские, — твердо встретила взгляд мужчины. — Я помогла ему, он помог мне. Мы с Орхисом перенесли из Острожья в Иранию груз, который требовалось переправить как можно скорее, — решила все же уточнить, видя недоверчивый, прищуренный взгляд эфета. — Корабль... баракар отчего-то не пришел вовремя, в результате чего хали Ораш оказался в затруднительном положении. А как только он узнал, что я ирашка, так и вовсе сразу предложил помощь и участие в моей судьбе. Так что, как понимаете, я ему очень благодарна. Хали Ораш — замечательный человек, я очень рада, что Великая Мать свела наши дороги.

— Однако он оставил вас одну, — протянул эфет.

— Я не беспомощна! Он предоставил мне имя, покровительство и крышу над головой — это гораздо больше того, что я рассчитывала получить за свою услугу. Эфет Даорсах, я догадываюсь, что мои способности привлекли ваше внимание... для чего? Чего вы от меня хотите? — неопределенность пугает, а в последнее время так и вовсе, так что решила выяснить все здесь и сейчас. Да и разговор зашел уже совсем не туда.

— Ну к чему же так грубо, иттани? — протянул эфет. Трис так и продолжил стоять, нависая над столом. — Садись уже, Ксантр, — напряженно кивнул ему мужчина. — Вы, несомненно, правы, иттани, в одном — ваши способности довольно выдающиеся и совершенно удивительные для Ирании. Так, говорите, смогли не просто перелететь амут, а еще и перенести груз?

— Да, это так, — коротко подтвердила, сопроводив слова кивком.

— Как вы знаете, так как были в Верхнем пределе лично, Острожье — не самое лучшее место для юных дев, — эфет начал издалека. — Так уж выходит, что, к огромному моему сожалению, некоторые ирашки оказываются на территории недружелюбных островов. Да вы и сами яркий тому пример! Пусть сейчас вы не помните, как именно попали в самый крупный лагерь Острожья, однако уверен, что недобровольно! — патетически воскликнул мужчина.

Речь эфета прервал Даркер. Мужчина наконец убедился, что ни один шэрх на территории трухи не несет угрозы, погасил свой зипун и сейчас решительно приближался к нам. Получив рассеянный кивок от эфета, занял место за столом, подальше от меня, на противоположной стороне, усевшись рядом с Трисом.

— К чему вы ведете, эфет Даорсах? — поторопила я.

Бросила взгляд на стража. Он совершенно не выглядел довольным. Более того, лицо

мужчины словно окаменело, взгляд застыл. Губы он крепко стиснул, руки сжал в кулаки. И только сверлил эфета сердитым взглядом.

Что такого собирается сообщить мне эфет, что вызывает подобную реакцию Триса? Невольно нахмурилась, мне отчасти передалось состояние мужчины. Или причина все же не во мне?

— Иттани Ораш, — окликнул собеседник, и я поняла, что отвлеклась слишком сильно. Моргнула, переводя взгляд на него.

— Я вас слушаю, — соврала с честным выражением лица.

— Так уж выходит, иттани Ораш, что, как я уже говорил, некоторые ирашки оказываются вольно или невольно на территории Верхнего предела и после не могут ее покинуть. Эти острова... они довольно воинственно настроены ко всем, кто пытается вернуть своих соплеменниц. Бравины ревностно относятся к женщинам, их вовсе не выпускают за пределы островов. За нарушение этого запрета наказание могут понести не только все причастные, но даже и просто вовлеченные в род люди.

— Мне все это известно, эфет Даорсах, — дождавшись паузы, сообщила я. — Хали Ораш меня просветил. Я предлагала ему перевезти в Иранию его жену, но хали Ораш отказался, мотивируя тем, что тогда пострадают его сыновья и их жены, а также их семьи.

— Все так, все так, — задумчиво постучал пальцами по столу эфет. — То есть вы были готовы вернуться на острова за неизвестной женщиной? — уточнил со странным выражением.

— Мне и так предстоит вернуться, — пожала плечами. — Ведь хали Ораша нужно перенести обратно.

Трис очевидно скрипнул зубами, забарабанил пальцами по столу. С удивлением посмотрела на него. А вот эфет, напротив, повеселел.

— Да, да, все верно. Иначе как торговец попадет обратно к своей семье? — довольно стукнул по столу Даорсах. — А что, если я попрошу вас, иттани Ораш, захватить кое-кого из Острожья на обратном пути? — прищурился он. — Речь идет и вовсе о ребенке, девочке, которой не повезло родиться в таком жутком месте, — поспешил заверить эфет. — Вместе с вами полетит... да хоть хали Даркер! Он прекрасно управляется с шэрхами, знает, откуда нужно забрать малышку, сможет защитить вас в случае чего.

Почему-то в словах эфета мне виделся подвох, только я никак не могла понять, в чем он заключается. В том, чтобы спасти ребенка от участи племенной кобылы я не видела ничего дурного. Опасно? Да, несомненно! Но, побывав в Жажжене, насмотревшись на то, как там обращаются с девушками, узнав доподлинно какая участь ждет новорожденных, я бы рискнула, чтобы спасти несчастную от подобной судьбы.

— А... родители девочки? Что с ними?

— Я все вам расскажу, не переживайте, иттани Ораш. Но для начала мне нужно ваше согласие.

— Допустим, я соглашусь, — ответила осторожно, стараясь просчитать возможные риски. — Но в таком случае мне нужны гарантии, что все обвинения с меня будут сняты. Письменные гарантии, эфет! Еще я хочу разрешение на охоту для своего шэрха. Разумеется, обещаю не злоупотреблять этим разрешением. И еще мне нужен наставник сроком, скажем, на оборот.

— Наставник? — нахмурился эфет.

— Да. По общим дисциплинам, по основам управления циниш... шакти. Так вышло, что

я забыла совершенно все, словно начала жизнь заново, эфет Даорсах. Мне нужно получить образование, хотя бы начальное.

— Думаю, хали Даркер мог бы стать таким наставником для вас, иттани, — широко улыбнулся эфет. Трис нахмурился еще сильнее, а вот Даркер выглядел сбитым с толку, но ни счастья, ни откровенной злобы на его лице не читалось. — Что скажете, хали Даркер? — повернулся эфет к мужчине.

— Почему это не может быть хали Трис? — быстро спросила, не дав Даркеру ответить. Перевела вопросительный взгляд с одного мужчины на другого в ожидании ответа.

— О, хали Трис связан обязательствами, иттани Ораш, — притворно расстроено сообщил эфет. — Как только закончится срок его службы, Трис пройдет священный обряд с замечательной девой, они сговорены уже давно.

— И что? Как это связано? Я ведь не претендую на роль его жены, — нахмурилась и правда не понимая.

— Дело в том, иттани, что только будучи связанной в храме с сильным альшаром вы сможете вернуться в Острожье и безопасно покинуть его.

— Что? — обалдела. Даже встала из-за стола от неожиданности. Орхис заметил мое взволнованное состояние, поднял голову, заклекотал что-то предостерегающе.

— Успокойтесь, иттани. Вот и шэрх ваш нервничает. Садитесь, — настойчиво предложил он. — Это ведь для вашей же безопасности, — принялся объяснять, как маленькой. — Пока вы свободны любой может заявить на вас свои права. Любой, иттани Ораш. Но стоит пройти связующий обряд в храме Великой Матери, и вы тут же станете бесполезны для любого лагеря Верхнего предела, пока ваш спутник жив.

— Почему?

— Потому что зачать вы сможете только от того, с кем связала вас Великая Мать. Как я уже сказал, хали Трис связан обязательствами...

— Договор не подписан, — уронил Трис. — Наши шакти с Льятишей не прошли слияния, я свободен!

— Ксантр, ну к чему этот спор? — по-доброму, практически по-отечески, хлопнул стража по плечу эфет. — Ты же знаешь, что Льятиша ждет тебя уже три оборота, нечестно так поступать с юной девой.

— Эфет Даорсах, ваша племянница — чудесная дева и, уверен, еще найдет того, на кого откликнется ее шакти. Я же... уже нашел.

— Остановитесь! — попросила, поднимая руку вверх. — Эфет Даорсах, хали Трис, хали Даркер, — обвела всех по очереди твердым взглядом. — Хочу донести один раз и сразу до всех — я не стану проходить обряд ни с кем из вас. Ни сейчас, ни в будущем. Спутника, мужа я найду самостоятельно и это не обсуждается! Для меня связь в храме — не пустой звук. Уверена, я еще встречу того, на кого откликнется мое сердце, но до того момента я хочу быть свободна.

— Твоя шакти уже откликнулась, — исподлобья буркнул Трис. Мои слова ему явно не пришились по душе.

— Я говорила не о шакти, хали Трис, я говорила о сердце, — для наглядности даже приложила ладонь к груди, туда, где то самое сердце колотилось часто-часто под хмурым взглядом стража.

Подготовка к полету заняла десять дней. На это время я смогла спокойно вернуться домой. Но все равно раньше, чем вернется хали Ораш, я никуда не полечу. Орхис по договору остался в трухе, что меня совсем не радовало. Однако друг мог прилететь ко мне в любое время, чувствовал он себя отлично. Шефство над другим шэрхом Орхиса явно радовало.

Узнала, что Храна оставили в трухе на неопределенное время, потому что птеродактиль вдруг стал неуправляемым, стал создавать трудности хозяину, вот его и привели в труху, где хали Даркер — сильнейший альшар Горло должен был усмирить гордого зверя.

Храна я слышала, не так, как Орхиса, но тоже вполне могла понять, что беспокоит птеродактиля. Он не распознавал моего зова на расстоянии, проверяла, но при контакте явно понимал, а главное — слушался. Ему больше не надевали на клюв адланрак, что положительно сказалось на поведении зверя. Да и постоянный доступ к воде и мясу тоже способствовал хорошему настроению Храна.

Орхис тосковал вдаль от меня, как и мне без него было... беспокойно. Старалась проводить друга ежедневно. Каждый день находила время на то, чтобы полетать вместе. Чаще всего Хран летал с нами. Шэрх держался немного позади ведущего в этой паре — Орхиса, безропотно слушался моего шэрха и вообще демонстрировал полнейшее раболепие перед ним. Это немного удивляло, но пояснения эфета немного прояснили ситуацию. Орхис — не простой шэрх, он словно на ступеньку выше, более сильный, более выносливый.

Накануне, как раз навещая Орхиса, я с удовлетворением отметила, что работники уже не шарахаются от загона с Храном, спокойно проходят мимо. Орхиса же с самого начала никто не боялся. Мой друг не выказывал агрессии, вел себя сдержанно, смотреть на него можно было только с восхищением, никак не со страхом.

Хали Ораш вернулся этой ночью. Торговец выглядел измотанным, уставшим, но несмотря на состояние, довольным.

— Иттани Алисана, — с радостью приветствовал меня мужчина, — я виноват, что так сильно задержался. Как вы тут без меня?

— Хали Ораш, я безмерно рада вас видеть! — нисколько не покривила душой, искренне радуясь приезду торговца. — Проходите, — сама взяла за широкий ремень на шее «жирафа», заводя его внутрь двора. Уезжал хали Ораш на повозке, запряженной двумя животными, а вернулся верхом на одном, — отметила про себя, но с расспросами лезть не стала. Отдохнет — сам расскажет, если захочет, конечно.

— Где же Орхис? — растерянно поинтересовался торговец, оглядываясь по сторонам, словно громадный шэрх мог спрятаться где-то.

— Он в трухе, — пояснила спокойно, привязывая крэка. Жарих как раз только накануне закончил приводить в порядок изгородь, поврежденную при визите уважаемых стражей. — Все в порядке, он там по своей воле, — улыбнулась хали Орашу. — Идемте в дом, я вас накормлю. Как прошло ваше путешествие? Удачно ли?

— Фарлей все тот же, — отмахнулся торговец. — Суета, толкотня... отвык я от такого, — признался мужчина, с удовольствием принимаясь за еду.

Изысков предложить не могла, но вот суп и жареные корнеплоды с мелкими кислыми овощами вполне. Еще хлеб, его с утра принес Жарих. Сейчас паренек уже ушел домой. Прямое мое приключение пришлось вкратце рассказать, постаравшись, чтобы Жарих не стал

чувствовать себя виноватым, ведь и он забирал мясо и рыбу домой. Надеюсь только, что не продавал на рынке, а то проблемы могут вернуться.

— Хали Ораш, как скоро вы планируете вернуться в Острожье? — задала главный вопрос, ведь от этого зависит и то, как скоро мне предстоит вновь проделать это путешествие.

— Смотрю, вы здесь неплохо устроились и без меня, иттани Алисана, — обвел преобразившийся дом довольным взглядом торговец. — Так что думаю отдохнуть восход, другой и можно возвращаться. Воршики в любой момент можно купить на рынке в Горло, — сообщил он. — Иттани Алисана, — мужчина замялся. — Я тут подумал... баракар пойдет в Острожье через декаду. Это уже точно, лично разговаривал с капитаном. Баракар будет отходить из Фарлея, я даже вполне мог вернуться на нем и не гнать крэка, но мне очень хотелось поскорее попасть в Горло, переживал, как вы тут, — смущенно признался мужчина. — Так вот, я вполне могу вернуться на острова на баракаре, иттани Алисана. За два восхода баракар, конечно же, не дойдет, но зато вы не станете рисковать своей свободой. Поручиться за вашу безопасность в случае возвращения в Острожье, боюсь, я не смогу.

— Спасибо, хали Ораш, — придвинувшись, сжала грубую мужскую ладонь. — Знаю, вы считаете, что это я вам помогла, а ведь это вы спасли меня, хали Ораш! То, что вы для меня сделали... — сглотнула непрошенные слезы. — Вы дали мне надежду. Возвратили веру в то, что не все вокруг негодяи, что людям можно доверять.

— Будет, будет, Алисана, — впервые торговец обратился ко мне без привычной приставки, как-то по-отечески, что ли. Ободряюще похлопал по ладошке, сжал ее прямо поверх своей. — Здесь, в Ирании у вас есть шанс начать свой путь сначала. Все будет хорошо, уверяю вас. Великая Мать не оставляет своих детей в беде.

— Мне все же нужно вернуться в Иранию, — с горечью сообщила я.

А после пересказала все злоключения, что произошли со мной в отсутствие доброго торговца. Ничего не стала скрывать, рассказала все, как есть. И про Жариха, и про охоту Орхиса, и про склочного соседа. Про стражей и ночевку в камере, про эфета и Триса. Хали Ораш не перебивал. Выговорившись, обессиленно замолчала.

— Эфет в любом городе стоит выше даже градоуправителя, Алисана, — после паузы принялся пояснять мужчина. — Именно эфет решает судьбы провинившихся, к нему идут со спорами и тяжбами, его слово всегда последнее. Эфет Даорсах — очень могущественный альшар. Спутница эфета, к несчастью уже ушедшая тропой предков, обретшая покой под кровом Великой Матери, была родственницей нашего уважаемого повелителя — сестрой его матери.

— Тетей повелителя, — уронила задумчиво.

— Именно так. У эфета двое сыновей, насколько мне известно, оба довольно взрослые. Но настоящая слабость эфета — его племянница, Льятиша Ракер. Дочь младшего брата, также ушедшего тропой предков. Льятиша выросла в доме эфета, он воспитал ее как собственную дочь.

— Вы так много знаете о местной жизни, а ведь сами живете в Острожье, — мягко улыбнулась хали Орашу.

— Я часто бываю в Ирании, Алисана, — вернул улыбку торговец. — Дорога на баракаре занимает не одну декаду. Чем еще заниматься посреди бескрайнего амута? Вот и общаюсь с капитаном баракара, экипажем, да другими пассажирами.

— Как вышло, что в Острожье и Ирании столько схожих понятий, но язык разный,

внешне люди отличаются, а уж про порядки и вовсе не стоит упоминать?

— Бравины — это кочевники, изгнанники, Алисана. Много-много оборотов назад острова пустовали, на них жили лишь дикие звери. Не шэрхи, нет. Они как раз появились на островах позднее. На острова стали ссылать преступивших закон, нарушивших устои и обычаи предков. Такую ссылку можно было приравнять к казни, но изгнанники смогли выжить, смогли привыкнуть к тяжелым условиям.

— Изгнанники? Все бравины — изгнанники? И женщины тоже?

— Речь идет о событиях, произошедших так давно, что нет никого, кто бы застал тот период и воочию увидел те события, Алисана. Поэтому я могу лишь пересказывать то, что услышал от своего отца, а он от своего. Лукавлю, — улыбнулся хали Ораш. — Об этих событиях рассказывают даже малькам, когда они только приходят в училищу. У нас говорят, что те, кто не знает своего прошлого, не сможет познать и будущего, — отвлекся на миг торговец. — Летописи утверждают, что и островов тех раньше не было вовсе. Однажды, множество оборотов назад, словно в один миг разверзлись небеса, прогремела молния, да такой силы, что расколола мир на множество частей. Так и появились те острова.

— А шэрхи? Они всегда жили в этом мире?

— Шэрхи пришли в наш мир со вспышкой. Сохранились довольно древние изображения, наскальные, в основном, где можно понять, какой мощи была та молния, расколовшая наш мир. Из огромной огненной воронки и пришли шэрхи.

— То есть, возможно, они попали сюда из другого мира? — выдвинула вполне очевидное предположение.

— Все возможно, Алисана. Существует теория, согласно которой у наших предков не было первородного духа, что Великая Мать подарила его своим детям, чтобы им было что противопоставить грозным противникам. Ведь шэрхи могли просто уничтожить все живое, не сумеют древние люди воспротивиться и дать отпор.

— Вы сказали, что на островах поначалу шэрхи не жили, — вспомнила я.

— Верно. Острова пустовали. Шэрхи же долгое время селились в горах на востоке от Ирании. Там есть длинная горная гряда, людей в тех краях практически нет из-за сложного климата и неплодородной почвы. Вот те места и облюбовали шэрхи по прибытии в наш мир. На острова они попали по воле человека, Алисана. Получив в дар от Великой Матери первородный дух, люди захотели подчинить себе властителей небес и им это удалось.

— Подождите, получается бравины — такие же ирашцы, но они настолько отличаются внешне...

— Во многом это обусловлено условиями жизни на островах. Там светило закатывается совсем ненадолго, очень жарко весь оборот, вот кожа местных и потемнела со временем, чтобы уберечь людей от ожогов. Речь их также претерпела изменения, но совсем уйти от привычных понятий они не смогли, отсюда и схожести.

— Но почему у них сложилось такое отношение к женщинам? — даже встала, в волнении начав ходить по небольшой кухне. — Почему они решили, что женщины ниже их по социальной лестнице, почему приравнивали женщин к бесправным вещам?

— Думаю, все дело в том, что изначально женщин на островах было крайне мало, с самого начала они были ценностью. Со временем это понятие трансформировалось, приобретя те черты, что мы имеем сейчас.

— Это просто ужасно! То, как живут женщины в Острожье немисливо! — снова стала ходить из угла в угол.

— Это так, — покивал хали Ораш, — это так. Но, боюсь, изменить что-то не в наших силах, Алисана. Долгое время Верхний предел развивался самостоятельно. Весь вклад Ирании заключался в том, чтобы отправлять на острова все новых изгнанников. Все изменилось, когда более ста оборотов назад у берегов Эришата потерпел крушение крупный баракар. Несколько оборотов никто не ведал судьбы пливших на нем. Спустя долгое время местные узнали, что почти всем удалось спастись, их спасли бравины. Мужчины легко вписались, начав новую жизнь, участь дев... была незавидна. Некоторым альшарам после удалось вернуться в Иранию. Одним. Семья не могла покинуть острова. Нет, сыновья могли, а вот девы нет. Этот запрет действует до сих пор. Ни юным девам, ни пожившим бравинкам нет пути с островов. Только в амут или очистительный огонь.

— А почему они не сохранили понятия семьи? Если так дорожили своими женщинами?

— Так как в самом начале их было очень мало, могу лишь догадываться, что одна женщина вынуждена была дарить наследников нескольким бравинам. Это в некотором роде происходит и сейчас. Женщина переходит от одного мужчины к другому, ее буквально выкупают на короткое время. Дети при этом считаются собственностью мужчины. Однако сильные альшары, в основном потомки тех, кто потерпел крушение на баракаре у берегов Эришата все же просят благословения Великой Матери и создают нерушимые союзы с одаренными иттани. Таких в Острожье крайне мало, оттого обычай и не нашел отклика у простых бравин.

— А сейчас? Преступников так и высылают на острова?

— Нет. Уже много оборотов Ирания не высылает ссыльных на острова, это прекратилось еще до крушения того баракара. Теперь между нашими пределами даже наладилось общение, торговля.

— Пределами? Иранию тоже называют Пределом? — даже замерла.

— Верхним, — улыбнулся хали Ораш. — Наш мир словно разделен на две части, на Верхний и Нижний пределы. Ирания и Острожье. Ирашцы и бравины. Много оборотов мы живем в мире благодаря тому, что уважаем традиции друг друга.

— Но женщины Острожья все равно приравнены к вещи, — горько резюмировала я.

Хали Ораш только развел руками, не став комментировать очевидное.

— Алисана, могу я спросить?

— Конечно. Что вы хотите знать?

— Ты ведь лукавишь, говоря, что ничего не помнишь, я прав?

— Я не помню ничего, что связывало бы меня с Острожьем или Иранией, хали Ораш. Я не помню, кто родные Алисаны, чье имя мне назвали, как мое. Я не знаю, кто эта девушка в отражении, где она родилась и как прошло ее детство. Я не помню, получила ли она образование и какое. Я не помню ничего, что касалось бы ее первородного духа и умения им управлять.

— Но... ведь есть «но», — прозорливо заметил торговец.

— Вы правы, — кивнула. — Оно есть. Я помню другой язык, хали Ораш. Тот, на котором никто не говорит ни в Острожье, ни в Ирании. Я помню навыки и знания, которые

не умею применить в существующих условиях. Я помню другое имя и другую жизнь.

Выпала, не в силах больше держать это в себе. Торговец долго молчал, рассматривая меня с задумчивым видом.

— Что ж, пути, что шлет нам Великая Мать никому не дано постичь, — наконец произнес он. — Уверен, она переплела наши дороги не просто так, Алисана. Я тебе помогу. И пусть помощь моя будет заключаться лишь в переданных знаниях — значит, таков ее замысел.

— Вы уже помогли мне, — снова села на табурет. — Вы спасли меня из Острожья, подарили этот дом, дали свое имя...

— Спрашивай, — смущенно перебил мужчина. — Что еще ты хотела бы узнать.

— Трис... кто он? Эффет упоминал, что хали Трис сговорен с его племянницей, — уронила, стараясь не показать своей заинтересованности.

— Хали Трис... — мужчина постучал пальцами по столешнице, размышляя. — Кажется, я лично знаю этого молодого альшара. В прошлый мой визит в Фарлей пару оборотов назад он как раз был там. Мы виделись на большом приеме, устроенном по случаю обретения сыном градоправителя первородного духа. Льятиша тогда была совсем еще юной девой, но уже тогда она обещала вырасти в невероятную красавицу, — потер подбородок хали Ораш, вспоминая. — К тому же, уже тогда ее первородный дух был очень силен.

— В Острожье эту жидкость называли циниш, — задрала рукав, протягивая руку вперед. — Трис назвал шакти, вы — первородный дух. Так что же это, хали Ораш?

— Циниш — лишь жидкость, тут ты права. Как слюна вырабатывается у нас во рту, а молоко у матери, родившей малька, так и циниш вырабатывается в теле одаренного Великой Матерью. Первородный дух — источник силы альшара, — мужчина приложил руку к груди, как раз к тому месту, где я все чаще ощущала вибрацию. — Он дается ребенку не при рождении. Малек обретает его спустя десять оборотов после появления на свет. Этот источник есть у многих, но у большинства он настолько слаб, что и за все обороты не хватит им сил и на то, чтобы заставить баракар плыть по бескрайнему амуту даже несколько пар. В Острожье лишь у мужей принято развивать источник первородного духа. У юных дев, одаренных Великой Матерью бравины научились отнимать величайший дар. Ты и сама была свидетельницей такого варварского, кощунственного поведения.

— Они скачивают циниш, — прошептала, наконец начиная понимать. — А после используют для артефактов.

— Все верно, все так. В Ирании все одаренные проходят проверку на уровень источника. Те, у кого он меньше четырех не принимаются в академии, по крайней мере бесплатно. Они могут сдавать циниш на специальных станциях по сбору, получать за это красчи и ждать, пока источник выработает достаточно циниш для следующего сбора. Это может случиться и пять, и семь оборотов спустя. А вот те, у кого уровень выше четырех могут поступить в ирашские академии совершенно бесплатно. Для мальков с уровнем выше третьего это даже обязательно, потому что их сила слишком велика и не может долго оставаться бесконтрольной. Юных альшаров и альшари обучают в первую очередь не управлению шакти, а контролю над первородным духом. Судя по тому, что я вижу, твой уровень выше второго, Алисана, возможно, что он даже первый. Уверен, что ты проходила обучение контролю, иначе с таким уровнем нельзя.

— Возможно, — хмыкнула. — Я ничего об этом не помню, хали Ораш.

— С таким уровнем источника твои родители вряд ли были простыми горожанами,

Алисана. Это возможно, но крайне маловероятно. Чаще всего столь одаренные мальки появляются в семьях знатных альшаров. Думаю, ты как раз из такой.

— И где же моя семья? Что-то мне подсказывает, что именно они продали меня в Жахжену, уж слишком спокоен был Аравий. Он словно не боялся, что меня станут искать!

От волнения снова вскочила и совершенно неожиданно наткнулась взглядом на мужчину, неслышно стоящего в дверях. Мужчину, сжимающего кулаки и сверлящего меня взбешенным взглядом. Мы так увлеклись разговором, что не заметили, как в дом попал этот незнакомец. Как долго он здесь? Что успел услышать из нашего разговора?

— Наконец-то я тебя нашел, Алисана! — выпалил мужчина. — Думала, сможешь вечно бегать от меня? — шаг внутрь домика. — Со следующим же восходом пойдем в храм! Больше ты не сможешь от меня скрываться, никто тебя больше не спасет!

Конец первой книги

Больше книг на сайте - Knigoed.net